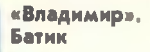
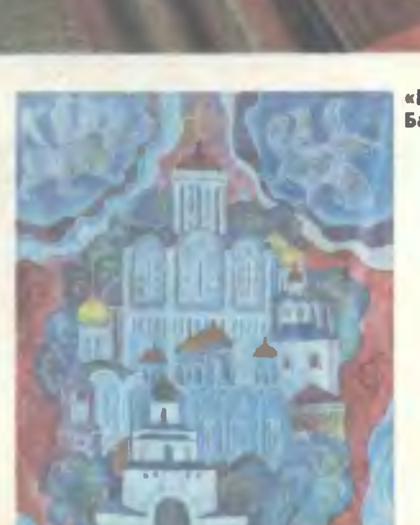
23-1-14

НЕВСКАЯ ПАЛИТРА

Геннадий Сорокин, Ольга Жохова

Очерк о ленинградских художниках читайте на стр. 30.





«Владимир». Батик

ISSN 0868—4855. Слово. 1991. № 4. 1—88. Индекс 70110. 1 р. 50 к.

АПРЕЛЬ

ISSN 0868—4855

СЛОВО

IV 91

Фото 1932 года

Великие княжны
Мария, Ольга, Анастасия,
сидит — Татьяна.

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ. Гениальный русский философ Иван Александрович Ильин (1883—1954) написал целый ряд философско-публицистических произведений, в которых попытался понять и проанализировать исторический путь России, ее национально-духовное развитие, ее тягчайшую трагедию XX века и будущую судьбу — все, что так горячо волнует нас сегодня. Именно этим чувством мы руководствовались, приступая к публикации впервые в СССР статьи И. Ильина «Основы борьбы за национальную Россию». Мы дали свой заголовок и сами ее назвали «манифестом русского движения», поскольку убеждены, что каждому русскому, сердцем и здравым умом заинтересованному в своей лучшей доле, мысли философа могут стать добрым руководством к действию, полезному для Отечества. Мы считаем, что этот манифест должен быть размножен всеми возможными способами и попасть в руки всех соотечественников. Пора понять, что у России есть свои гениальные мыслители, охватившие крепким умом прожитые века и тысячелетия. Это особенно важно сейчас, когда повсеместно сочиняются и издаются тщедушные труды — различные вариации «Что делать?», в которых судьба наша нам не принадлежит, ее пытаются решить помимо нас. Философ Ильин судьбу народа рассматривал как собственный выбор... Итак, МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ читайте на стр. 51.

И славит Бога песнь моя!

В 1942 году мы с матерью очутились в Барнауле, где нас поселили в каморке здания, бывшего до войны спортзалом, а тогда, в лихолетье, приспособленном для хранения эвакуированных из Москвы архивов. Как-то раз, забравшись в самый дальний угол этого немалого помещения, я с опаской открыл одну из многочисленных картонных коробок и, озираясь, принялся разглядывать папки в старинных, «под мрамор», обложках. Что в них лежало, не помню, да и не смог бы тогда понять. Но одно не могу забыть до сей поры — тяжелый альбом с золотым тиснением и исписанные крупным детским почерком гладкие, «атласные» странички, между которыми сохранились засушенные цветы. Я открыл альбом и оторопел — на коричневатых фотографиях были изображены ОНИ. Коренастый полковник с застенчивой улыбкой, строгая статная дама в белой шляпе, девочки, играющие на поляне в ныне забытую игру серсо, и мальчик в бараньем тулупчике и валенках, разгребающий деревянной лопаткой снег, а рядом с ним — бравый дядька-матрос в бескозырке с надписью «Штандарт» на ленте... Мое сердце быстро забилось — казалось, вот-вот застигнут за преступным занятием: не извлекай из небытия то, что больше никогда не должно видеть свет божий... Но не лукавлю, меня охватили недоумение и жалость: вот девочки, вот мальчик, а их расстреляли...

Давно это случилось. А время и того дальше ушло от той поры, когда жили мальчик Алексей с сестрами Марией, Татьяной, Ольгой и Анастасией, Рисовали акварели, вышивали гладью, играли в четыре руки Чайковского, а когда началась война с Германией, великие княжны, закончив вместе с матерью курсы сестер милосердия, работали в лазарете при дворцовом госпитале и, по словам очевидца, «не гнушались ничем». Собственно, их жизнь слаживалась так, как и у множества русских благородных семей в исконном значении этого понятия — с высоким сознанием о чести и долге, с глубокой верой в Бога и Отечество. И была у них среди других бережно хранимых нравственных и духовных традиций и такая, неприхотливая — сочинять к светлому празднику Пасхи стихи, записывать их в домашний альбом наряду с полюбившимися стихами Пушкина, Жуковского, Тютчева, Фета...

Недавно мне довелось видеть эти трогательные записи невинно убиенных девочек — исписанные ими листки по-прежнему хранятся в той же картонной коробке, которую я случайно открыл почти полвека назад. Небезынтересно, кстати, знать, что первыми стихотворными опытами юных великих княжон руководил Иннокентий Анненский — отличный поэт, знаток древних языков, античной литературы и отечественной словесности, директор гимназии в Царском Селе. И хотя подробных сведений о деятельности Анненского в качестве наставника царских дочерей нет, можно предположить, что их по-детски незамысловатые, трогательные стихи писались не без помощи Мастера, что добавляет еще несколько лирических штрихов к образу, справедливо будет ныне сказать, несчастной семьи последнего русского монарха.

ЮРИЙ ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ

МАРИЯ

Животворящий блеск весны
Взглянул на землю с вышины;
Из-под разрыхленных снегов
Зеленый тронулся покров.
Сквозь голубые полыньи
Вздохнули волны и струи,
И день намного стал длинней,
И небо дальнее синей...
И первый виден мотылек,
И первый для него цветок,
И полон первых песен лес,
И солнце... И «Христос воскрес!»

ТАТЬЯНА

Или победу над врагами
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

АНАСТАСИЯ

Вскрылась речка, затопила поля;
Солнцем весенним согрета земля.
Зеленой листвою оделись кусты,
Пчела за добычей летит на цветы.
Проснулась природа от зимнего сна,
Все ожило вновь — воротилась весна!

ЦАРСКОЕ СЕЛО,
22 апреля 1907 г.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
«Весна пришла к нам молодая!
Я здесь пою приход весны!
Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно,
Весь Божий мир здесь вижу я,
И славит Бога песнь моя!»

Стихотворение,
переписанное в альбом
Анастасией.

Фото НИКОЛАЯ КОЧНЕВА

ЛИЧУТИН Владимир Владимирович родился в 1940 году в г. Мезень Архангельской области. После окончания школы служил в армии, работал на заводе. Первая книга «Белая горница. Повести и очерки» вышла в 1973 году. Член Союза писателей с 1974 года. Автор книг «Время свадеб. Повести» (М., 1975), «Бабушки и дедушки. Повести» (Архангельск, 1976), «Золотое дно. Повести» (Архангельск, 1976), «Душа горит. Из хроники поморской деревни» (М., 1978), «Долгий отдых. Роман. Повесть» (М., 1979), «Последний колдун. Повести» (М., 1980), «Фармазон. Роман» (М., 1981), «Крылатая Серафима. Из хроники поморской деревни» (М., 1981), «Домашний философ. Повести» (М., 1983), «Скитальцы. Роман» (Л., 1985), «Любостай. Роман» (М., 1987). В 1989 году в издательстве «Современник» вышла книга публицистики Владимира Личутина «Душа неизъяснимая. Размышления о русском народе». Сейчас писатель работает над романом о протопопе Аввакуме.

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Фармазоны перестроечных дней

Лет десять назад Владимир Личутин говорил о своем только что опубликованном и сильно изрезанном цензурой романе «Фармазон»: «Фармазоном на Севере называли дьявола, несущего удачу в делах, фартового дьявола. И мне хотелось показать одного из современных «бесов», понять, как в нашей действительности они могли возникнуть... Это роман о «фармазонщине», коя принимает нынче самые невероятные формы, более чем сложные, несуразные, порой исключающие всякую логику. Я написал эту жизнь так, как увидел ее, но отнюдь не очерняя. Мне хочется остеречь людей. Глядите внимательно — это страшно. Страшно? Да, но требуется знать».

Кстати, этот роман с его глубинной проблематикой и до сего дня не дошел еще до читателя без многих купюр, ибо власть тотальной цензуры в книгоиздательском деле, принявшая иные, тайные формы, быстро замещается и подменяется властью чистогана. Очевидно также, что многие, боясь опоздать на пир, заспешили продать душу «фартовому дьяволу». Так что произнесенные в те годы писателем слова о «фармазонщине», как о зловещем явлении, при свете событий последних лет наполняются особым смыслом. Это и определило во многом характер нашей беседы.

— Владимир Владимирович, меня лично в современной ситуации обнадеживает то обстоятельство, что чем дальше пытаются разного рода демократы увести народ от здравого смысла, тем быстрее улетучивается у него политическая наивность и простота, с какой еще недавно люди верили новым властителям, заменившим в креслах прежнюю бюрократию. Пусть медленно, но начинает спадать пелена с глаз. Так есть ли у вас уверенность, что нам суждено «в разум истинный войти»?

— Видите ли, я не пророк, не глашатай и не охранитель. Без ложного самоумаления скажу искренне: я — смятенное дитя века, и распахнутое, и застегнутое на все пуговицы, одинокий человек, во все времена мало уповавший, что голос мой кем-то будет услышан. К сожалению, чувство это лишь увеличивается. Но от литератора на Руси еще пытаются расслышать и понять учительное слово.

Неутешительный, но реальный факт: мы давно вошли в затяжную полосу зла. Настойчивым досадительством, раздражением недруга, всякими теснотами можно вывести из терпения народ, полонить и позвать за собою. Это один из фантомов кривоверов. Спросите меня: кто такой кривовер? Еще Феодосий Киевопечерский, святой старец, вразумлял паству: бойтеся кривоверов, утверждающих, что всякая вера от Бога. С печалью напомню, увы, за это столетие почти все мы стали кривоверами, дух смятенности, праздности, уныния, чужебесия прочно угнездился в нас. И вновь слепые вожди ведут в яму слепых агнцев, поманывая нас видимой простотой и ложной святостью, нас, вечно алчущих житейского счастья и так редко вспоминающих о душе своей.

Пять лет тому мы все дружно скопились у общего каравая, одаривая и ближнего и дальнего заморского брата, принимая их за верных членов братства своего. Много было прошаков, милостыньщиков, и для всех хватало прокорма, ибо, не ведая о Христе, проклявшие его, мы исполняли вывернутый наизнанку его завет: возлюби ближнего как самого себя. После я объясню, отчего у нас так скоро, в год-два, прикончилось видимое, как оказалось, миролюбие...

Пять лет тому у нас были все условия, чтобы встать на путь устойчивой эволюции, завещанной Космосом. Но нашим вождям захотелось провозгласить «революцию», обмануть и обойти природный инстинкт самосохранения народа. Нас выгнали из своего дома, затеяв перестройку с фундамента, воскликнули: «Беги за лучезарным Западом» — и приковали ногу цепью к причальному кнехту. Пророки и прорабы суетятся вокруг, шумят и сетуют на недвижность нашу, вместо того, чтобы деть воли, простору и пути. Провозгласили, что революция продолжается. А следствие всякой революции — гражданская война. Вот потомят

народ в крепях, разожгут его нетерпение, растравят обиженную душу, а после и отомкнут цепь?

Ясно же, кто владеет хлебом, тот владеет миром. Я не экономист, но убежден, что надо было первые три года заниматься «хлебом» (земля, дом, дороги, быт деревни, обилие агротехники и др.), то есть государственной хребтиною, ибо деревня и есть та сумочка с тягой земною, кою требуется осилить, если народ, уважающий себя, не желает рассыпаться по земле как прах, несомый ветром. Но эти три года мы профукали на разымание государственного тела по частям, и надо сказать, топор рубщика оказался умелым.

Из деревни же исходит национальный дух. Всякий крестьянин, умелец, земледелец подтвердит, что хлебом страну можно накормить за три года. А вот чтобы восстановить утраченную русскую душу, потребуется триста лет. Об этом я не раз писал и говорил. Утрачен накопленный исторический и природный опыт, который создается лишь родом человеческим в своем доме на своей земле. Нет свода памяти, и дух православный развеян по ветру. Вот почему в каждом из нас живет кривовер. Истинных духовных мет, этого облагораживающего и благоухающего аера, мы лишились, когда была проклята и предана мучительной долгой казни православная Церковь. Если деревня — хребет нации, то церковь — ее всеобъемлющий дух. Идеал Небесного вертограда был оттеснен и заменен идеей земного рая. А сладкоголосые певцы его — кто уже в земле, кто в нетях, а иные перелицевали костюм, требуя покаяния от тех, кто чудом спасся в долгие затхлые времена. Они-то, наши глашатаи новин, живо пролили слезу, забывши, что «наружное покаяние не цельбу приносит, а погибель».

Думается, чтобы купно собраться вновь в здоровый народ, надо исцелять себя. Мы находимся в чечевичном состоянии, как то живое зерно, что прошло крупорушку. Вернее, не мы, но душа наша. Когда-то русич был двоевером, но в эту расщелину пролез прельстительный марксизм и разорвал нашу душу на три части, загнав христианское, миролюбивое, небесное в самую темень естества нашего, а язычество подавив атеизмом. Как вытеснить эту новую религию? новою волею? иль сквозняком потрясений? иль мерным ладом устоявшейся праведной жизни? Сколько вопросов, требующих разрешения. Но упаси, Господи, от торопливости, ибо не будет времени для нового покаяния. Ефрем Сирин наставлял: «Нет покаяния для тех, кто торгует покаянием. Когда видишь кающегося и снова согрешающего, то разумей, что он не переменился в уме своем».

Воздух новин пролился на пространства, он должен, он вольется когда-то в каждую ждущую душу, только пусть не затмит нас новая хмара жесточи. Вы знаете, когда солнце встает, всегда свежим ветром, особенным по сладости его, вдруг подует с окоема. О нынешнем времени можно сказать строками духовного стиха: «Сторож! сколько ночи? Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь».

— Слово «покаяние», равно как и «духовность», превратилось сейчас в разменную монету в политических играх. Мало того, что эти понятия безмерно опошляются и извращаются усилиями людей неумных, нечистоплотных, продажных. Самое печальное, что человеческое сознание вполне успешно подталкивается к неразличению добра и зла. Не так ли?

— Сказано: «отверста дверь для покаяния». Но это личное дело каждого. Звать к покаянию — это фантом кривовера, ибо это — прельщение лишь, призрак, утеха. Повинись-де, признай греховную сущность свою — и жизнь блистательно переменится. Но покаяние не приносит благ земных, тучных, но соскребает шелуху, ветошь бренного, суетного лишь с души, готовой внять Богу. И непонятно, пред кем зовут каяться ревнители, давно утратившие вход во врата Господни? Отчего они с поспешностью вдруг накинули одежды святительские, будучи прежде неутомимыми атеистами-вонтелями. Да, они велят каяться русскому народу пред теми невинными, кто был заморен в лагерях. Это были наши родичи, многие покинули мир бренный с высоко поднятой головою, иных уже занесли в поминальники, как мучеников за веру и отечество. Но опять вспомним завет того же Феодосия Киевопечерского, чтобы не затомиться чувством ложности. Вера у нас одна, православная, и каяться можно лишь пред ее пастырем. Но падших, невинно убиенных надо помнить, ведь в памяти, поминовении — национальная крепнущая соборность. И когда я говорю о покаянии, то не какого-то, невидимого мне, земляка, печищанина учу уму-разуму, но себя, заскорбевшего, подвигаю к скоблению «авгиевых конюшен» души своей.

Когда-то швондеры, челкаши и профессоры «новой красной идеологии» скучились в одну темную расхристанную толпу, и это мстительное перекати-поле заклубилось по России, подсекая подпятные жилы народу. «Профессоры», явившись из заграничных обиталищ, мало чем рисковали, спроваживая на вселенскую бойню цвет народа. Затевая революцию, они держали под парами пароход, чтобы вовремя утечь за кордоны. Профессоры в кожаных тужурках и френчах с накладными карманами, куда могла вместиться не только вся Россия, но и Европа, они никогда не утрачивали сладость жизни, они знали цену роскоши, алмазам и заморским винам и прелесть мягких, обволакивающих мебелей. И когда по Петрограду собаки поедали неприбранные трупы «бывших», тех самых бывших, кто создал великую Россию, то эти, новые, уже закатывали пиры в богатых особняках (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Лариса Рейснер и прочие, о ком создавались мифы как об аскетах, бессребрениках и альтруистах, желавших исключительно народного счастья). Иные же отрабатывали руку на живых, расстреливая врагов революции. Писатель Жерняков, ныне покойный, рассказывал мне, как в Холмогоры привезли плененных восставших кронштадтских матросов, названных «мятежниками», заключили их за проволоку в середке села, и комендант этого лагеря, «братишка-матрос» с маузером в деревянных кобурах, сбив бескозырку на затылок и закусив в зубы ленточки, каждое утро расстреливал по десятку несчастных. Так он приобретал цепкость революционного взгляда. Ему было у кого учиться, подобную практику любили и учителя новой нравственности Розалия Землячка и Ревекка Пластинина. Да и главный наш наставник не уставал повторять: завлечь — и расстрелять, завлечь — и уничтожить, вывезти за город — и расстрелять, обращаться с восставшими, с духовенством, с непокорными, с инакомыслящими без жалости и с особой жестокостью. Вот эта «сатанократия» и установила диктатуру кривоверов.

Повторю, свежего и сладкого дыхания рассветного ветерка мы пока еще в нашей жизни не ощутили. Не было еще его, когда бы ты захлебнулся этим нектаром и, прослезясь, воскликнул: «Слава тебе, Господи! Опять утро!»

По-прежнему черный, с неуступчивым взглядом, попирая асфальт Москвы и спиною чуя дыхание «тоталитарного Кремля», возвышается Свердлов, цепко зажимая рукою деловую папку с тайными бумагами. Сколько уже стоит первый председатель ЦИК, но никогда не узнаем, что находится в портфеле первого бюрократа мира. Мы вопим, откуда-де у нас засилие чинов, с каких таких хлебов наросли они на земле нашей и насели на шею народа. Да они взгромоздились на его шею с первых дней революции, выгрызая для себя довольствие и место. Когда-то Ленин воскликнул (а он ужасно любил изрекать истины): к северу от Вологды дикость, полудикость и крайнее невежество. И вот с его легкой просветительской руки в темную Русь рассыпали сотни неугасимых светляков, кои сияют и поныне, давая земле особый мистический свет. По всей России, куда бы ни отшагнул ты, встретишь до боли «милые и любимые имена», когда-то призывавшие наших предков «вперед, заре навстречу». Это и Маркс, Энгельс, это и Цеткин, Либкнехт, Люксембург, это и Урицкий, Володарский, Свердлов, Ленин. Какое странное скопище пришельцев, словно целый корабль чужестранцев высадился однажды на наших берегах и оседлился на просторах нашей родины, обвешил своим именем, запахом и норовом всякую кочку родимой земли, коя издревле имела языческие и православные приметы, по которым мог безошибочно двигаться поселянин. А нынче вокруг синодик атеистов да обожествленный Ленин с воздетой в пространство рукой, то ли осеняющей нас крестом, то ли дающей нам подаяние, то ли призывающей и подталкивающей к горизонту в неведомый поход. И сдвинулась Русь, покатила валом по земле и превратилась в табор. И где бы ни остановилось кочевье, везде встретит его Ленин, который с непритушенной гордыней во взгляде попирает чернь у подножья чугунной ногою, не знавшей пыли российских дорог, его безволосая голова подпирает небеса, и только редкая птаха умащивается на темени, по которому то сеет снег, то хлещет дождь...

— Все, что вы говорите, становится сегодня самоочевидным для трезвого, незашоренного, неизвращенного ума. Неслучайны постоянные атаки на обывательское сознание со стороны средств массовой информации, способные лишить человека чувства всякой реальности. И уже без всякого удивления видишь, например, как Генрих Боровик, много потрудившийся в 1987 году в телепередаче «Позиция» для того, чтобы не допустить правды об инициаторах варварского разрушения храма Христа Спасителя и всячески умалить художественную ценность этого удивительного творения духа народного, вдруг организует кампанию по защите «произведений искусства», то бишь антихудожественных, стандартных памятников вождю в городах и весях наших. А вспомните, Владимир Владимирович, хотя бы упорную кампанию, норовящую доказать, как повезло бы народу, дорвись Троцкий, а не Сталин, до власти. Чего стоят одни только выступления историка Волкогонова, ухитрившегося представить Троцкого этаким рождественским персонажем, раздающим подарки красным бойцам (впору прослезиться от умиления!), и ни единым словом не обмолвиться о кровавой бане диктатора, комфортно разъезжавшего по дорогам гражданской войны в бронированном вагоне. И сразу видно, как заскучали, затосковали «демократы» наши без диктатуры, обеспечивающей им, так сказать, демократию для узкого круга. Это сложный, конечно, вопрос, над которым напряженно размышлял еще Достоевский, остерегая нас, но где, по-вашему, корни «фармазонщины»?

— Еще около плахи Робеспьера появились эти фарисеи, с легкостью отринувшие душу, как некую химеру, бредовую выдумку богословов. Полагая ее за ветошь, они утратили и страх Божий, укрепившись в мысли, что «все позволено». А мысль эта и есть состоявшаяся сделка с дьяволом, продажа души своей. Но ревнители эти всегда в выгоде, ибо им нечего терять. Им земные благодати куда весомее небесных, и поэтому они, очарованные призраком земного рая, с охотою пошли в путь, увлекая за собой народы. Для этих учителей не существовало, разумеется, ни Божественного закона, ни заповедей, ни страха пред Господом. Не заблуждаясь, но с холодным азартом, с сатанинской яростью стоптали они под ноги и предали анафеме ту небесную силу, которая одна только и сдерживает в человеке звериную темь. Отринув и осмеяв человеческую душу, а значит, и мировую культуру, что вся зиждется на Духе, наши неистовые ревнители заступили место Бога. Им стало легко жить и легко действовать. Сразу пропали за ненадобностью угрызения совести, муки нестерпимые, которыми страдал на Руси распоследний разбойник, кровь людская стала для них водицею, а муки братьев, ближних стали чувственным наслаждением. Посмотрите, однако, на старые фотографии: как милы, улыбчивы и прекраснодушны «преобразователи мира», как честны их взоры, как мыслительны и благородны их лбы... А оказывается, тот — из чрезвычайки, тот — профессионал-убийца, тот выбивал тамбовских крестьян, а тот — казачество, этот изобрел лагеря, а этот выстроил систему «смерша»... Одевши на себя личину фармазона, они были милы в своем семействе и с друзьями на охоте, хотя даже там упорно выслеживали друг друга, плели интриги и мастерили мышеловки. Они копали тайные ямы друзьям и следом угождали туда сами. И у многих, если вглядеться не в снимки, а в дела их, вслушаться в речи их, нет души, но холод и смрад Потьмы — языческого ада (кстати, при Сталине уральское село Потьма стало лагерным центром). Да и откуда было взяться душе, коли в самой устроительной теории была она выкорчевана, холод политических и экономических постулатов и догм напрочь зальдил самозваных устроителей человеческого благоденствия...

Любопытно, что почву под революцию во Франции возделывали просветители с их ограниченностью и самонадеянностью, а в России — интеллигенция, подпавшая под влияние позитивистского дурмана, она же и легла первой под секиру чистки. Такова сущность деяний зла, а за ними наступает промысл Божий. И вот на смену идеалу пришла идея. Мы не Франция, которая после гильотины, вырубившей цвет нации, смогла оправиться; на нашей земле более ста языков и идея для общего согласия у нас — не укрепа. Хорошо поняла жизненную необходимость идеала Америка, начав с Линкольна богоустроение. Сейчас там верят в Бога восемьдесят четыре процента американцев, а во Франции лишь двадцать семь.

Ныне нас усиленно призывают горевать об участи атеистов, что предали Божьи заповеди, об убийцах-практиках и сочинителях-теоретиках, о создателях лагерей. Проклинают лагеря тридцатых годов и кощунственно напяливают венцы мучеников на головы палачей, сооружавших эти лагеря. Мы же, позволяя вовлекать себя в подобную ложь, поддаемся, тем самым, дьявольскому искусу и, оправдывая когорту «великих революционеров», любовно приникаем к сатане. Сталин лишь глубже и безжалостнее развил идею лагерного чистилища, этой земной Потьмы, искрошившей цвет многих народов. И думал ли «железный» Тухачевский, уничтожая десятки тысяч тамбовских мужиков, беспощадной рукою выкашивая «контрреволюционную ересь», что вскоре и сам будет лежать, как падаль, на тюремном дворе? И гадал ли «гуманист» Бухарин, считавший расстрелы необходимой воспитательной мерой для перекроя прежнего человека, что его настигнет своя партийная пуля? Вышний суд неотвратим? И часто он совершается здесь, в виде человеческого возмездия, как бы в назидание всем следующим поколениям. Только горе нам, что уроки вышней справедливости усваиваются нами с величайшим трудом.

— К тому же в духе агрессивности, разрушения и разъединения всегда заложено и самоуничтожение. Так же, как заложено оно в личности человека, поддавшегося внушению, что тот, «кто был ничем», «станет всем». Когда же он «станет всем»? Ответ ясен: когда убьет и ограбит, разрушит «до основанья»...

— И такой человек часто тешит себя затаенной наивной мыслью, что бренная жизнь вечна и нам всегда пожинать земные утехи и плотские радости, не расплачиваясь за все долги своею душою. Уж на что был огромен Сталин в своем диктаторском величии, но и он помер в одиночестве, лежа на ковре, под охраною, уже никому не нужный. И некому было закрыть ему глаза, ни с кем не попрощался он пред гробовою доскою, ни у кого не попросил прощения. И даже мертвого его боялись, страшились подойти, проверить сердце, вызвать врача...

Но я далек от мыслей о всякой мести, ибо месть рождает зло, а зло творит насилие, насилие же укореняется в человеческой памяти скорбью, а скорбь взывает о возмездии. Историю не перелицевать и не судить, она свершилась, утекла как речная вода. Любая, самая жестокая история — наука и урок.

А посмотрите, как похожи (случайно ли?) диктаторы в своем сверхусилии. Фашистские проповедники мечтали о национальном сверхчеловеке, а наши революционные ревнители сулили превратить своего соотечественника в «суперраба» — идейного раба. Для этого сочинялись самые изощренные формы духовного умерщвления. Рушили церкви. Жалко? Безусловно. Но не это главная беда. Ибо церковь не в бревнах, а в ребрах. У всякой храмины свой земной срок, и печалясь о порушенных соборах, нельзя подменять ими душу. А та вселенская казарма, которая должна была заменить храм Божий, требовала вставших в колонны атеистов, и самой страшной препоной была для кривоверов церковь в ребрах. Туда и направлялось главное острие идеи коммунистического рая. Опасайтесь врага, убивающего душу...

Барщина и оброк советского образца удавкою скрутили русского мужика, и только извечный православный стоицизм, созерцательность ума и спокойствие духа помогли, вопреки петле геноцида, пройти ему по жизни с песнею и побаскою. Чему и дивимся мы ныне.

Мой дедушка Житов был признан лишенцем в тридцатом году, то есть лишен всяческих прав, а семью его стали душить оброками. Мать двенадцатилетней девчонкой уже гоняли на лесосплав по северным рекам, где и матерому мужику было тяжко: вечно в воде по грудь, лесная землянка, комары, голод, кровавые мозоли на руках. У бабушки на перекладине кровати постоянно висела холщовая сумка, куда складывала она каждую нажитую копейку, чтобы после осилить немилосердные налоги. Кто не выплачивал вовремя, у того сводили со двора корову, последнюю козу и овчушку. Кроме того, надо было снести шкуры, мясо, шерсть, рога, копыта, кости, — в общем все, чем кормилась семья. Молоко сами не пили, все стаскивали на пункт в контрактацию. Бабушка наливала молока в блюдце, разбавляла водой, и дети макали его житным каравашком, выращенным на своей сотке. Когда становилось особенно невмочно и от тоски разрывалась грудь, бабушка хватала рогач, тыкала в портрет Сталина и кричала всякие хульные слова, чтобы облегчить истомившееся сердце. Но... когда вождь умер, бабушка вдруг сказала кротко: «Мертвого не похулим». Вот он, истинный норов русского человека, который понимал историю мира куда глубже, нежели нынешние «прорабы перестройки». Они, зачастую пресмыкавшиеся пред вождями, не имеющие и сотой доли того достоинства человеческого, которое жило в сердце простой крестьянки, наполнились сейчас благородным негодова-

нием и огненной местию, очень, надо сказать, избирательной, забывши древнее правило.

— Слушая вас, я вспомнила ваш очерк «Цепь незримая», в котором вы уподобляете народную жизнь потухшему «громадному духовному костру», который в течение десятилетий со злобной поспешностью и ожесточением заливали водой, раскидывали головни. Очень верный образ. Но когда читаешь или слышишь такие вот рассказы о безмерном терпении, мудрости, незлобивости русского крестьянина, то духовная основа народной жизни видится все же не тлеющим костром, но птицей Феникс, способной возрождаться из пепла. И тем отчетливее видится и бездна между живущими по заповедям простыми душами и теми, кто в безмерной гордыне и ослеплении возомнил, что «все позволено»...

— Они-то, «образованцы», тщившиеся сотворить на кровавом плывуне «посюсторонний рай» — этот фантом кривоверов, плодили новых «образованцев-постовиков», пожизненную номенклатуру, весь культурный запас коих зиждился на «Мойдодыре», «Молодой гвардии» и Павке Корчагине. И редко кто прорывался собственным сверхусилием из идеологических клещей. Так, челкаши плодили челкашей, швондеры — швондеров, профессоры семьдесят лет пытались из крестьянина сделать тягловую скотинку. Родящий чернозем соскабливался и заменялся суглинками, супесями, и это скудородие по своему жестокосердию изобретало новые формы выковки «соцчеловека».

Я не сужу, но рассуждаю, мне жаль всех — выстоявших и павших во грехе, ибо не суди, да не судим будешь. Я лишь пытаюсь понять, насколько глубоко человек предан бесу; как из ребенка, явившегося на свет, чтобы исполнить Отцов завет добролюбия, вырастает ненавистник Света истинного, с легкостью подпадающий под князя тьмы.

Уже помянутый мной писатель Жернаков рассказал мне однажды такой случай. Он вернулся с фронта в орденах, но весь израненный, тяжело уязвленный войною. Назначили его в Холмогорах директором рыбозавода. Война еще шла, и вот зимою на всю Северную Двину сгоняли баб-колотух и стариков с пешнями, те долбили саженный лед и в майнах тянули невода. За день на всю реку удавалось поймать стерлядку-две, лично для Иосифа Сталина. Ну, тут о чем спрос, вождь, «восточный деспот», император — назови как хошь. У вождя болела печень, и живую двинскую стерлядь отвозили в столицу. В Архангельске на путях стоял чан с водою для живой рыбы, и стерлядку на самолете гнали из Холмогор в город и запускали в садок. К чему это я? А вот к чему. Принимал эту стерлядь молодой полковник, лет двадцати шести, с номерной бляхой на кителе. И каждую ночь он поднимал Жернакова, посылая за ним машину, и тот, под плач молодой жены, понимая, что домой уже не вернуться, брал чемоданчик с наготовленным бельем и той мелочью, что сгодится в тюрьме, уезжал в темень. Его привозили к полковнику, не спавшему ночами, как и его господин. Этот холуй сидел посреди комнаты, властно утвердившись на стуле, хромовые сапоги сияли, лоснилось молодое сытое лицо. Он сидел и, выставив Жернакова у порога, мучительно долго раздевал апельсин и так же долго поедал. Потом нарушал молчание и говорил одно и то же: давай-де, сварим из стерлядки уху, у меня есть водка, хорошо закусим и никто не узнает. Он соблазнял директора рыбозавода сладкой трапезой, а тот, изнемогая, упираясь в тростку, понимал, что его нарочито травят соблазном, чтобы потом, насладившись бессилием калеки, упечь в тюрьму за свершенный непростительный грех.

Под утро Жернакова отвозили обратно домой. Игра эта, мучительная для него, продолжалась до весны.

И вот мы публично предали анафеме фарисеев, и казалось бы, самое время опереться на совесть, разум и целесообразность, чтоб с их помощью разрешить неустройство жизни. Но вместо того, чтобы вернуть человеку его национальное «я», мы опять приступили к выделке нового гражданина, хотя его шкура не окрепла еще от старых язв. Мы снова облучаем его, растерзанного сомнениями, фантомом грядущего счастья, на созидание которого отпущено десятилетие. Наивный, он уже устремился за упакованным новым призраком личного компьютера, видеотехники и прочего, чтобы добившись, разувериться и в нем, ощутив в себе все ту же, что и прежде, пустоту. А пока этот призрак, почти вживленный в нас заместо прежних идей, мы уже почитаем за благодать, за высшую меру счастья, уповаем и молимся на него, совершая грех кривоверства. Расхристанные душевно, дети своего времени, мы не познали даже житейских радостей и почитаем за богатство то, что должно быть обыкновением жизни. Хочу спросить наивно: кто счастливее? Дремлющая у цветного телевизора в панельной клетке работница или испотевшая в трудах праведных на своем дворе баба, сидящая под мальвами у хаты и лузгающая семечки? Для современного «образованца» это мещанство и низость жизни, а для меня спокой, мирность, равномерность, гармония с природою, которую я порастерял по городам в поисках высшего смысла жизни. Как разрешить мучительный вопрос о счастии?

Мы порастеряли национальное «я»: долготерпение, гоститву, поклонение природе и языческому богу Радигостю, приклон Христу и понимание вина как крови Христовой, как праздника. Древние учили, что не проклято вино, но проклято пьянство. Мы как-то позабыли, что многой злобе учит человека праздность (смысл земного рая), что «руки нужно трудом обучати». Мы не прониклись естественным чувством совести как добровольной несвободы. И вместо того, чтобы самим воспитывать душу, нас сковывают новыми внешними несвободами всяких ограничений: карточки, талоны, запреты, окрики, угрозы, судилища, содом публичной клеветы, безнаказанность зла, беззащитность личностная. Так скажите, чем отличается новое время от недавнего? Смутой и террором, голодом и грозящей безработицей, новыми клепами, что вытачиваются умельцами для будущих недовольных властью? А их будет чрезвычайно много. Вот грянули новые дни, и те фармазоны, которые с таким неистовством топтали Христа, сейчас, наживая политический капитал, стоят со свечками на месте бывшего Казанского собора. Видишь такое, и мучает сомнение, не перепутали ли они сверкание золотой монеты с сиянием нимба над головою Спасителя? И с какой целью, сбросив колодки старого режима, с таким рвением заталкивают они народы в рынок, хаос, в беспросветицу, унижения, в дармовые тарелки, ночлежки, словно эта разорванная на клочки жизнь и есть высший смысл, начертанный Господом. И всюду, рядом с хулой на русский народ, чужебесием, проституцией — песнопения, ризы, как заманный сладкий соус для скверной еды. И всюду крики о совести, слезе ребенка, праведности, сострадании и жалости, которые недавно еще догматиками власти объявлялись скверными и унижающими человека чувствами.

— Да, торгашеский деляческий дух витает сейчас над страной как никогда. Такого открытого поклонения золотому тельцу мы еще не знавали. Это ли не новая, едва ли не большая опасность?

— Хочу вновь напомнить, что все значительные умы Запада видели в русском человеке тот свет и источник Божественного духа, который впоследствии один только и сможет одолеть торгашеский дух выгоды, расчета и ростовщичества. Ведь самым скверным считались у православных «наспы и резы», то есть ссуда денег под проценты, так глубоко укоренившаяся на Западе. Я как-то выписал себе старообрядческий текст молитвы Ефрема Сирина, которая начинается так: «Господи и Владыко животу моему. Дух уныния и небрежения, сребролюбия, празднословия отжени от мене». Если вы заглянете в современный молитвослов, то увидите, что в никонианской редакции эта молитва звучит иначе, и слово «сребролюбие» выпало вообще. Выпало, ибо тогда уже на Русь проникала зараза западного прагматизма. Но исстари на Руси заповедано, что богатство дается Богом нищих ради, то есть для добрых и бескорыстных деяний. Вот и мы, если усвоим и вновь примем в душу свою древнюю мудрость отцов наших, если не предадимся духу сребролюбия, не поклонимся мамоне, то сумеем одолеть и новое наваждение, и бес фармазонщины сгинет с нашей земли без следа, как смрадный дым от свежего ветра.

Беседу вела
ЛИДИЯ МЕШКОВА.

●

О чем душа болит

Итак, нам предстоит испытать, что такое рынок. Демократизация, гласность и плюрализм дали возможность прийти к власти новым людям — ученым, и они осуществляют новую экономическую политику. Но как это часто бывает, то, что понятно ученым, не совсем понятно народу, потому что народ и ученые думают по-разному. Для народа уточняется, что рынок не противоречит «социалистическому выбору» и «социалистическим ценностям» и будет подчиняться обществу, то есть будет «регулируемый».

По замыслу экономистов рынок выведет нас из кризиса. Но при этом осталось неясным, что же такое наш кризис, каковы его глубинные причины? Печать, радио и телевидение вслед за учеными также единодушно признали, что рынок выведет нас из кризиса, и это считается очевидным. А тем, кому это все-таки неясно, предлагают посмотреть, как живут на Западе. Травкин, например, посмотрел, как живут в Швеции, и ему стало все ясно. И так должно стать ясно каждому. Людей разделили на тех, кто за рынок, и тех, кто пугает рынком.

Я за рынок, за частную инициативу и предпринимательство в любой цивилизованной форме: датской, шведской, канадской и т. д., но мне непонятна связь между развитием рынка и выходом из кризиса.

Можно ли рыночными отношениями дать толчок развитию производства? — Да.

Можно ли частной инициативой и предпринимательством увеличить производительную силу народа? — Да.

Можно ли рыночными средствами дать власть науке и техническому прогрессу? — Да.

Однако вся история промышленности в развитых странах неопровержимо доказывает, что рынок сам есть причина и источник кризисов, а не средство против них. Поэтому я осмелюсь предположить, что рынок по своим законам последовательно доведет наш кризис до неизбежного конца — всеобщего промышленного краха, а лишь затем начнется период постепенного подъема, а затем и стремительного развития промышленности, опять же по его (рыночным) законам.

В то же время современная история показала, что капиталу удается избегать кризисов. И это сейчас для нас самый главный вопрос: как рыночному производству удается избегать кризисов? Коротко можно ответить, что такую способность капиталу дает современная наука, в том числе наши социалистические идеи и открытия, а также наше непосредственное влияние. Мы же предлагаем нечто противоположное — кризис планового производства снять рыночными отношениями.

Итак, всё за то, чтобы развивать наше производство частной инициативой и предпринимательством, но как это сделать? Вот, например, укрепить здоровье можно моржеванием и бегом по пять километров ежедневно. Но если человек болен, то бег и купание в ледяной воде обострят болезнь, и воспаление легких перейдет в туберкулез или даже в скоротечную чахотку. Так же и с нашим производством, оно — живой организм общества, и прежде чем укреплять его такими сильнодействующими средствами, как рыночные отношения, его надо излечить от кризиса. Швеция, Англия, Дания и др. доказали, что рыночное производство можно излечить от кризиса социализмом, но что плановое производство можно вывести из кризиса рыночными отношениями — это предстоит доказать грядущему рыночному эксперименту.

Наш кризис имеет два существенных сходства с классическими промышленными кризисами прошлого: во-первых, производство вышло из-под контроля общества; во-вторых, это всеобщий и глубокий кризис общества, который поразил все области человеческой деятельности: науку, искусство, медицину, высшую и среднюю школы, нравственность, семью. Он поразил также все отрасли производства: земледелие, транспорт, добычу угля, металлургию, машиностроение, кап. строительство. Словом, все, кроме военного и космического производства. И в основе всеобщего кризиса лежит промышленный кризис. Это очевидно на примере злодеяний Минводхоза, а также Минэнерго, Минатомэнерго, Миннефтепрома, Минхимпрома и т. д. Печать сообщает сотни вопиющих примеров паразитирования нашего производства на обществе.

Однако решение принято, нам предстоит перейти к рынку, но рынок должен быть «регулируемый». Понятие «регулируемый рынок» напоминает мне одну старую басню о том, как два мужика были в лесу и один кричит другому:

— Я медведя поймал!

— Так веди его сюда, — отвечает другой.

— Да он меня не пускает!

Не окажется ли наш «регулируемый рынок» тем медведем, которого мы поймаем и из лап которого не вырвемся? Тем более, что у нас уже есть опыт. Недавно мы ловили медведя под названием пьянство и поймали его, и он не выпускает нас из своих объятий, и пьянства стало больше, чем было прежде. Потом мы ловили медведя под названием кооперативное движение и тоже поймали его, но об этом в конце.

Причем безнаказанно ловить медведя можно в басне, а связываться с ним наяву дело иное. В 1977 году на Ямале был такой случай. Один геолог захотел добыть шкуру медведя для городской квартиры и пошел на белого медведя с лопатой. Медведь отвернул ему голову и закопал, чтобы мясо не протухло. Поднялась тревога, начальник экспедиции схватил ружье, сел в тягач, поехал за медведем и убил его.

Оказывается, на медведя нельзя ходить с лопатой. А с чем мы хотим идти на овладение рынком? Какие средства у нас есть, чтобы сделать его «регулируемым»? И чтобы при этом пойманный нами медведь не переломил бы нам шею. К сожалению, в этом деле мы под сильным влиянием чувств и желаний. Недавно Москва вышла на митинг на Манежную площадь с плакатами: «Хотим жить как на Западе!», и это желание вместе с требованием рынка сильно напоминает желание овладеть медвежьей шкурой с лопатой в руках.

Когда-то приемы овладения рынком были описаны в теории общественного развития Маркса и в его политической экономии. Они были применены в революции 1917 года. Однако великий эксперимент оказался в руках фанатиков и проходимцев, и судьба этого учения стала такой же трагической, как и судьба нашего народа. Ленин говорил, что в России не найдется и пятидесяти человек, которые знали бы Маркса. Сталин сильно уменьшил и это мизерное число его знатоков. Сталин также превратил марксистскую партию в орден меченосцев, организовал орден марксистских иезуитов, стал во главе его и от имени Маркса посылал на костер (то бишь в ГУЛАГ). В печати уже говорилось, что Маркс не отвечает за действия, творимые от его имени, как учение Христа не отвечает за своих иезуитов. Я поясню еще на таком сравнении, вот Беккерель открыл радиацию, а Эйнштейн открыл, что энергия равна массе, умноженной на скорость света в квадрате, и справедливость этих открытий еще раз подтвердилась в Хиросиме и Чернобыле. Но в огромном чернобыльском деле нет обвинений против Беккереля, хотя связь между заражением радиацией миллионов людей и его открытием очевидна. Также и в расследовании хиросимской трагедии нет обвинений Эйнштейну, хотя в основе атомной бомбы лежит его открытие и печать могла бы без труда возбудить ненависть к ним. Так же в гибели Арала можно было бы обвинить изобретателей экскаваторов, потому что только экскаваторы позволили прорыть такие гигантские каналы, которые и осушили Арал.

Так и Маркс. Он открыл общественные силы, и события в России, в Китае, в Камбодже, в Румынии и еще в десятках стран показали, что это силы неимоверной величины. Но чья вина в том, что человечество воспользовалось этими силами так же безграмотно, как физическими силами, открытыми Эйнштейном в Хиросиме и Чернобыле или экскаваторами при Арале?

Однако в Восточной Европе и у нас обнаруживается сильное движение посадить Маркса на скамью подсудимых. В доказательство вины в ГДР выпустили его портрет с надписью: «Пролетарии всех стран, простите!» У нас Маркса шельмуют иносказательно. Например, Шмелев призвал «Потерять идеологическую девственность!», а Т. Колесниченко недавно написал большую статью про глубокий смысл понятия «деидеологизация», где речь идет о деидеологизации всего общества. Печать десятки лет связывала нашу идеологию с теорией Маркса, она так и называлась — марксистская идеология. Поэтому предложение лишиться идеологической девственности или деидеологизироваться связано с тайным отказом от этой теории. Деидеологизацию можно понять как организованную демарксизацию. Термин деидеологизация воспринимается как намек, потому что точного значения у него нет. Ведь идеология — это мировоззрение. От понятия идеология (мировоззрение) с точки зрения русского языка бессмысленны такие производные слова как

идеологизация и деидеологизация. Деидеологизация — это действие, противоположное мировоззрению, но что это? Это галиматья! Можно только догадаться, что под идеологизацией подразумевается принудительное насаждение чьего-то мировоззрения, например, марксистского (да, это было). А под деидеологизацией подразумевается освобождение от этого насилия, в данном случае от марксистского насилия. Термин деидеологизация, не имея точного смысла, однако точно передает ответные чувства озлобления на марксистское насилие.

На Западе отношение к Марксу иное. Вот, например, проф. Валовой приводит мнение о нас западно-германского ученого: «Вы на словах клянетесь в верности Марксу, на деле используете его плохо. А мы его используем вовсю, хотя этого нигде не афишируем». Или вот что пишет экономист из Австрии Л. Маше Суниц: «Меня удивляет и поражает, с какой последовательностью буржуазная политическая экономия придерживается в частных вопросах экономического учения Маркса и с каким упорством советская политическая экономия, на словах объявляя веру в Маркса, по существу от него отпихивается». Это было сказано несколько лет назад, с тех пор многое изменилось. сейчас уже не надо на словах клясться Марксу, а на деле отпихиваться, сейчас можно открыто объявить о потере идеологической девственности и приступить к деидеологизации. Но в признаниях западных ученых заключен ответ на вопрос о том, как организаторам рыночного производства удается при помощи научного социализма избегать кризисов. И здесь же таится сомнение, а сможем ли мы при своем нежелании знать Маркса избавить от кризиса свое производство рыночными отношениями? Это даже и не сомнение, а уверенность в том, что из кризиса мы не выйдем подобру-поздорову без науки об обществе, а науку об обществе не возродить без политической экономии Маркса. А для начала надо отделить его учение от преступлений марксистской инквизиции и марксистских иезуитов подобно тому, как открытия Беккереля и Эйнштейна отделены от причин Хиросимы и Чернобыля и создателей экскаваторов не причисляют к виновникам гибели Арала.

А теперь позвольте о том, как охотники «жить как на Западе» ходили с лопатой на медведя, называемого кооперативное движение, поймали его, он намял им бока, и они прибили его (правда не до смерти).

Однажды я купил в лесничестве семь кубических метров леса и заплатил за это около шести рублей, — это двадцать одна сосна в диаметре двадцать сантиметров. На одну сосну пришлось около 30 копеек. Это было в Коми АССР. Там же мне приходилось покупать гвоздики по 3,5 рубля за штуку, это обычная в Ухте цена. Меня поражает это соотношение: на одну гвоздику можно обменять двенадцать сосен!? Но сосна растет в диаметре по два миллиметра в год и до двадцати сантиметров вырастает за сто лет, и дома из сосновых бревен стоят более ста лет! Выходит, нечто незыблемое, что создается веками и должно века служить, можно в огромном числе менять на безделицу? Это обмен или разграбление богатств?

Далее. Я третий год живу в деревне, как все держу поросят, выкармливаю их и сдаю государству, и кое-что могу об этом сказать. Вот я был в Москве, надо было ночью переехать с Киевского на Курский вокзал, и пришлось взять такси, оно оказалось кооперативным и обошлось в 10 рублей. И я мысленно спросил у кооператора: «А в каком отношении, «друг», мы обменялись с тобой товарами? За десять рублей ты купишь пять килограммов моей свинины. Чтобы получить 5 кг чистого мяса, надо 8,5 кг живого веса. Поросенок прибавляет в среднем по 300 г в день, значит, мои два поросенка вырастут на 8,5 кг за 14 дней. Труд по откорму невелик: надо сварить два-три ведра в день, накормить, летом раза два нарвать травы, через день почистить, и вся недолга — итого минут 40 в день. За 14 дней это составит более 9 часов. Корм тоже стоит труда, на 14 дней надо 14 ведер картошки, столько же свеклы — это все со своего огорода, итого будет 12 часов. А теперь сочтемся: 12 часов моего труда по производству мяса ты обменял на 10 минут своего труда по перевозке с вокзала на вокзал, причем половина из них была погрузка и выгрузка. Соотношение 1:70!» Это обмен или грабеж?

Или вот такая загадка. В Москве метро стоит 5 копеек, а в Нью-Йорке один доллар 15 центов. Один доллар стоит: по принудительному курсу 0,65 руб., по специальному 6,5 рубля, на черном рынке 17 рублей. Значит, метро в Нью-Йорке в переводе на наши деньги стоит трояко: 0,75 руб., 7,5 руб, или 10,1 рубля. Значит, цена метро в Америке больше нашей в 15, 150 или 202 раза! Но ведь стоимость метро у нас и у них определяется затратами труда, необходимыми для его производства, таких затрат у нас больше, потому и метро у нас лучше. Выходит, стоимость у нас больше, а цена несравненно меньше.

Я взял три примера из большого множества, чтобы на них ответить на вопрос, почему народ потребовал от правительства придушить кооперативное движение. Обмен 12 сосен на одну гвоздику, обмен 12 часов труда в производстве мяса на 10 минут труда кооператора, проезд в метро за чужой счет я назвал грабежом. Но политическая экономия не применяет уличных выражений и называет это по-научному «неэквивалентный обмен».

Трудовой народ безошибочно чувствует, что кооператоры на каждом шагу его грабят (извините, неэквивалентно обдирают), но он не станет высчитывать доказательства, кроме того, он справедливо считает, что есть оплачиваемая им наука, которая и должна назвать все своим именем, и есть правительство, которое должно защитить его интересы. Но когда народ видит, что наука занята чем-то своим, а правительство не может его защитить, он начинает бастовать и среди прочего требует обуздания кооперации. Вот так пришлось прибить уже пойманного медведя.

Да, действительные отношения между людьми должна раскрыть нам политическая экономия. Но она в лице своих ученых, таких как член-корр. Бунич, доктор Шмелев и мн. др., выступает страстным адвокатом кооперативов, а теперь рынка, а народ частенько представляется нашей печатью глупым, ленивым, завистливым и жадным до чужих денег. Конечно, наш народ не ангел, есть среди нас жадные, и завистливые, и всякие, но основу недовольства народа составляет обмен на законных основаниях 12 часов одного труда на 10 минут другого. И народ против такой «законности».

Бунич и др. доказывают, что кооперативы ни в чем не виновны, что только они твердо стоят на ногах, а госпредприятия лежачие. И с этим не поспоришь! Кооперативы действительно не виновны. Когда судят за убийство, виновным признают не ружье, а того, кто стрелял. Кооперативы невиновны, как невиновно ружье. Преступник тот, кто целится и нажимает на крючок, и те, кто создает неэквивалентный обмен — ловушку, позволяющую менять одну гвоздику на 12 сосен — и направляет в эту ловушку ловцов несметной добычи — кооператоров. А делает это наука — Бунич, Шмелев и др. И госпредприятия у нас действительно лежачие, зато у нас больше половины всех экономических ученых мира!

Однако читатель может подумать, что я заявил о своей приверженности рынку, а сам доказываю его невозможность. Рынок возможен при многих условиях, из них я отмечу два.

1. Если мы сможем его сделать цивилизованным. Что это такое? Многие, наверно, помнят, как в ФРГ несколько лет назад прошумела афера Флика и был суд. По этому суду был осужден бухгалтер Флика фон Браухич за то, что в бухгалтерских документах неправильно указал статьи расходов и это было источником взяток. Также, может быть, кое-кто помнит, как недавно наш кооператор Артем Тарасов сделал то же самое, он изменил статьи затрат и деньги, отпущенные на определенные цели, оприходовал как свою зарплату. Она оказалась 3 млн. в месяц, и он с нее заплатил партийные взносы. Но в отличии от фон Браухича он оказался в парламенте и стал законодателем — лицом неприкосновенным. Так вот, фон Браухич в тюрьме представляет цивилизованный рынок, а Артем Тарасов в Верховном Совете представляет наш кооперативно-рыночный балаган, который народ и требует обуздать и сделать цивилизованным рынком.

2. Второе условие перехода к рынку — переход на цены, соответствующие стоимости, которые исключили бы неэквивалентный обмен. Некоторые надеются, что рынок на то и существует, чтобы выравнивать цены, и это совершенная правда. Но рынок выравнивает цены таким способом, от которого отвыкли наши поколения — а это более двухсот миллионов людей, и с ними нельзя не считаться. Нынешние кооперативы — это маленькая толика рынка, но какое озлобление они вызвали у народа! А рынок — это уже вещь нешуточная, так что мы можем поймать медведя и справиться с ним. 73 года назад народ уже выяснял свои отношения с рынком. Тогда нам выпала доля «преподать миру страшный урок», как предсказывал Чаадаев. Однако история повторяется, и я закончу пословицей: «Не хвались, идучи на рынок!»

О. ГУСАРЕВИЧ,
село Троицкое,
Орловская обл.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Никогда не разговаривайте с неизвестными

В час заката на Патриарших Прудах появились двое мужчин. Один из них был лет тридцати пяти, одет в дешевенький заграничный костюм. Лицо имел гладко выбритое, а голову со значительной плешью. Другой был лет на десять моложе первого. Этот был в блузе, иосящей иелепое название «толстовка», и в тапочках на ногах. На голове у него была кепка.

Оба изнывали от жары. У второго, не догадавшегося снять кепку, пот буквально струями тек по грязным щекам, оставляя светлые полосы на коричневой коже...

Первый был не кто иной, как товарищ Михаил Александрович Берлиоз, секретврь Всемирного объединения писателей (Всемиопис) и редактор всех московских толстых художественных журналов, в спутник его — Иван Николаевич Попов, известный поэт, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Оба, как только прошли решетку Прудов, первым долгом бросились к будочке, на которой былв надпись: «Всевозможные прохладительные напитки». Руки у них запрыгали, глаза стали молящими. У будочки не было ни одного человека.

Да, следует отметить первую странность этого вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее не было никого. В тот чвс, когда солнце в пыли, в дыму и грохоте свдится в Цыганские Грузины, когда все живущее жадно ищет воды, клочка зелени, кустика травинки, когда раскаленные плиты города отдают жар, когда у собак языки висят до земли, в аллее не было ни одного человека. Как будто нарочно все было сделано, чтобы не оказалось свидетелей.

— Нарзану, — сказал товарищ Берлиоз, обращаясь к женским босым ногам, стоящим на прилавке.

Ноги спрыгнули тяжело на ящик, а оттуда нв пол.

— Нарзану нет, — сказала женщина в будке.

— Ну, боржому, — нетерпеливо попросил Берлиоз.

— Нет боржому, — ответила женщинв.

— Так что же у вас есть? — раздраженно спросил Бездомный и тут же испугался — а ну, квк женщина ответит, что ничего нет.

Но женщина ответила:

— Фруктовая есть.

— Давай, давай, давай, — сказал Бездомный.

Откупорили фруктовую, и секретарь и поэт припали к стаканам. Фруктовая пахла одеколоном и конфетами. Друзей прошиб пот. Их затрясло. Они оглянулись и тут поняли, насколько истомились, пока дошли с Площади Революции до Пвтриарших. Затем они стали икать. Икая, Бездомный справился о папиросах, получил ответ, что их нет и что спичек нет.

Икая, Бездомный пробурчал что-то вроде — «сволочь эта фруктовая», и путники вышли в аллею. Фруктовая ли помогла или зелень старых лип, но только им стало легче. И оба они поместились на скамье лицом к застывшему зеленому пруду. Кепку и тут Бездомный снять не догадался, и пот в тени стал высыхать на нем.

И тут произошло второе странное обстоятельство, касающееся одного Михаила Александровича. Во-первых, внезапно его охватила тоска. Ни с того ни с сего. Как бы черная рука протянулась и сжала его сердце. Он оглянулся, побледнел, не понимая в чем дело. Он вытер пот платком, подумал: «Что же это меня тревожит? Я переутомился.

Пора бы мне, в сущности говоря, в Кисловодск...»

Не успел он это подумать, как воздух перед ним сгустился совершенно явственно и из воздуха соткался застойный и прозрачный тип, вида довольно страиного. На маленькой головке жокейская кепка, клетчатый воздушный кургузый пиджачок, и росту он в полторы сажени, и худой, как селедка, морда глумливая.

Какие бы то ни было редкие явления Михал Александровичу попадались редко. Поэтому прежде всего он решил, что этого не может быть, и вытаращил глаза. Но это могло быть, потому что длинный жокей качался перед ним и влево, и вправо. «Кисловодск... жара... удар?!» — подумал товарищ Берлиоз и уже в ужасе прикрыл глаза. Лишь только он их вновь открыл, с облегчением убедился в том, что быть действительно не может: сделанный из воздуха клетчатый растворился. И черная рука тут же отпустила сердце.

— Фу, черт, — сказал Берлиоз, — ты знаешь, Бездомный, у меня сейчас от жары едва удар не сделался. Даже что-то вроде галлюцинаций было... Ну-с, итак.

И тут, еще раз обмахнувшись платком, Берлиоз повел речь, по-видимому, прерванную питьем фруктовой и иканием.

Речь эта шла об Иисусе Христе. Дело в том, что Михаил Александрович заказывал Ивану Николаевичу большую антирелигиозную поэму для очередной книжки журнала. Во время путешествия с Площади Революции на Патриаршие Пруды редактор и рассказывал поэту о тех положениях, которые должны были лечь в основу поэмы.

Следует признать, что редактор был образован. В речи его, как пузыри на воде, вскакивали имена не только Штрауса и Ренана, но и историков Филона, Иосифа Флавия и Тацита.

Поэт слушал редактора со вниманием и лишь изредка икал внезапно, причем каждый раз тихонько ругал фруктовую непечатными словами.

Где-то за спиной друзей грохотала и выла Садовая, по Бронной мимо Патриарших проходили трамваи и пролетали грузовики, подымая тучи белой пыли, а в аллее опять не было никого.

Дело между тем выходило дрянь: кого из историков ни возьми, ясно становилось каждому грамотному человеку, что Иисуса Христа никакого на свете не было. Таким образом, человечество в течение огромного количества лет пребывало в заблуждении, и частично будущая поэма Бездомного должна была послужить великому делу освобождения от заблуждения.

Меж тем товарищ Берлиоз погрузился в такие дебри, в которые может отправиться, не рискуя в них застрять, только очень начитанный человек. Соткался в воздухе, который стал по счастью немного свежеть, над Прудом египетский бог Озирис, и вавилонский Таммуз, появился пророк Иезекииль, а за Таммузом — Мардук, а уж за этим совсем странный, и сделанный к тому же из теста, божок Вицлипуцли.

И тут-то в аллею и вышел человек. Нужно сказать, что три учреждения впоследствии, когда уже в сущности было поздно, представили свои сводки с описанием этого человека. Сводки эти не могут не вызвать изумления. Так, в одной из них сказано, что человек этот был маленького росту, имел зубы золотые и хромал на правую ногу. В другой сказано, что человек этот был росту громадного, коронки имел платиновые и хромал на левую ногу. А в третьей, что особых примет у человека не было. Поэтому приходится признать, что ни одна из этих сводок не годится.

Во-первых, он ни на одну ногу не хромал. Росту был высокого, а коронки с правой стороны у него были платиновые, а с левой — золотые. Одет он был так: серый дорогой костюм, серые туфли заграничные, на голове берет, заломленный на правое ухо, на руках серые перчатки. В руках нес трость с золотым набалдашником. Гладко выбрит. Рот кривой. Лицо загоревшее. Один глаз черный, другой зеленый. Один глаз выше другого. Брови черные. Словом — иностранец.

Иностранец прошел мимо скамейки, на которой сидели поэт и редактор, причем бросил на них косой беглый взгляд.

«Немец», — подумал Берлиоз.

«Англичанин, — подумал Бездомный. — Ишь, сволочь, и не жарко ему в перчатках».

Иностранец, которому точно не было жарко, остановился, и вдруг уселся на соседней скамейке. Тут он окинул взглядом дома, окаймляющие Пруды, и видно стало, что, во-первых, он видит это место впервые, а во-вторых, что оно его заинтересовало.

Часть окон в верхних этажах пылала ослепительным пожаром, а в нижних тем временем окна погружались в тихую предвечернюю темноту.

Меж тем с соседней скамейки потоком лилась речь Берлиоза.

— Нет ни одной восточной религии, в которой бог не родился бы от непорочной девы. Разве в Египте Изида не родила Геруса? А Будда в Индии? Да, наконец, в Греции Афина-Паллада — Аполлона? И я тебе советую...

Но тут Михаил Александрович прервал речь.

Иностранец вдруг поднялся со своей скамейки и направился к собеседникам. Те поглядели на него изумленно.

— Извините меня, пожалуйста, что, не будучи представлен вам, позволил себе подойти к вам, — заговорил иностранец с легким акцентом, — но предмет вашей беседы ученой столь интересен...

Тут иностранец вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как пожать иностранцу руку, с которой он очень умело сдернул перчатку.

«Скорее швед», — подумал Берлиоз.

«Поляк», — подумал Бездомный.

Нужно добавить, что на Бездомного иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу, наоборот, очень понравился.

— С великим интересом я услышал, что вы отрицаете существование бога? — сказал иностранец, усевшись рядом с Берлиозом. — Неужели вы атеисты?

— Да, мы атеисты, — ответил товарищ Берлиоз.

— Ах, ах, ах! — воскликнул неизвестный иностранец и так впился в атеистов глазами, что тем даже стало неловко.

— Впрочем, в нашей стране это неудивительно, — вежливо объяснил Берлиоз, — большинство нашего населения сознательно и давно уже перестало верить сказкам о боге. — Улыбнувшись, он прибавил: — Не встречаем надобности в этой гипотезе.

— Это изумительно интересно! — воскликнул иностранец. — Изумительно.

«Он и не швед», — подумал Берлиоз.

«Где это он так насобачился говорить по-русски?» — подумал Бездомный и нахмурился. Икать он перестал, но ему захотелось курить.

— Но позвольте вас спросить, как же быть с доказательствами бытия, доказательствами, коих существует ровно пять? — осведомился иностранец крайне тревожно.

— Увы, — ответил товарищ Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит. Их давно сдали в архив. В области разума никаких доказательств бытия божия нету и быть не может.

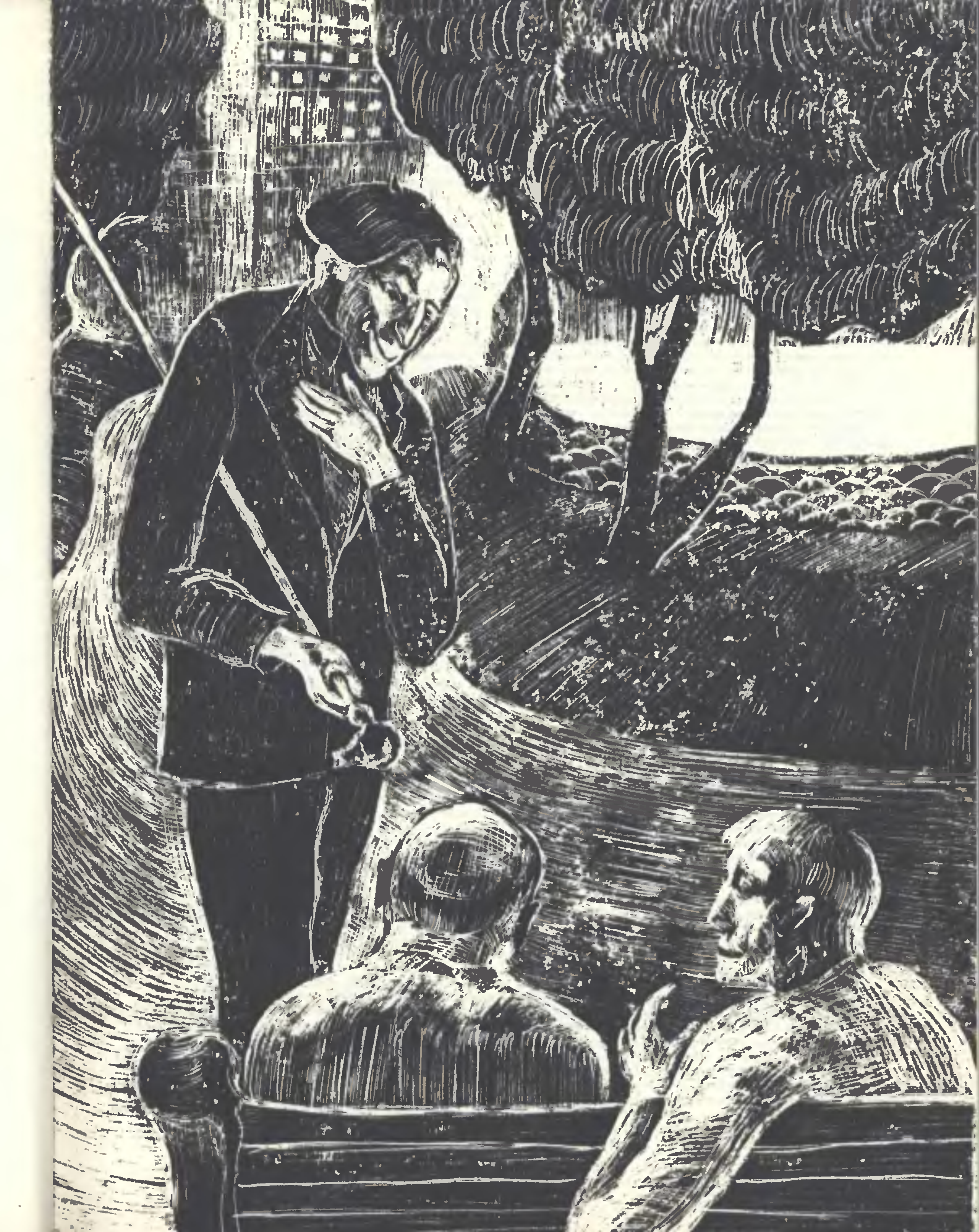
— Браво! — вскричал иностранец, — браво. Вы полностью повторили мысль старикашки Иммануила по этому поводу. Начисто он разрушил все пять доказательств, но потом, черт его возьми, словно курам на смех, вылепил собственного изобретения доказательство!

— Доказательство Канта, — сказал, тонко улыбаясь, образованный Берлиоз, — также не убедительно, и не зря Шиллер сказал, что Кантово доказательство пригодно для рабов, — и подумал: «Но кто же он такой, все-таки?»

— Взять бы этого Канта да в Соловки! — неожиданно бухнул Иван.

— Иван! — удивленно шепнул Берлиоз.

Но предложение посадить в Соловки Канта не только не поразило иностранца, но наоборот, привело в восторг.



— Именно! Именно! — заговорил он восторженно, — ему там самое место. Говорил я ему: ты чепуху придумал, Иммануил.

Товарищ Берлиоз вытаращил глаза на иностранца.

— Но, — продолжал неизвестный, — посадить его, к сожалению, невозможно по двум причинам: во-первых, он иностранный подданный, а во-вторых, умер.

— Жаль! — отозвался Иван, чувствуя, что он почему-то ненавидит иностранца все сильнее и сильнее.

— И мне жаль, — подтвердил неизвестный, и продолжал: — но вот что меня мучительно беспокоит: ежели бога нету, то, спрашивается, кто же управляет жизнью на земле?

— Человек, — ответил Берлиоз.

— Виноват, — мягко отозвался неизвестный, — но как же, позвольте спросить, может управлять жизнью на земле человек, если он не может составить никакого плана, не говорю уже о таком сроке, как хотя бы сто лет, но даже на срок значительно более короткий. И в самом деле, вы,— тут неизвестный (повернулся к Берлиозу,) — вообразите, только начнете управлять, распоряжаться, кхе... кхе... комбинировать и вдруг, вообразите, у вас — саркома. — Тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме доставила ему наслаждение. — Саркома.., — повторил он щурясь, — звучное слово, и вот-с, вы уже ничем не распоряжаетесь, вам не до комбинаций, и через некоторое время тот, кто недавно еще отдавал распоряжения по телефону, покрикивал на подчиненных, почтительно разговаривал с высшими и собирался в Кисловодск, лежит скрестив руки на груди в ящике, неутешная вдова стоит в изголовье, мысленно высчитывая, дадут ли персональную ей пенсию, а оркестр в дверях фальшиво играет марш Шопена.

И тут незнакомый тихонько и тонко рассмеялся.

Товарищ Берлиоз внимательно слушал неприятный рассказ про саркому, но не она занимала его.

«Он не иностранец! Не иностранец! — кричало у него в голове. — Он престранный тип. Но кто же он такой?»

— Вы хотите курить? — любезно осведомился неизвестный у Ивана, который время от времени машинально похлопывал себя по карманам.

Иван хотел злобно ответить «Нет», но соблазн был слишком велик, и он промычал:

— Гм...

— Какие предпочитаете?

— А у вас какие есть? — хмуро спросил Иван.

— Какие предпочитаете?

— «Нашу марку», — злобно ответил Иван, уверенный, что нашей марки нету у антипатичного иностранца.

Но марка именно и нашлась. Но нашлась она в таком виде, что оба приятеля выпучили глаза. Иностранец вытащил из кармана пиджака колоссальных размеров золотой портсигар, на коем была составлена из крупных алмазов буква «W». В этом портсигаре изыскалось несколько штук крупных, ароматных, золотым табаком набитых папирос «Наша марка».

«Он — иностранец!» — уже смятенно подумал Берлиоз.

Ошеломленный Иван взял папиросу, в руках у иностранца щелкнула зажигалка, и синий дымок взвился под липой. Запахло приятно.

Закурил и иностранец, а некурящий Берлиоз отказался.

«Я ему сейчас возражу так, — подумал Берлиоз, — человек смертен, но на сегодняшний день...»

— Да, человек смертен, — провозгласил неизвестный, выпустив дым, — но даже сегодняшний вечер вам неизвестен. Даже приблизительно вы не знаете, что вы будете делать через час. Согласитесь сами, разве мыслимо чем-нибудь управлять при таком условии?

— Виноват, — отозвался Берлиоз, не сводя глаз с собеседника, — это уже преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее, конечно. Само собой разумеется, что если мне на голову свалится кирпич...

— Кирпич ни с того ни с сего, — ответил неизвестный, — никому на голову никогда не свалится. В частности же, уверяю вас, что вам совершенно он не угрожает. Так позвольте спросить, что вы будете делать сегодня вечером?

— Сегодня вечером, — ответил Берлиоз, — в одиннадцать часов во Всемиописе будет заседание, на котором я буду председательствовать.

— Нет. Этого быть никак не может, — твердо заявил иностранец.

Берлиоз приоткрыл рот.

— Почему? — спросил Иван злобно.

— Потому, — ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в тускневшее небо, в котором чертили бесшумно птицы, — что Аннушка уже купила постное масло, и не только купила его, но даже и разлила. Заседание не состоится.

Произошла пауза, понятное дело.

— Простите, — моргая глазами, сказал Берлиоз, — я не понимаю... при чем здесь постное масло?..

Но иностранец не ответил.

— Скажите, пожалуйста, гражданин, — вдруг заговорил Иван, — вам не приходилось бывать когда-нибудь в сумасшедшем доме?

— Иван! — воскликнул Берлиоз.

Но иностранец не обиделся, а развеселился.

— Бывал, бывал не раз! — вскричал он. — Где я только не бывал! Досадно одно, что я так и не удосужился спросить у профессора толком, что такое мания фурибунда. Так что это вы уже сами спросите, Иван Николаевич.

«Что так-кое?!» — крикнуло в голове у Берлиоза при словах «Иван Николаевич».

Иван поднялся.

Он был немного бледен.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Помилуйте, товарищ Бездомный, кто же вас не знает, — улыбнувшись, ответил иностранец.

— Я извиняюсь.., — начал было Бездомный, но подумал, подумал, еще более изменился в лице и кончил так...: — вы не можете одну минуту подождать... Я пару слов хочу товарищу сказать.

— О, с удовольствием! Охотно, — воскликнул иностранец, — здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу, — и он сделал ручкой.

— Мишь... вот что, — сказал поэт, отводя в сторону Берлиоза, — я знаю, кто это. Это, — раздельным веским шепотом заговорил поэт, — никакой не иностранец, а это белогвардейский шпион, — засипел он прямо в лицо Берлиозу, — пробравшийся в Москву. Это — эмигрант. Миша, спрашивай у него сейчас же документы. А то уйдет...

— Почему эми... — шепнул пораженный Берлиоз.

— Я тебе говорю! Какой черт иностранец так по-русски станет говорить!..

— Вот ерунда... — неприятно морщась, нвчал было Берлиоз.

— Идем, идем!..

И приятели вернулись к скамейке. Тут их ждал сюрприз. Незнакомец не сидел, а стоял у скамейки, держа в руках визитную карточку.

— Извините меня, глубокоуважаемый Михаил Александрович, что я в пылу интереснейшей беседы забыл назвать себя. Вот моя карточка, а вот в кармане и паспорт,— подчеркнуто сказал иностранец.

Берлиоз стал густо красен.

«Или слышал, или уж очень догадлив, черт...»

Иван заглянул в карточку, но разглядел только верхнее слово «professor...» и первую букву фамилии «W».

— Очень приятно, — выдавил из себя Берлиоз, глядя, как профессор прячет карточку в карман. — Вы в качестве консультанта вызваны к нам?

— Да, консультанта, как же, — подтвердил профессор.

— Вы немец?

— Я-то? — переспросил профессор и задумался. — Да, немец, — сказал он.

— Извиняюсь, откуда вы знаете, как нас зовут? — спросил Иван.

Иностранный консультант улыбнулся, причем выяснилось, что правый глаз у него не улыбается, да и вообще, что этот глаз никакого цвета, и вынул номер еженедельного журнала...

— А! — сразу сказали оба писателя. В журнале были как раз их портреты с полным обозначением имен, отчеств и фамилий.

— Прекрасная погода, — продолжал консультант, усаживаясь. Сели и приятели.

— А у вас какая специальность? — осведомился ласково Берлиоз.

— Я — специалист по черной магии.

— Как?! — воскликнул товарищ Берлиоз.

«На т-тебе!» — подумал Иван.

— Виноват... и вас по этой специальности пригласили к нам?!

— Да, да, пригласили, — и тут приятели услышали, что профессор говорит с редчайшим немецким акцентом,— тут в государственной библиотеке громадный отдел старой книги, магии и демонологии, и меня пригласили как специалист единственный в мире. Они хотят разбират, продават...

— А-а! Вы — историк!

— Я — историк, — охотно подтвердил профессор,— я люблю разные истории. Смешные. И сегодня будет смешная история. Да, кстати, об историях, товарищи, — тут консультант таинственно поманил пальцем обоих приятелей и те наклонились к нему, — имейте в виду, что Христос существовал, — сказал он шепотом.

— Видите ли, профессор, — смущенно улыбаясь заговорил Берлиоз, — тут мы, к сожалению, не договоримся...

— Он существовал, — строгим шепотом повторил профессор, изумляя приятелей совершенно, и в частности, тем, что акцент его опять куда-то пропал.

— Но какое же доказательство?..

— Доказательство вот какое, — зашептал профессор, взяв под руки приятелей, — я с ним лично встречался.

Оба приятеля изменились в лице и переглянулись.

— Где?

— На балконе у Понтия Пилата, — шепнул профессор и, таинственно подняв палец, просипел: — только ц-сс!

«Ой, ой...»

— Вы сколько времени в Москве? — дрогнувшим голосом спросил Берлиоз.

— Я сегодня приехал в Москву, — многозначительно прошептал профессор, и тут только приятели, глянув ему в лицо, увидели, что глаза у него совершенно безумные. То есть, вернее, левый глаз, потому что правый был мертвый, черный.

«Так-с, — подумал Берлиоз, — все ясно. Приехал немец и тотчас спятил. Хорошенькая история!»

Но Берлиоз был решителен и сообразителен. Ловко откинувшись назад, он замигал Ивану и тот его понял.

— Да, да, да, — заговорил Берлиоз, — возможно, все возможно. А вещи ваши где, профессор, — вкрадчиво осведомился он, — в «Метрополе»? Вы где остановились?

— Я — нигде! — ответил немец, тоскливо и дико блуждая глазами по Патриаршим Прудам. Он вдруг припал к потрясенному Берлиозу.

— А где же вы будете жить? — спросил Берлиоз.

— В вашей квартире, — интимно подмигнув здоровым глазом, шепнул немец.

— Очень при... но...

— А дьявола тоже нет? — плаксиво спросил немец и вцепился теперь в Ивана.

— И дьявола...

— Не противоречь... — шепнул Берлиоз.

— Нету, нету никакого дьявола, — растерявшись, закричал Иван, — вот вцепился! Перестаньте психовать!

Немец расхохотался так, что из липы вылетел воробей и пропал.

— Ну, это уже положительно интересно! — заговорил он, сияя зеленым глазом. — Что же это у вас ничего нету! Христа нету, дьявола нету, папирос нету, Понтия Пилата, таксомотора нету...

— Ничего, ничего, профессор, успокойтесь, все уладится, все будет, — бормотал Берлиоз, усаживая профессора назад на скамейку. — Вы, профессор, посидите с Бездомным, а я только на одну минуту сбегаю к телефону, звякну, тут одно безотлагательное дельце, а там мы вас и проводим, и проводим...

План у Берлиоза был такой. Тотчас добраться до первого же телефона и сообщить куда следует, что приехавший из заграницы консультант-историк бродит по Патриаршим Прудам в явно ненормальном состоянии. Так вот, чтобы приняли меры, а то получится дурацкая и неприятная история.

— Дельце? Хорошо. Но только умоляю вас, поверьте мне, что дьявол существует, — пылко просил немец, поглядывая исподлобья на Берлиоза.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — фальшиво-ласково бормотал Берлиоз. — Ваня, ты посиди, — и подмигнув, он устремился к выходу.

И профессор тотчас как будто выздоровел.

— Михаил Яковлевич! — звучно крикнул он вслед.

— А?

— Не дать ли вашему дяде телеграмму?

— Да, да, хорошо... хорошо.., — отозвался Берлиоз, но дрогнул и подумал: «Откуда он знает про дядю».

Впрочем, тут же мысль о дяде и вылетела у него из головы. И Берлиоз похолодел. С ближайшей к выходу скамейки поднялся навстречу редактору тот самый субъект, что недавно совсем соткался из жаркого зноя. Только сейчас он был уже не знойный, а обыкновенный, плотский, настолько плотский, что Берлиоз отчетливо разглядел, что у него усишки, как куриные перышки, маленькие, иронические, как будто полупьяные, глазки, жокейская шапочка дауцветная, а брючки клетчатые и необыкновенно противно подтянутые.

Товарищ Берлиоз вздрогнул, попятился, утешил себя мыслью, что это совпадение, что то — было марево, а это — какой-то реальный оболтус.

— Турникет ищете, гражданин? — тенором осведомился оболтус. — А вот, прямо, пожалуйста... Кхе... кхе... с вас бы, гражданин, за указание на четь литровочки, поправиться после ачерашнего... бывшему регенту...

Но Берлиоз не слушал, оказавшись уже возле турникета.

Он уж собрался шагнуть, но тут в темнеющем воздухе на него брызнул слабый красный и белый свет. Вспыхнула над самой головой вывеска: «Берегись трамвая!» Из-за дома с Садовой на Бронную вылетел трамвай. Огней в нем еще не зажигали, и видно было, что в нем черным черно от публики. Трамвай, выйдя на прямую, взвыл, качнулся и наддал. Осторожный Берлиоз хоть и стоял безопасно, но выйдя за вертушку, хотел на полшага еще отступить. Сделал движение... в ту же секунду нелепо взбросил одну ногу вверх, в ту же секунду другая поехала по камням и Берлиоз упал на рельсы.

Он лицом к трамваю упал. И увидел, что вагоновожатая молода, в красном платочке, но бела, как смерть, лицом.

Он понял, что это непоправимо, и не спеша повернулся на спину. И страшно удивился тому, что сейчас же все закроется и никаких ворон больше в темнеющем небе не будет. Преждевременная маленькая беленькая звездочка глядела между крещущими воронами.

Эта звездочка заставила его всхлипнуть жалобно, отчаянно.

Затем, после удара трясущейся женской рукой по ручке электрического тормоза, вагон сел носом в землю, в нем рухнули все стекла. Через миг из-под колеса выкатилась окровавленная голова, а затем выбросило кисть руки. Остальное мяло, тискало, пачкало.

Прочее, то есть страшный крик Ивана, видевшего все до последнего пятна на брюках, вой в трамвае, потоки крови, ослепившие вожатую, это Берлиоза не касалось никак.

Продолжение в следующем номере.

КОММЕНТАРИИ

С. 9. ...не кто иной, как товарищ Михаил Александрович Берлиоз, секретарь Всемирного объединения писателей (Всемиописа)... — В данной и других редакциях романа Берлиоз именуется Мирцевым, Крицким, Цыганским... Михаилом Яковлевичем, Антоном Антоновичем, Антоном Мироновичем, Владимиром Антоновичем, Марком Антоновичем, Борисом Петровичем, Григорием Александровичем...

Писательское объединение именуется и всемирным, и всесоюзным, и московским... Сокращения его разнообразны: Всемиопис, Вседрупис, Миолит, Массолит...

...а спутник его — Иван Николаевич Попов... — Он же — Понырев, Тешкин, Бездомный, Безродный, Беспризорный, Покинутый...

С. 10. ...заказывал Ивану Николаевичу большую антирелигиозную поэму...— В черновом варианте главы:

«Что ругал он господа бога, это, само собой, глупости. Антон Миронович Берлиоз (потому что это именно был он) вел серьезнейшую беседу с Иваном Петровичем Тешкиным, заслужившим громадную славу под псевдонимом Беспризорный. Антону Мироновичу нужно было большое антирелигиозное стихотворение в очередную книжку журнала. Вот он и предлагал кой-какие установки Ване Беспризорному».

...вскакивали имена... Штрауса и Ренана... — Булгаков тщательно изучил труды немецкого философа Штрауса Давида Фридриха (1808—1874) и французского писателя, историка и филолога-востоковеда Ренана Жозефа Эрнеста (1823—1892), о чем свидетельствуют многочисленные выписки из их работ в рабочих тетрадях писателя. Его интересовали прежде всего те сведения, которые уточняли те или иные исторические факты, предания, легенды. Характерна, например, следующая выписка из известной работы Штрауса «Жизнь Иисуса»:

«Причиною тьмы, которую один Лука определяет более точным образом, как затмение солнца, не могло быть естественное затмение: в то время было пасхальное полнолуние... То же самое получилось с солнцем... во время убийства Цезаря...» (Штраус. «Жизнь Иисуса», т. II, стр. 250)». ▪

И тут-то в аллею и вышел человек. — В одном из черновых набросков главы «Консультант с копытом» Воланд появляется на Патриарших Прудах после следующей реплики Иванушки:

«— В самом деле, если бог вездесущ, то, спрашивается, зачем Моисею понадобилось на гору лезть, чтобы с ним беседовать? Превосходнейшим образом он мог с ним и внизу поговорить!»

Далее следовало:

«В это время и показался в аллее гражданин. Откуда он вышел? В этом-то весь и вопрос. Но и я на него ответить не могу...»

С. 12. ...а оркестр в дверях фальшиво играет марш Шопена... — В одной из последующих редакций следовало продолжение назиданий Воланда:

«А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, ведь пустяковое казалось бы дело, но и этого сделать не может, потому что вдруг неизвестно почему возьмет поскользнется, да и попадет под трамвай. Неужели вы скажете, что он сам собою управлял? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?..»

...колоссальных размеров золотой портсигар... — Булгаков уделял большое внимание описанию сатанинской атрибутики. Так, в одном из вариантов главы внешний вид портсигара описан более детально: «Он был громадных размеров, червонного золота и на крышке его дважды сверкнула на мгновение синим и белым огнем бриллиантовая буква «F». Кстати, буква «F», а не «W», указана не случайно: в некоторых редакциях Воланд назван писателем Фаландом.

С. 13. Что же это у вас ничего нету! Христа нету, дьявола нету, папирос нету, Понтия Пилата, таксомотора нету... — В первых черновых редакциях романа, получившего название «Черный маг», после «Евангелия от Воланда», происходит следующий знаменательный разговор между Воландом и писателями:

«— А вы, почтеннейший Иван Николаевич, — сказал снова инженер, — здорово верите в Христа. — Тон его стал суров, акцент уменьшился.

— Началась белая магия, — пробормотал Иванушка.

— Необходимо быть последовательным, — отозвался на это консультант. — Будьте добры, — он говорил вкрадчиво, — наступите ногой на этот портрет, — он указал острым пальцем на изображение Христа на песке.

— Просто странно, — сказал бледный Берлиоз.

— Да не желаю я! — взбунтовался Иванушка.

— Боитесь, — коротко сказал Воланд.

— И не думаю!

— Боитесь!

Иванушка, теряясь, посмотрел на своего патрона и приятеля.

Тот поддержал Иванушку:

— Помилуйте, доктор! Ни в какого Христа он не верит, но ведь это же детски нелепо доказывать свое неверие таким способом!

— Ну, тогда вот что! — сурово сказал инженер и сдвинул брови, — позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы — врун свинячий! Да, да! Да нечего на меня зенки таращить!

Тон инженера был так внезапно нагл, так странен, что у обоих приятелей на время отвалился язык. Иванушка вытаращил глаза. По теории нужно бы было сейчас же дать в ухо собеседнику, но русский человек не только нагловат, но и трусоват.

— Да, да, да, нечего пялить, — продолжал Воланд, — и трепаться, братишка, нечего было, — закричал он сердито, переходя абсолютно непонятным образом с немецкого на акцент черноморский, — трепло ты, братишка. Тоже богоборец, антибожник. Как же ты мужикам будешь проповедовать?! Мужик любит пропаганду резкую — раз, и в два счета чтобы! Какой ты пропагандист! Интеллигент! У, глаза бы мои не смотрели!

Все что угодно мог вынести Иванушка, за исключением последнего. Ярость заиграла на его лице.

— Я интеллигент?! — обеими руками он трахнул себя в грудь, — я — интеллигент? — захрипел он с таким видом, словно Воланд обозвал его, по меньшей мере, сукиным сыном. — Так смотри же!! — Иванушка метнулся к изображению.

— Стойте!! — громовым голосом воскрикнул консультант, — стойте!

Иванушка застыл на месте.

— После моего евангелия, после того, что я рассказал об Иешуа, вы, Владимир Миронович, неужто вы не остановите юного безумца?! А вы, — и инженер обратился к небу, — вы слышали, что я честно рассказал?! Да! — и острый палец вонзился в небо. — Остановите его! Остановите!! Вы — старший!

— Это так глупо все!! — в свою очередь закричал Берлиоз, — что у меня уже в голове мутится! Ни поощрять его, ни останавливать я, конечно, не стану!

И Иванушкин сапог вновь взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью.

— Вот! — вскричал Иванушка злобно.

— Ах! — кокетливо прикрыв глаза ладонью, воскликнул Воланд, — а затем, сделавшись необыкновенно деловитым, успокоенно добавил:

— Ну вот, все в порядке, и дочь ночи Мойра допряла свою нить».

**Публикация романа
и комментарии
ВИКТОРА ЛОСЕВА.
Иллюстрации
и оформление
Олега ЯРУНИЧЕВА.**

Виктор Иванович ЛОСЕВ родился в 1939 году. По образованию документовед, в 1966 г. окончил Московский историко-архивный институт. Кандидат исторических наук. Автор ряда учебников, монографий и статей по вопросам документоведения и организации управленческого труда. С 1982 г. — зав. сектором отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
В последние годы известен как один из ведущих исследователей рукописного наследия М. А. Булгакова. В. И. Лосевым впервые опубликованы полные тексты следующих произведений: «Черный маг» (главы уничтоженного романа), роман «Жизнь господина де Мольера», бóльшая часть ранее неизвестных писем, пьесы «Бег», «Кабала святош», «Адам и Ева», «Александр Пушкин», «Батум», либретто к операм «Петр Великий», «Черное море» и другие. Подготовленные В. И. Лосевым тексты переводились на английский, итальянский, испанский языки. Выступает также как основатель выходящей в издательстве «Книжная палата» серии «Из рукописного наследия ГБЛ». В 1990 г. вышел первый том этого издания «Дневник Е. С. Булгаковой». Подготовлены к печати второй и третий тома «Неизвестный Булгаков», «Неизвестный А. Белый».

ВИКТОР ЛОСЕВ

Судьба романа

При знакомстве с произведениями Булгакова невольно возникает один и тот же вопрос: какова наиважнейшая, главная черта его творчества? Ответов на этот вопрос дано много и самых разнообразных. Нас же привлекло весьма любопытное мнение одного из самых злобных врагов писателя — О. С. Литовского, в тридцатые годы возглавлявшего Главреперткомом. Это его Булгаков вывел в романе «Мастер и Маргарита» в образе Латунского, которого, как известно, верная мастеру Маргарита намеревалась прикончить «сплошь железным» тяжеленным молотком. В жизни же Елена Сергеевна Булгакова, судя по ее дневникам, награждала Литовского такими эпитетами, которые и воспроизводить не совсем удобно. Так вот, именно этот печально известный театральный деятель и критик, проявляя твердость и последовательность во взглядах на литературу и искусство, так писал о Булгакове в 1958 году: «Произведения Булгакова, начиная от его откровенно контрреволюционной прозы — «Дьяволиада», «Роковые яйца» — и кончая «Мольером», занимают место не в художественной, а в политической истории нашей страны, как наиболее яркое и выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известной под нарицательным именем «булгаковщины» («Так было», с. 205).

Вряд ли Осаф Уриэл (так часто подписывался под своими погромными статьями Литовский) догадывался, что в своих «уничтожающих» оценках творчества Булгакова он выразит самую суть его замыслов, ибо действительно почти все произведения художника были насыщены глубоким политическим содержанием. Не знал, конечно, Осаф Уриэл, что еще в 1919 году Булгаков предельно ясно выразил свое отношение к происходившим в России событиям. В статье «Грядущие перспективы» он писал:

«Теперь, когда наша несчастная Родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас все чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая.

Она — темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что же будет с нами дальше...

На Западе кончилась великая война великих народов... И всем, у кого, наконец, прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы?

Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?

Ибо мы наказаны.

Нам немыслимо сейчас созидать... Герои добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все... ждут страстно освобождения страны.

И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что Родина умерла.

Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба... Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их... Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены... Тогда страна окровавленная, разрушенная начнет вставать... Нужно будет платить за прошлое... Платить за безумие мартовских дней, за безумие дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станками для печатания денег... за все! И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы.

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине мелких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно, и вечно помните социальную революцию!»

Мы привели столь обширную цитату из первого дошедшего до нас произведения Булгакова для того, чтобы иметь четкое представление о тех его мировоззренческих взглядах, с которыми он вступал в литературную жизнь и которые оставили неизгладимый след на многие годы. Особенно отметим его ясное понимание зловещей роли февральской революции в истории России, которая положила начало чередованию «безумств» в громадных масштабах.

Но даже столь мрачные перспективы, нарисованные молодым военврачом деникинской армии, оказались слишком радужными. Ситуация вскоре прояснилась: «смертная борьба» двух противоборствующих сил оказалась смертной для белого движения, а перед Булгаковым, перенесшим страшный тиф во Владикавказе, встал непростой вопрос: то ли остаться в России под властью ненавистного Троцкого, то ли податься вдогонку за остатками белой гвардии. После долгих колебаний Булгаков решил остаться на родине и всерьез заняться литературой, для чего и переехал в Москву. Но братоубийственные сражения на Кавказе надолго врезались в его память, и многие его будущие произведения нельзя до конца понять без осмысления этого трагического периода в жизни писателя.

В 1928—29 годах, в самый тяжелый

период своей жизни, Булгаков приступает к созданию (причем почти одновременно) трех произведений: романа о дьяволе, пьесы под названием «Кабала святош» и комедии, которую вскоре уничтожил вместе с романом. По сути, Булгакова волновал один вопрос: что же происходит в обновленной России, пережившей «великую социальную революцию», и каково ее будущее? При этом писатель обратил свое внимание не на происходившие в то время социально-экономические процессы, а на явление, которое он считал главным: на состояние духовного облика народа. Ибо он был уверен, что от этого определяющего фактора прежде всего зависит будущее русского народа.

В настоящее время читателю известны две редакции романа «Мастер и Маргарита»: самая первая, сохранившаяся лишь в отрывках (см.: Михаил Булгаков. Избранные произведения. Киев, 1990), и последняя, считающаяся канонической (см.: Михаил Булгаков. Избранные произведения в 2-х томах. Киев, 1989, т. 2), хотя не исключено, что после нахождения одной из утраченных последних тетрадей с рукописями романа, эта редакция окажется предпоследней и не канонической. Все промежуточные редакции романа не были опубликованы, хотя каждая из них имеет непреходящее значение для изучения творческого наследия выдающегося русского писателя.

Мы выбрали для публикации первую полную черновую редакцию романа, над которой Булгаков работал с 1932 по 1936 год. Условно ее можно озаглавить — «Великий канцлер» — по первому из перечисленных автором предполагаемых названий романа.

Текст редакции значительно отличается как от первоначального варианта («Черный маг»), так и от последующих редакций, особенно во второй части романа.

Приведем лишь некоторые примеры. Так, в последующих редакциях Булгаковым существенно переработан диалог Пилата с Каиафой. Наиболее резкие выражения Пилата в адрес первосвященника иудеев были сняты. Вероятно, автор опасался обвинений в антисемитизме. В результате не прозвучали в полную силу первоначальные творческие замыслы писателя политического характера. Ибо в первых редакциях романа о дьяволе острие булгаковского обличения было направлено главным образом против Кабалы, и уже во вторую очередь — против властелина.

В пьесе «Кабала святош», написанной Булгаковым в том же 1929 году, Мольер восклицает по поводу проводимой Людовиком XIV политики: «Он думает, что он всесилен, он думает, что он вечен! Какое заблуждение! Черная кабала за его спиной точит его подножие, душит и режет людей, и он никого не может защитить!» Свое понимание политической ситуации в стране в тот знаменитый 1929 год Булгаков выразил здесь предельно откровенно.

Совершенно определенно обозначено в первоначальных вариантах романа место пребывания поэта-мастера до его извлечения оттуда воландовской шайкой. Это место — тюрьма или лагерь. Перед нами — политзаключенный... В последующих же редакциях мастер помещен Булгаковым в лечебницу, и сюжетная линия романа была резко изменена.

Намеченный автором в ранних вариантах печальный конец «красной столицы» (вероятно, это важнейшая исходная идея Булгакова: отступники от веры должны быть наказаны!) в ходе дальнейшей правки романа преобразовался в отдельные «хулиганские» выходки членов воландовской шайки. И не более того.

Перечень «потерь» из всего объема первоначальных творческих замыслов писателя можно было бы продолжать еще долго. Но нельзя не сказать о главной. Вспомним финал романа по последней редакции. Здесь ясно прослеживается концепция равенства или даже подчиненности «царства света» «царству тьмы». Решение о судьбе мастера принимает Воланд по **просьбе** Иешуа. Воланд говорит Маргарите: «Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас, — еще лучше». Такая трактовка взаимоотношений Иисуса Христа с Сатаной сформировалась у Булгакова, по всей видимости, под воздействием той гнетущей и мрачной обстановки, которая окружала писателя. В публикуемой же редакции положение Воланда в иерархии власти над миром совершенно иное — подчиненное! Это видно из следующего диалога Воланда и мастера:

— ...что будет со мною, мессир?

— Я получил **распоряжение** (здесь и далее выделено мною. — В. Л.) относительно вас... Так вот, мне было **велено**...

— Разве вам можно велеть?

— О, да.

К написанию «романа о дьяволе» — так чаще всего называлась автором рукопись романа, получившего в ноябре 1937 года окончательное название «Мастер и Маргарита» — Булгаков приступил в 1928 году. К этому времени, после завершения работы над пьесой «Бег», окончательно выяснилось его положение как писателя: творчество его не принималось, осуждалось, признавалось враждебным новому строю. Ему предлагалось «перестроиться», то есть превратиться в писателя «услужающего». Предложения подобного рода он отвергал, а это вызывало недовольство не только у высокого руководства и его окружения, но и у той массы чиновников, писателей и критиков, которая «услужение» почитала за норму. Для них Булгаков был живым укором. Поэтому травля писателя в эти годы приобрела характер неистовой и грязной брани. Отвернулся от писателя в это время и его «покровитель» — И. В. Сталин, который в 1926—27 годы был постоянным посетителем МХАТа и Вахтанговского театра, где шли булгаковские «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира». В выезде за границу Булгакову было отказано, пьесы запретили, на работу нигде не принимали. Ситуация складывалась катастофическая. Но именно в эти месяцы писатель решил дать достойный ответ своим оппонентам — он начал писать роман о советской действительности, о той действительности, которую он наблюдал и жертвой которой стал.

Первые редакции романа, написанные в 1928—29 годах, как известно, были почти полностью уничтожены автором. Но сохранились кусочки черновиков (две тетради) и наброски отдельных глав. Из этих материалов видно, как Булгаков искал название для романа. Так, в первой тетради (условно — первая черновая редакция) сохранились начальные слова от вариантов названий: «Гастроль...», «Сын...». На полях одной из страниц имеется запись «Жонглер с копытом». Во второй тетради (условно — вторая черновая редакция) одна из глав («Мания фурибунда») имеет подзаголовок: «глава из романа «Копыто инженера».

Однако чаще всего встречается название «Черный маг». Оно сохранилось на первом листе первой черновой редакции, а также на втором листе этой же редакции с новым началом романа. Причем, во втором случае название романа «Черный маг» — единственное. Все прочие названия романа появились позже в последующих его редакциях.

Из первой редакции романа полностью сохранились лишь черновики последних четырех глав — с двенадцатой по пятнадцатую. Все предшествующие главы были Булгаковым уничтожены (листы вырваны или вырезаны, но, как правило, с сохранением текста у корешка тетради). Об этом Булгаков упоминает в письме правительству 28 марта 1930 г.: «...я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...». Не исключено, что была уничтожена и переписанная начисто рукопись романа. О ее существовании говорили и Л. Е. Белозерская, и С. А. Ермолинский. Так можно понять и фразу из письма Булгакова В. В. Вересаеву от 2 августа 1933 г.: «...тот свой уничтоженный три года назад роман». Как бы там ни было, но от первой черновой редакции романа «Черный маг» остались лишь небольшие части текста.

Из второй черновой редакции романа, составлявшей, как минимум, две тетради, не сохранилось полностью ни одной главы. В первой тетради этой редакции остались нетронутыми значительные части текста из второй и третьей глав («Евангелие от Воланда» и «Шестое доказательство») и некоторые листы с текстом из других глав. Из второй тетради сохранилось лишь четырнадцать оборванных кусочков (каждый из кусочков — примерно третья часть листа).

Следует отметить, что обрывались и вырезались листы в разное время. Чаще всего Булгаковым листы вырывались большими частями и обязательно оставлялись корешки с текстом, вероятно, для того, чтобы можно было его восстановить. Но часть листов вырезана «под корешок» ножницами. С особой тщательностью вырезались почему-то листы, где должны были быть авторские указания на дату написания.

Из точно установленных дат работы над первыми редакциями романа следует признать лишь 8 мая 1929 г. В этот день Булгаков сдал в редакцию сборников «Недра» четвертую главу из второй черновой редакции романа, о чем есть соответствующая запись. Однако есть все основания предполагать, что работа над первыми четырьмя главами второй редакции продолжалась и после этой даты, возможно и в 1930 году, поскольку первоначальный текст неоднократно правился автором, причем вносились весьма существенные изменения и дополнения.

В 1930—31 гг. Булгаков делал попытки продолжить работу над романом, сосредоточив основное внимание на главе «Дело было в Грибоедове», из которой впоследствии выделилось несколько самостоятельных глав. Однако дальше этой главы дело не пошло, сказалось сильное физическое и психическое переутомление. «Причина моей болезни, — писал Булгаков Сталину 30 мая 1931 г., — многолетняя затравленность, а потом молчание... По ночам стал писать. Но надорвался.»

Возвращение Булгакова к роману о дьяволе состоялось в 1932 году. В новой тетради на титульном листе Булгаков написал: «М. Булгаков. // Роман. // 1932». На первой странице тексту предшествует следующая авторская запись: «1932 г. // Фантастический роман. // Великий канцлер. **Сатана.** Вот и я. Шляпа с пером. Черный богослов. **Он появился.** // **Подкова иностранца**». На 55-й странице тетради Булгаков вновь возвращается к названию романа и записывает: «Заглавия. // Он явился. Происшествие. Черный маг. Копыто консультанта».

Поскольку часть текста в тетради написана рукой Елены Сергеевны Булгаковой, ставшей женой писателя в сентябре 1932 года, можно предположить, что Булгаков начал новую, условно — третью редакцию романа, осенью, очевидно в октябре, когда супруги были в Ленинграде и у Булгакова появилась возможность на некоторое время «отвлечься» от повествования «Жизнь господина де Мольера», над которой он в то время усиленно работал. Всего в 1932 году Булгаковым было написано семь глав.

Вновь к роману о дьяволе писатель вернулся летом 1933 года опять-таки в Ленинграде, где он был вместе с Еленой Сергеевной десять дней. Об этом он так писал 2 августа 1933 года В. В. Вересаеву: «В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это».

Но не бросил. Напротив, осенью он интенсивно работал над романом, продолжая развивать основные идеи. Так, по ходу текста вдруг появляется такая запись: «Встреча поэта с Воландом. // Маргарита и Фауст. // Черная месса. // — Ты не поднимешься до высот. Не будешь слушать мессы. Не будешь слушать романтические... // Маргарита и козел. // Вишни. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой».

Через несколько страниц вновь любопытная запись: «Фамилии: Манифест, Мундир, Минарет, Стойка, Внучата, Архибаба, Цыганский, Эполетов, Полубелый, Поротый, Качественный, Сеченый, Сам-Сановник, Гаугоголь». Кстати, глава девятая так и называлась «Поцелуй Внучаты» (будущий Варенуха).

6 октября 1933 года Булгаков решил сделать «Разметку глав романа», по которой можно судить о дальнейших планах писателя. Завершалась «разметка» главой со схематичным названием: «Полет. Понтий Пилат. Воскресенье». Затем началась быстрая работа, которую можно проследить по дням, поскольку Булгаков датировал ее. За три месяца с небольшим было написано семь глав. С февраля наступил перерыв. Булгаковы переехали на новую квартиру, осваивали ее, жили надеждой на поездку в Париж.

И в третий раз (!) возвращение к роману состоялось в Ленинграде, в июле 1934 года, где Булгаковы находились вместе с МХАТом, гастролировавшим в этом городе. Там же был отмечен юбилей — пятисотый спектакль «Дней Турбиных». Но у Булгакова настроение было далеко не праздничное, ибо незадолго до этого им было отказано в поездке за границу. Булгаков расценивал этот факт как недоверие к нему со стороны правительства.

В новой тетради, на первой странице Булгаков записал: «Роман. // Окончание (Ленинград, июль, 1934 г.)».

В Ленинграде писатель работал над романом пять дней с 12 по 16 июля, о чем свидетельствуют записи. Затем работа была продолжена в Москве. Глава «Последний путь» была написана в период между 21 сентября и 30 октября 1934 года. В это же время была сделана «Окончательная разметка глав». Работа над третьей редакцией в основном завершилась.

30 октября Булгаков начинает новую тетрадь с записи: «Дописать раньше, чем умереть». В ней он дописывает ряд глав, а некоторые переписывает заново, начиная с главы восьмой «Ошибка профессора Стравинского» и кончая главой семнадцатой «История костюмов и прочее». Полностью писатель завершил работу над третьей редакцией в июле 1936 года, когда была окончена глава «Последний полет».

Таким образом, Булгаков примерно за восемь лет, начиная с 1928 года, подготовил **первую полную черновую** редакцию романа. И после этого наступил большой перерыв, вызванный крайне сложными событиями в жизни писателя — в 1936 году все его новые пьесы («Мольер», «Александр Пушкин», «Иван Васильевич») были запрещены.

В дальнейшем Булгаков неоднократно возвращался к роману, существенно перерабатывая его текст. Вносил изменения и дополнения, менял структуру романа, переименовывал многие его главы. И только в конце 1937 года писатель делает окончательный выбор в построении романа. Определяется и его название «Мастер и Маргарита».

Понимая всю сложность своего положения как опального писателя, Булгаков все же не терял окончательно надежды представить «наверх» выправленный роман. Но он не сомневался в том, что при прочтении романа в цензурных органах каждое слово будет тщательно изучено и соответствующим образом расценено. Поэтому автором при правке текста убирались прежде всего те места, которые могли вызвать неоднозначные или нежелательные толкования. В результате, выпадают важнейшие для понимания творческих идей писателя моменты. Все это указывает на исключительную ценность сохранившихся текстов черновой редакции романа.

Каковы ее характерные особенности?

Прежде всего следует отметить, что начинал автор роман по одной схеме, а закончил по другой. По первоначальному замыслу, главе «Евангелие от Воланда» предшествуют десять глав, описывающих похождения сатанинской шайки по Москве. Сохранилась авторская «Разметка глав», датированная 6 октября 1933 года, в которой, в частности, имелась такая запись: «10. Иванушка в лечебнице приходит в себя и просит Евангелие вечером. 23.VI. Ночью у него Воланд. 11. Евангелие от Воланда...» Характерно, что «Евангелие от Воланда» разбивалось на две части и должно было иметь продолжение в главе шестнадцатой, о чем также есть авторская помета в «Разметке глав».: «16. Евангелие от Воланда. Глава II. Револьвер у поэта». Всего в роман предполагалось включить не многим более двадцати глав, причем финальные главы имели следующую последовательность: «17. 26.VI. Возвращение Степы. 18. Выпуск Босого. 19. Следствие у Иванушки. 20. Бой с Воландом. Город горит. К вечеру самоубийство. 21. Полет. Понтий Пилат. Воскресенье». Однако уже в 1934 году Булгаков решительно изменяет структуру романа, дополняя его новыми главами и переписывая старые. По новой авторской разметке глав их уже предусматривалось не менее тридцати семи.

Но, продолжая работу по новой сюжетной схеме, согласно которой, например, «Евангелие от Воланда» должно было занять привычное место в начале романа (вторая глава), Булгаков не внес изменений в первую и последующие главы. В результате получилась некоторая неувязка с главами в середине романа. Так, Иванушка, будучи в лечебнице, выслушивает и повествование Воланда, и исповедь поэта, написавшего роман о Пилате, и главы из этого романа. При этом встречаются повторы в тексте и наблюдается некоторая нелогичность в сюжетной линии. Но мы надеемся, что читатель, хорошо знакомый с каноническим текстом романа, разберется с этими погрешностями черновой редакции.

Необходимо также иметь в виду, что некоторые главы Булгаков переписывал по несколько раз. В этих случаях в текст публикации включены наиболее ранние варианты, если они имеют завершенный вид. Важные разночтения в вариантах глав отмечены нами в комментариях.

Нельзя не сказать еще об одной особенности публикуемой редакции романа. Некоторые части текстов, к сожалению, уничтожались автором, и не все из них затем были восстановлены. По мере возможности, мы восполнили этот пробел в комментариях за счет аналогичных текстов из других редакций романа. Некоторые главы, не имеющие существенных разночтений с ранее опубликованными редакциями, опущены.

●

Свет Серебряного века

Вправе ли мы назвать отражениями первой волны эмиграции — тех, кто сам по себе является яркой личностью, из кого и состоит нынешний центр Русского Парижа!

Но — они на самом деле, последнее нам напоминание о «серебряном веке» нашей культуры, напоминание о И. Бунине, Д. Мережковском, М. Цветаевой, А. Ремизове, И. Шмелеве, Б. Зайцеве и других великих мастерах русской литературы.

Но сама княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская свою книгу о встречах со старшими, более именитыми коллегами, так и назвала — «Отраженья». И потом, на самом деле, есть что-то, почти неуловимое, отделяющее не только вторую, послевоенную эмиграцию, а тем более третью, в основном русскоязычную (определение, которое дали сами себе выходцы из России последнего времени), но даже детей и внуков тех аристократических беженцев из России семнадцатого года, как правило, во многом ассимилировавших, растворившихся во французском быте и французской культуре, даже этих прямых потомков — отделяет нечто и на самом деле «серебристое» петербургско-московской старой выделки, что присутствует в Аркадии Петровиче Столыпине, Наталье Борисовне Сологуб, Зинаиде Алексеевне Шаховской...

Как описать это «нечто», которым в полной мере наделены последние обитатели дома для престарелых в Сен-Женевьев, девяносто-восьмидесятилетние представители знатнейших русских фамилий, с гордостью, тревогой и любовью говорящие сегодня свои последние слова о России. Может быть, сам интерьер дома, состоящий из самых дорогих для жизни обитателей дома семейных реликвий, фотографий, статуэток, шкатулочек, вывезенных семьдесят лет назад из родных российских гнезд, может быть, картины на исторические темы, когда-то хранившиеся в российском посольстве, а сегодня украшающие стены дома для престарелых, но, скорее всего, — это «серебряное нечто» — внутри каждого из обитателей, в облике, в характере, в умении держаться...Скажем, так, как держится Зинаида Алексеевна Шаховская — легко, по-дружески, без высокомерия выскочек, но — и на определенном расстоянии, помогающем тебе же самому выработать свой стиль поведения. Это как опытнейшая партнерша по танцу — вроде бы и ведомая своим начинающим кавалером, но, по сути, — помогающая ему...

На скрываю, что мне Зинаида Алексеевна помогла во время наших встреч. И стеснения не было, и рюмочка была выпита хорошей русской водки, но и деликатность отношений была соблюдена... Впрочем, есть в Зинаиде Алексеевне и что-то американизированное, грубовато-солдатское (в хорошем смысле этого слова), как-никак, говоря нашим языком, — фронтовичка, служила много лет в официальных американских и французских ведомствах, Кавалер Почетного Легиона. Война тоже придает что-то общее: и княгине Зинаиде Шаховской, и крестьянке Марии Корякиной, жене писателя Викторе Астафьева. Зная ту и другую — вдруг вижу, что они быстро бы нашли общий язык, фронтовой опыт тоже неизгладим... Может быть, это помогает, когда надо, избавиться Зинаиде Алексеевне от чересчур назойливых посетителей, типа Феликса Медведева из «Огонька». Когда надо, умеет княгиня сказать и резкое «нет» — на самые заманчивые предложения нашей леволиберальной прессы. Запад всегда остается западом, он вынуждает и приучает считать деньги даже княгинь и графов, поэтому и Зинаиду Алексеевну полной альтруисткой не назовешь, но, когда касается помощи России, когда речь идет о поддержке изданий, близких её патриотическому духу, Зинаида Алексеевна об экономике забывает. Она собрала и выпустила вместе с профессором Рене Герра уникальный «Русский Альманах» из наследия эмиграции. С разрешения З. Шаховской и Р. Герре мы публикуем в этом номера материалы из сборника — письмо де Голля Зинаиде Шаховской о России и переписку родного брата Зинаиды Шаховской, архиепископа Иоанна Шаховского, с писателем Борисом Зайцевым.

Сейчас имя Зинаиды Шаховской можно встретить во множестве изданий самых разных направлений: от журнала «Молодая гвардия» до газеты «Книжное обозрение». Самой Зинаиде Алексеевне больше всего интересно сотрудничество, как она мне рассказывала, с журналом «Север» и журналом «Слово». «Север» её покорил своим трогательно-провинциальным, деликатным вниманием, уважением к тексту. «Слову» Зинаида Алексеевна благодарна не только за то, что мы одними из первых обратили внимание на её творчество, но и за остроту проблем, ставящихся в журнале. Поэтому именно нем отдала для новой публикации Зинаида Шаховская две свои наиболее проблемные, вызвавшие полемику в эмигрантской печати, статьи. Принадлежа двум культурам — и русской и французской, да и по воспитанию своему, княгиня не может быть шовинисткой, при всем желании она уже не может замкнуться на культуру лишь одного народа. Крайне далека от всяческого национализма. Именно поэтому ей ненавистно презрение и к русской культуре, от кого бы ни исходило это презрение. Она никогда не стеснялась защищать Россию, иногда даже теряя из-за этого близких друзей, как было с семьей писателя Владимира Набокова. В книге воспоминаний «В поисках Набокова» Зинаида Шаховская пишет: «Я указала В. Н. (жена В. Набокова — В. Б.), что в моей книге существуют русские убийцы и предатели и что я считаю, что было бы малодушием с моей стороны свидетельствовать о виденном с оглядкой — на кого бы то ни было. (Речь идет о зверствах одной комиссарши еврейской национальности, о чем мельком писала З. Шаховская, — В. Б.). Но по-видимому В. Н. принадлежит к тем людям, которые историков, раскрывающих псевдонимы Троцкого и Стеклова или приводящих фамилии убийц царской семьи или „строителей" Беломорского канала, считают антисемитами. Перейдя от частного к общему, В. Н. обрушилась на весь русский народ, на „рабскую его натуру" и все прочее, что об этом народе часто говорится. Тут я заметила, что я книге моей я говорю всегда о какой-нибудь личности, о каком-нибудь случае — не обобщая, она же обвиняет огульно целый народ, что и есть, конечно, настоящий расизм.

Разговор был не лишен в моих глазах пикантности. Питая ненависть к нацизму и к Германии, в событиях того времени ни В. (писатель В. Набоков — В. Б.), ни его жена не участвовали, но В. Н. не могла не знать, что мы уже давно с мужем... принимали деятельное участие в антигитлеровских акциях... добывали визы для немецких евреев. Это... и приведет меня в сентябре 1940-го года в Парижское Гестапо...

Высказанное ею презрение к русскому народу меня не обрадовало нисколько и обеспокоило. Набоков был русским писателем и в те годы только таким себя и считал...»

Да, по праву княгиня Шаховская считается одной из героинь французского Сопротивления, по праву имеет военные награды. По праву резко отметает от себя всяческие низкопробные обвинения в русском шовинизме и чуть ли не антисемитизме. Читатель сам оценит силу и убедительность её высказываний в публикуемой статье. Но так же резко Зинаида Шаховская полемизирует с оппонентами и по всем другим вопросам, защищает А. Солженицына, Б. Пастернака, того же В. Набокова от наших отечественных идеологических пуритан. Считаю уместной и её полемику с Владимиром Солоухиным, между делом упомянувшим о еврействе архиепископа Иоанна Шаховского, а, стало быть, и её. Зинаида Алексеевна объясняет и происхождение этой сплетни — из недр гестапо, которому настоятель Свято-Владимирского Храма в Берлине мешал все военные годы. Наша печать успешно писала о сотрудничестве Иоанна Шаховского с фашистами, о его антисемитизме, а фашистские идеологи из ведомства Розенберга в это время запустили слух о сомнительном происхождении русского священника, закрыли его издательство, конфисковали все православные книги, даже изданную им православную Библию. Надо ли нам сейчас пропагандировать даже между делом сплетни, запущенные злейшими врагами русского народа! Вот почему надо обязательно опубликовать книгу Гитлера «Майн кампф», чтобы знать не только о происхождении фашизма, но и о лютой ненависти фашистов к русскому народу. Мы уже знаем о лютой ненависти Карла Маркса к русским как таковым, нам надо знать и о такой же ненависти Адольфа Гитлера, чтобы у его отечественных нынешних поклонников не было иллюзий, что они все — «унтерменши», то есть «недочеловеки».

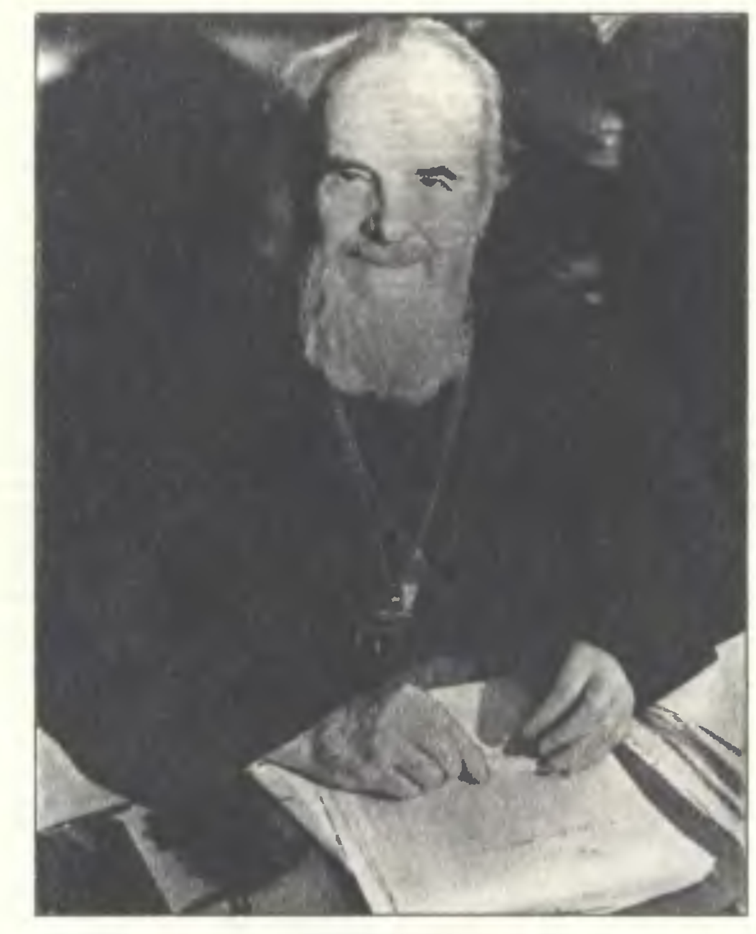
Да, княгиня Шаховская отбрасывает расизм любого толка, от кого бы он ни исходил.

Сейчас Зинаида Алексеевна живет в центре Парижа, одна, возраст уже дает знать, несмотря на её неугомонность и энергичность, пользуется большим авторитетом в кругах русской эмиграции, несмотря на, как говорят, «трудный характер», а может, даже благодаря ему. От Зинаиды Алексеевны получил я добрые рекомендации ко многим другим русским парижанам, в том числе и к дочери известного русского писателя Бориса Зайцева — Наталье Борисовне Сологуб.

Выстроилась хорошая единая публикация: превосходная, остро социальная статья Зинаиды Шаховской, отдельно — письмо к ней великого деятеля Франции де Голля с принципиальнейшими словами Президента о его отношении к России, затем переписка брата ее, архиепископа Иоанна Шаховского, с Борисом Зайцевым, дающая нам представление и о жизни русской культурной эмиграции, и о судьбах этих двух больших деятелей России... И я рад каждому новому знакомству читателей «Слова» с авторами Русского Зарубежья. Значит, не зря были эти поездки, эти встречи, с книгами и рукописями возвращаясь домой, я заполнил почти всё маленькое купе, меня трясли на таможне, несмотря на все мои писательские удостоверения. Но — единый поток русской культуры уже неразделим. И Русский Париж — уже неотъемлемая часть нашего общества, нашей жизни, нашего народа, нашего Духа.

Искренне признателен всем русским парижанам, благодаря бескорыстию которых журнал «Слово» из номера в номер имеет возможность дарить всем россиянам радость соприкосновения с Великой Русской культурой.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО



Сердце сердцу...

Из переписки арх. Иоанна (Шаховского) с Борисом Зайцевым

25/XII 1946

Дорогая Вера Алексеевна,

Спасибо Вам и Б. К. за приветы Ваши. Хоть и живу за тридевять земель, как-то совсем не ощущаю расстояний; а так, как будто все мы на пятачке одном. И, хотя давно не видались мы, но и этого как-то не существует также («давности»). Видно, клеточку земную мы преодолеваем — по всем направлениям из нее просовываемся, в ожидании и полного освобождения, которое придет (не замедлит). Я рад, что смог Вам послужить — мыслию, — «вовне клеточки» направленной; — хорошо все туда глядеть, в этом и вся соль жизни.

Удивительно, до чего здешние души похожи на... европейские, и на все вообще; а то так подумаешь, что «тридевять земель» — это что-то особое. Но нет. Все один круг. Много, много дела для сеющих и жнущих... Пишу Вам из раеобразного местечка: Санта Барбара (2 с половиной

Тексты писем Бориса Зайцева и архиепископа Иоанна (князя Д. А. Шаховского) публикуются с любезного разрешения Н. Б. Сологуб (дочери Б. К. Зайцева) и З. А. Шаховской.

На снимке: архиепископ Иоанн. Из личного архива З. А. Шаховской.

часа к северу от Лос-Анджелеса), — эти дни тут окормляю малую группку православных. Маленькую часовню сделали из гаража... Хорошие души. А совсем недавно пришлось пересечь континент, — был на Церк. Соборе в Кливленде, потом в Нью-Йорке, а обратно вернулся через Вашингтон и Новый Орлеан (где на старом французском наречии говорят)... Как скромен «Белый Дом» Вашингтонский, — очень мне понравилась эта скромность.

Борису Константиновичу понравилась бы долина реки Миссисипи и Мексиканская пустыня, через которую я и вернулся в Калифорнию. Как-то едешь и не веришь глазам своим, что никто тут не живет, средь этих волнистых гор и чистых просторов, мягким светом озаренных... Глаз, хоть не верит, но отдыхает и удивляется очень, — привык, бедный, все к жилищам человеческим, к мельканию внешней, не сущностно воспринимаемой человеческой жизни. Но тут ему покой... И удивлялся я еще, как вдруг вырастает в пустыне город — и оттого что люди только потрудились, стали тут качать из глубины воду, — и все расцвело. Слишком явственное указание, куда направлять «кипящую энергию», канализирующуюся к войнам и революциям... Пустыня, — вот выход для всех народов, — и сколько ее еще в мире! А Европа страдает от недостатка пространства... Вся плодороднейшая Калифорния, на юге целый год цветущая, — все это — пустыня, возделанная трудами человека.

Будьте здравы, крепки, — помогите Жуковскому сказать свое бодрое и мягкое слово людям нашего времени. Призывающий на Вас, на Б. К. и на тех, чьи имена Вы мне послали.

Милостивое Божье Благословение
С любовью о Христе
арх. Иоанн

* * *

14-го октября 1954 г.
Сан-Франциско

Дорогой Борис Константинович,

Недавно прочел я Вашу книгу о Чехове. Как бережно, заботливо «распутали» Вы его, «реставрировали», воссоздали творение Художника Первого. Добрались до настоящего Чехова. Ничего, кажется, не пропустили, добираясь до его сути, которую он, может, и сам не до конца видел. Ваша книга есть извлечение «драгоценного и ничтожного», по слову Господню, сказанному пророку: «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь, как Мои уста»...

Биография эта, конечно, не только «литературная», а стоит, в сущности, на грани литературы и того, что «сердце сердцу говорит в немом привете». Не все читатели расслышат этот «привет» Ваш, как Чехову, так и читателю его и своему. Но, «привет» Ваш все же коснется многих и заронит в сердца нечто, открывающееся за Чеховым, ради чего мы и живем тут. Это любовь к человеку. А отшелушить в нем все, ради чего не стоит жить и не живем мы тут... Что можно сделать большего в биографии? Тем более — литературной... Писатель-христианин не может быть празден от именно такой любви. Ее надо возвещать.

Вам, вероятно, покажется странным один пункт: но мне как-то кажется, именно в «Архиерее» открылась узость горизонта Чехова. «Архиерей» сделан как-то очень для меня чуждо. Ни одной черточки нет в нем близкой, в строе его переживаний... Это, конечно, не «старец» Толстого, не «Отец Сергий»; но, в чем-то подобен ему. Прямого опыта религиозного не раскрывается в нем. Он весь в плане «психологическом», «душевном». И неудача рассказа в том именно, что хороший человек выведен. Будь он не «положителен», как тип, была бы более оправдана его религиозная бесхребетность духовная, безжизненность

Как-то сердце мое не спокойно за Бунина... Пред самым моим отлетом в Англию (год назад, когда летел через весь мир), совсем поздно, от Струве, мы с сыном П. Б., доктором, заехали; и — посидел я последний раз с Иваном Алексеевичем, не то 1/2 часа, не то час. Он смог пройти в столовую, расположился за столом, и поговорили, не исключая темы и о том мире... Как-то захотелось ему с Мережковским заполемизировать, что, мол, чудак, думал, что «с Лермонтовым» встретится там!.. Я все же сказал ему, что та жизнь несравненно реальнее этой. Уходя, крепко обнял его и благословил. Он с полным благоговением это принял и остался сидеть сгорбленный, такой несчастный с виду, словно загнанная мышка в самом последнем уголку подполья своего. И Чеховым как раз был занят, когда пришла минута переходить..

Ведь тайна в том, что количества талантов мы не знаем, — ни в себе, ни в других; и оттого никто, ни про себя, ни про другого, не знает, сколько «дано», сколько «отдано» Богу, кто дал.. Талант же главный, разумеется не физический и не душевный (не искусство), но духовный — талант духовных возможностей и сил... Это проблема неразрешимая на земле. И оттого нельзя (не то, что не позволяется, но нельзя, по самоочевидности) судить другого: нет ни у кого меры, с которой можно сравнивать данный уровень человека. Но, есть и бывает какой-то «вздох несвершенного», который вьется за человеком. Вздох с непросветленности и непримиренности. О, если бы душа воспрянула, хотя бы в последний миг...

* * *

Великий Понедельник
11 апр. 1960

Дорогой Борис Константинович,

Спасибо за строчки Ваши, столь ценные мне.

Рад сведению, что В. А. крепче. Это ведь любовь Ваша и крепость духа, веры. Этим она выживала и живет, в этом мире... И Вы сами от этого имеете новую силу.. Это, как Евангелие Святой Ночи: «благодать во благодати». Господь любит светло любящих.

В. Смоленскому, прекрасному поэту, имел возможность выслать (чрез одно лицо — с Дарю) 20 долларов. А здесь прилагаемой бумажкой прошу Вас порадовать чем-либо «пасхальным» Веру А. Буду Вам признателен за исполнение этого моего желания.

Как хорошо Вы написали об о. Киприане. Я помню его еще в Лицейском Саду, — он на 4 года был старше меня. Потом, по дороге на Афон (на постриг), встретился с ним в Сербии в 1926 и свершил паломничество во фрушкогорские монастыри. Монашество он вскоре принял, после меня. И был у нас с ним один и тот же духовник, несколько лет спустя в Югославии, — батюшка о. Алексей Нелюбов (туляк), духовник женского хоповского — б. Леснинского — монастыря. — Но позже, уже в Зап. Европе, как-то не наладился с ним братский контакт (как хотелось мне). — И здесь что-то было иррациональное, во что я не хотел вникать, а только жалко... А теперь, опять, все уже перешло в иное. Мы еще — на ниточке — тут: он — там уже. Вы хорошим словом его проводили.

Обнимаю Вас, дорогой Борис Константинович,
и призываю на Вас и близких Ваших
Милость Божью.

Если приведется быть в Париже больше чем на день-два, надеюсь повидать вас обоих.

А разбить надвое стихи в «Р. М», было, может быть, лучше (до меня еще не дошли эти №№).

P. S. Очень интересное явление: стали доходить до меня письма с разных концов России от... слушателей... (Перестали оказывается глушить там «Г. А.»). Задают всяческие вопросы... Кое-кто, м. б., и по заказу. Но — сколь расширилась «аудитория». Через 40 лет странствий вхожу в «Землю Обетованную», в образ Царствия Божия. — словом о Христовой Православной вере — родному народу. Вот милость Божья, — за которую ничем нельзя воздать..

9.2.1963

Дорогой Борис Константинович, — приветствую Вас и Веру Алексеевну! Получил Ваше письмо. Какая хорошая мысль — издать «свято-русскую» серию Вашу. Если хотите, чтобы я над этим вопросом подумал, я постараюсь обдумать его, и м. б. найдутся какие-либо «координаты» здесь.. Вполне понимаю Ваше отношение к «Humanities Fund». Если что можно будет по другим линиям сделать, я Вам сообщу (не знаю только, связаны ли Вы «правами» с ИМКА-Пресс на какую-либо из этих книг, — думаю, что тут не будет осложнений...).

Очень интересно, какова была Ваша встреча с Паустовским, и о чем говорили Вы, и был ли тут какой-либо человеческий контакт (не говорю — с Вашей стороны, тут сомнений нет, а — с его).

Е. по-видимому с какой-то стороны (либо с поэтической, либо с религиозно-философской, м. б. комбинацией сего) был затронут книжечкой «Странника», т. к. читал наизусть оттуда стихи (напр., стр. 62)... Я не думаю, что он «коммунист». Он ловко себя там «камуфлирует» в защитный цвет — «полосами», как парашютист — и действительно духовно там является неким парашютистом, «прыгает» — с абстрактного коммунистического неба на простую русскую землю... Некий освобожденный гуманизм в нем есть. Эта черта выступает и у других. Любопытно, что тему восьмистишия «Тайнодействия» (стр. 23 «Странствий») он взял темой всей своей книги: «Взмах руки» (1962) и ее первого стихотворения (написанного в том же году, в начале которого вышли «Странствия»)... Я получил с приветствием авторским очень лиричную книгу стихов Л. О. Тоже тут преломляется гуманизм (коим преодолевается, думаю, тема «коммунизма» у многих)...

Трогательна все же эта «мистика» — «с чернилами пузырьков» — (как и романтика «поездов» у других там поэтов)... Я думаю все же, что накапливается под ледяной коркой какое-то подснежное царство, коим живут люди... И во все это, право, можно вкладывать то, что в форме церковной и богооткровенной еще недосягаемо...

С любовью призываю на Вас, Веру Алексеевну и милую дочь Вашу, утешающую Вас, Божие благословение и укрепление

С любовью, Ваш
Арх. Иоанн.

То, что хотелось бы Вере Алексеевне, прошу приобрести на прилагаемую бумажку цветную. Надеюсь, у Вас препятствий не будет ее реализовать.

Что надо еще издать и сейчас помышляю о сем: еще не изданную поэму Максим. Волошина:

«Святой Серафим»
(написан. им в 1919 г.)*

Я думал, что она сгорела у меня в Берлине, но нашлась там ее копия, и мне прислали... Ценная поэма, — фактически житие преп. Серафима в волошинских (полубелых) стихах... Хочу и в Россию об этом передать...

* * *

6 марта 1963.

Глубокоуважаемый и дорогой Владыко, задумал я одно литературное предприятие, хочу обратиться к Вам за помощью или советом. Есть у меня книжечки «Преп. Сергий Радонежский», «Афон» (Вами вдохновленный) и «Валаам». Все это давно разошлось. Достать нигде ничего нельзя. Идейка такая: соединить все вместе, получится книга страниц в 300. Ее можно было бы назвать «Святая Русь», или что-нибудь в этом роде.

Тут Вы начинаете уже понимать, куда все это клонится. Конечно, к тому, чтобы поднять издание материально.

Мысль об этом давно во мне сидит, да все как-то не решался переходить к «действию». Но времени уж остается мало (мне 82 года), а ведь это направлено к прославлению духовной Руси, ныне на Родине задушенной. Кто знает, может быть, со временем книга попала бы и туда, и там кто-нибудь соприкоснулся бы с удивительным и высоким (а то и высочайшим), что было на земле нашей. «Толцыте и отверзится». Вот и пробую постучать. — Нельзя ли подтолкнуть какое-нибудь американское сообщество — православное или протестантское — на некий меценатский жест? — С Dante я тоже долго колебался, наконец, меня поддержал Humanities Fund, но второй раз обращаться туда неудобно (тем более, что они несколько поддерживают меня и вообще — ведь Вы понимаете, дорогой Владыко, что заработком в «Русской Мысли» не проживешь и неделю).

Буду очень, очень признателен, если в той или другой форме окажете содействие.

Вера, приблизительно, в том же виде. Держит нас обоюдная любовь и милость Божия. Ваше посещение для нас незабываемо. Был у меня Паустовский. Хороший человек, но совсем из другого теста, чем Вы. А Евтушенко меня удивил: он сказал английскому* Оболенскому, что очень ценит Ваши стихи. Я тоже ценю, но я не коммунист и не атеист. А ему как будто и не полагалось бы. Если это не кокетство с его стороны, то тем лучше. Он талантливый человек, но на опасном пути. — Зинаида Алекс. поместила обо мне изящную статью в «Revue des deux mondes» — дай Бог ей здоровья.

Оба мы шлем Вам лучшие пожелания. Помяните нас в Ваших св. молитвах.

С любовию
Борис Зайцев.

* * *

19 июля 1965 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Владыко, очень рад был получить от Вас светлую, как всегда, весть — Вы и раньше являлись в дом наш светлым лучом (незабываемым), теперь явились в дом осиротелый, но любовь к Вам в нем осталась прежняя. (Ваших молитв и благословений ни Вера покойная, ни я никогда не забываем.)

Несколько слов о ее земном конце: в четверг на Страстной, когда ей было уже плохо, но сознание еще не покинуло, я читал ей и Наташе Двенадцать Евангелий. К концу она устала, дослушала уже в полузабытьи. Но, когда я подошел к ней, на лице ее было блаженное выражение. Потом наступило беспамятство. Оно продолжалось всю пятницу и субботу

Но представьте, на Первый День, 25 апреля, она проснулась, совсем почти как раньше, с улыбкой и нежностию ко мне и Наташеньке. В этот день к нам зашел давний друг наш итальянский, римский проф. Легатто, который всегда очень к ней хорошо относился — она к нему тоже. Он ее обнял, поцеловал, сказал по-русски: «Христос Воскресе!», она ответила совершенно явственно: «Воистину Воскресе». Весь день был веселый и радостный. Я пел ей «Христос Воскресе из мертвых...» и т. п. Это был последний день. С понедельника опять беспамятство. В четверг некий просвет, улыбнулась, прошептала мне «папа», Наташеньке «мама» (она так нас называла в болезни). — и опять прежнее. Ничего не ела, ничего не пила. Вливали питательную жидкость goutte à goutte, часами, но ничего нельзя было сделать. Почки совсем перестали действовать. 11-го мая, в 4 ч. утра, не приходя в сознание, скончалась. Отпевание было на Daru, очень торжественное, море цветов, хор, полный храм. Погребение на St. Geneviève des Bois.

О Вашей болезни узнал, но довольно поздно, душой и сердцем с Вами, рад весьма, что Вы крепнете и вскоре,

* Оконч. 30.XII.1919.

* Дм. Дм. Об-му, профессору Оксфордского Университета.

наверно, начнете свою благовестническую деятельность.

Низко кланяюсь Вам, люблю и посылаю всяческие благопожелания.

Ваш Борис Зайцев.

P. S. Простой бандеролью посылаю Вам новую книгу свою «Далекое».

* * *

1 сентября 1965 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Владыко, надеюсь, Вы уже поправились, отошли от Вас докучные дела болезни. Дай Вам Бог сил.

Сердечно благодарю за письмо о Вере. Ваши посещения во время ее болезни и Ваше действие на нее и на меня незабываемы. Кланяюсь Вам земно за любовь и поддержку.

Сейчас чувство, что иду к ней. Как это произойдет, не знаю и не понимаю так же, как некогда в Калуге, шестнадцатилетним гимназистом, не мог ответить старушке-вдове Крич, у которой жил, на вопрос о покойном муже. («Вот, Боря, ты умный человек, объясни мне, как я узнаю на том свете моего Жоржа?»). Жизнь прошла с тех пор, а тайна такая же, но чувствую теперь больше, может быть, потому, что тогда я не был еще прикреплен нитью нерасторжимой ни к кому. (Просто был «Зайчик», первый ученик в классе, сидел на последней парте, откуда удобно было подсказывать.)

«Книгу свидетельств» читаю медленно, по частям. Некоторые главы потрясают («Плимутские братья»). Вообще же, книга замечательная, и работа, «трудничество» Ваше замечательно, Владыко — это не «слова», не зря сказано.

Дай Вам Бог сил и для дальнейшего благовестия.

Всегда благодарный и всегда с любовию Ваш

Борис Зайцев.

* * *

16-е сентября 1965 г.
Сан-Франциско

Дорогой Борис Константинович,

Получил Вашу весточку от начала месяца. Радостную и грустную. И то, и другое — образы одного благословения, чувства неотмирности в мире этом... Для Вас настал, конечно, самый важный и драгоценный период жизни, не столько — «без Веры», сколько — «с Верой — там»... Вот и Федора Августовича Степуна более всего волновал духовно вопрос личной встречи там (когда беседовали мы с ним, совсем перед его смертью, в феврале этого года, в Штутгарте). Нам, конечно, трудно земным умом себе представить зерно личности своей и близкого человека; мы видим себя и других лишь в душевно-телесных платьицах, в мякине, в шелухе смертной одежных. А там без этого все. Представить трудно. Ведь Чистота всесожигающая и есть смерть. Да будет она благословенна для всех уже славно прошедших ее воротами, и для нас... Спасибо Вам, дорогой, за ободрение в моем «трудничестве» словесном, благовествовательном. Большое счастье дано мне: «поить» истиной русских людей (миллионы ведь слушают*). И мой опыт литературный «светский» (от юности идущий) помогает мне сейчас в этих простых словах, не условных, а прямых. Господь творит все Свое «из ничего». Помолитесь и Вы за меня. Господь Вам тоже дал молитву. И об общем молитесь. В мире «закручиваются вихри» — Вы видите: это особенно время тихих молитв, славословия Бога из всех углов земных — за все, за всех... Если будем в этом мире, надеюсь, повидаемся с Вами в начале следующего года. Предположена конференция церковная в Женеве.

Может быть, и от милого молодого своего читателя имели Вы какую-либо весть. Та, первая, очень ценна.

Обнимаю Вас, дорогой Борис Константинович.

Ваш Архиепископ Иоанн.

* * *

10 мая 1966 г.
Сан-Фр. Кал.

Дорогого Бориса Константиновича пасхально обнимаю в день его 85-летия! Невероятно торопится время. И верю, что добрых людей торопят ангелы и быстрота часов и минут переходит у них в интенсивность (во внутреннюю быстроту) добра... И вспоминается, как молодой, вдумчивый пред духовным миром, ветром афонским освеженный, приезжал Зайцев сорокасемилетний в гости к молодому пастырю-иноку в город, с названием столь символическим — Белая Церковь.

И вот, чрез все это быстрое множество лет, которые были для Вас не только служением слову, но и словом Слову, чрез весь Американский Континент и чрез весь Атлантический океан и — чрез память о незабвенной, доброй рабе Божьей Вере, — протягиваю я свои руки к Вам, дорогой Борис Константинович, чтобы осенить Вас Честным Животворящим, благословляющим Крестом и — обнять Вас.

Иоанн,
Архиепископ Сан-Францисский

* * *

19 мая 1966 г.

5, Av. des Châlets, Paris (16)

Глубокоуважаемый и дорогой Владыко, великое спасибо Вам за письмо-приветствие. На вечере оно было оглашено первым.

Я тоже очень хорошо помню Югославию, Белую Церковь, худенького иеромонаха одного... Но помню его еще и раньше, молодым поэтом Шаховским, у себя на Rue Belloni в Париже — это уже более 40 лет назад. Тогда будущий архиепископ издавал и редактировал журнал «Благонамеренный» — и представьте, как раз комплект этого журнала сохранился у меня и доселе (правда, и вышло всего два номера, все же...).

Но особенно запомнилось раннее утро в Сергиевом Подворье, когда в полутьме осенней только что постриженный юный монах рассказывал мне об Афоне, переломившем его жизнь. Если бы утра этого не было, я никогда бы, наверно, на Афон не попал и в жизни моей не сохранилась бы одна из самых светлых и возвышенных ее страниц. Из дали времен кланяюсь Вам земно за то, что как-то заразили меня тогда этим Афоном, и я, не имея ни копейки денег и не отличаясь, вообще, расторопностью, вдруг проявил энергию и выпросил у «Последних Новостей» аванс в 5 000 фр. на поездку. (Мне их не хватило, назад возвращался в трюме какого-то cargo греческого. Вера с Наташей сидели тоже без гроша, но все обошлось благополучно. Значит была на все это не одна наша воля).

Последнее время нередко встречаю Зинаиду Алексеевну, от нее знал (да и из «Н. Р. Сл.») о Вашей болезни. Разумеется, был душой с Вами, как и теперь (теперь считаю Вас уже здоровым).

Господь Вас храни на долгие еще годы — труженика высокого назначения, так нужного и здесь и на Родине, так подымающего всех нас своим неумолчным словом и делом.

С давнею и всегдашнею любовию

Борис Зайцев.

* * *

5, Av. des Châlets, Paris (16)

* Речь идет о моих «Воскресных Беседах» по Голосу Америки, начатых в 1948 г. (продолжающихся доныне), обращенных к России.

20 июня 1967 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Владыко, сердечно благодарю за письмо, за передачу в Россию. Как ни странно, у меня самого некая связь с Россией растет: не только приходят книги писателей молодых оттуда с дружественно-почтительными надписями, но вот только что получил весть, что выходит мой перевод (и покойной Веры) книги «Ватек», английского писателя Бекфорда, превосходно писавшего по-французски. Небольшая книжка, фантастич. арабская (скорее персидская) сказка — вещь редкостная по красоте мрачной и никак уж к Марксу неподходящая. Вступительная статья П. Муратова — не знаю, оставят они ее или постараются как-нибудь приспособить «Ватека» этого к своим надобностям. Но трудно! Никаких мостков.

Вышел этот «Ватек» в Москве у К. Ф. Некрасова в 1913 г. Корректуру я держал в Риме в 1912, 55 лет тому назад. Да, судьбы не угадаешь.

Вашу передачу и письмо Татьяне Марковне* передал ей. Она была очень тронута Вашим вниманием и сказала, что сама Вам напишет и поблагодарит.

Будьте здоровы, дорогой Владыко, дай Вам Бог долгие годы звонить в свой колокол духовный.

С любовию и признательностью

Борис Зайцев.

* * *

16 декабря 1968 г.

Дорогой Борис Константинович,

Сердечно благодарю Вас за подарок — присылку книги Вашей, — некоей светлой радугой Вы ее протянули по небу, один конец поставив в Москве прошлого, а другой в Париже настоящего (тоже утекающего в прошлое уже). В этих проблемах духовных и жизненных Христофорова русского есть уже, Вы показали, какой-то «отлет», — какой-то это полусон-полуявь (все те персонажи предреволюционные московские). И Вы их, конечно, подняли, немножко, над землей... А далее материя уплотняется и одухотворяется по-новому (по-лучшему)... Надо бы теперь переиздать всю Вашу серию литературных образов, больших образов России. Насколько это лучше многих монографий — как-то в них Вы, держась за реальную ткань жизни, делаете ее живой и теплой, — совсем без всякой желчи, без всяких сморщиваний лица, от того, или от другого, а как бы провожая писателя и его творчество и жизнь — на Суд Божий (в виде ангела-хранителя). И это «отольется» Вам самому. Какой меркой меришь, и тебя такой будут мерить.

Многие дурачки-люди этого не понимают! Надо созидать Царство Божие, творить его и в другом человеке, даже — ушедшем с земли, из того, что он оставил. Творец творит из ничего и дает людям эту власть, как образу Своему, — из ничего, из пустяков, из мелочей (а что не «мелочь», из нашей внешней жизни?), творить новую ткань жизни, расшифровывать вещи во благо. Это высший этаж творчества. И Вам он доступен. Это следствие веры.

Обнимаю Вас и ко дню Рождества Христова желаю Вам, рабе Божией Наталии, ее милому мужу и чадам — мира и радости благословенной.

С любовию

Архиеп. Иоанн.

* Вдове М. А. Алданова.

15 мая 1958 г.

Княгине ЗИНАИДЕ ШАХОВСКОЙ

Княгиня,

Как жива и волнующа Ваша книга.

«Ваша» Россия есть то, что она есть, была тем, чем она была, будет тем, чем она будет. Во что бы ее ни «одевали», ничто не может переменить ее сущность, ее сущность очень большого, очень дорогого, очень человечного народа нашей общей земли.

Я был, Княгиня, тронут Вашей надписью и напоминанием о нашей борьбе.

Я прошу Вас, Княгиня, принять уверение в моих почтительных и преданных чувствах.

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

О «либералах»

Как подобает моему возрасту, работаю я сейчас над моими «посмертными мемуарами». Первые четыре тома моих воспоминаний, написанных на французском языке, охватывали период от 1910 до 1950 г. и вышли под общим названием «Таков мой век»*. Надеюсь, что когда-нибудь они будут переведены на русский язык — несмотря на их «космополитичность», во всех четырех, а не только в двух первых томах, Россия и русские, иногда косвенно, но всегда присутствуют.

С тех пор мне пришлось быть свидетелем и многих других событий. О пребывании моем в Москве в 1956—1957 гг. тоже вышла книга**, переведенная с французского на многие языки, но не на русский. А последние пятнадцать лет прошли для меня в совсем неожиданной роли главного редактора «Русской Мысли», что и привело меня с начала семидесятых годов к не менее неожиданной встрече с бывшими советскими гражданами, главным образом с бывшей советской интеллигенцией. С их появлением на Западе, всегда темпераментно, выявилось их присутствие среди нас, ставших еще в детстве «гейматлоссами» (потерявшими отечество). О личных встречах с этими новыми эмигрантами я пишу в части моих воспоминаний, которые будут переданы в добавление к моей довольно обширной коллекции литературного, исторического материала, корреспонденции, документов и т. д., уже находящейся в США. Но, поскольку темы, которые многие из новых эмигрантов затрагивают в своих выступлениях и в печати, настолько вызывающи, мне казалось, что было бы малодушно с моей стороны мое суждение о них отложить на «посмертное», когда я буду вне критик, порицаний, а может быть и угроз.

Кстати, я считаю, что совершенно ошибочно эмигрантов СССР называть «третьей русской эмиграцией». Логично ее надо обозначать как «вторая советская». Единственная русская эмиграция была 20-х годов нашего столетия, поскольку все в ней находящиеся, к какой бы этнии они ни принадлежали, будь они калмыки, русские, евреи, армяне, выехали как русские граждане, и никогда советскими гражданами не были. Да и эмигрантами они не были.

* «Lumières et Ombres», II. «Une Manière de Vivre», III. «La Folle Clio». IV «La Drôle de Paix». Presse de la Cité, Paris u Piper Verlag, München.

** «Ma Russie Habillée en URSS», Grasset, Paris. Pipers Verlag, München. Putman, New York. J. Cape, London, в Швеции, Голландии, Гонконге и т. д.

Княгиня З. А. Шаховская, 1952 г. Из личного архива.

Они были беженцами, нансеновские бесправные паспорта называли их refugiés russes. Большинство из них, до приблизительно 30-х годов, корней за границей не пускали, натурализаций не искали, все надеясь на возвращение в страну, из которой они были силой, огнем и мечом изгнаны.

Первая советская эмиграция 1945 года, такая же бесправная, и тоже спасающая свою жизнь, долго томящаяся в лагерях «перемещенных лиц», имела с нашей нечто общее, это б е ж е н с т в о. К тому же всего четверть века отделяло ее, эту первую советскую волну, от русского прошлого; не все в ней было вытравлено сменой поколений. К тому же в ней почти не было людей, занимавших в Советском Союзе ответственные места, т. е. номенклатуры, людей, включенных в систему.

Вторая советская эмиграция 70-х годов была подлинной э м и г р а ц и е й. Выезжавшие не бежали, а получали право на выезд. Большинство из них требовали своего возвращения на свою историческую родину, что доказывало, что ни Россию, ни СССР они родиной не считали. По своей сущности она была национально или этнически ограничена, русских, которые смогли, благодаря содействию своих еврейских друзей, в нее включиться, было не так много. Кажется, один Амальрик, по непреклонности своего характера, хотя и не был русским патриотом, отказался от такого камуфляжа. Поименно можно перечислить тех русских, или признающих себя русскими (что одно и то же), которые, часто трагически, были высланы, и тех, у которых вынудили согласие на неофициальную высылку. Если часть новых советских эмигрантов выехала в Израиль, то другая осела на Западе, где и начала представлять собою именно русскую эмиграцию, внося этим путаницу в понятиях не всегда тонко разбирающихся в русской и советской сложности западных специалистов.

Толчком к моей статье оказалась вышедшая по-английски в Америке в 1982 году книга А. Янова «Новая русская правда». Мне мало что известно об авторе: бывший партиец, литературовед, этот представитель советской интеллигенции по-видимому видит «русскую правду» одновременно как сталинскую и фашистскую и предостерегает Запад о возможности захвата власти в СССР именно этой партией.

Не знаю, имеются ли в СССР — возможно, что имеются — «крайние правые», но уверена, что поощрения они от правительства не получают, поскольку известно, что русские националисты переправляются в ГУЛАГ, тем более, что ими на Западе мало кто интересуется, и за них манифестаций не устраивают.

Не принадлежа ни к какой партии, но прожив на Западе почти всю мою жизнь, я не совсем понимаю, почему для «либералов» типа Янова правые должны быть вне закона. В каждой свободной стране есть и правые и левые, прогрессисты и консерваторы, и только по коммунистической терминологии правые всегда фашисты. И в Израиле мы находим правых, левых, коммунистов, и даже фашистов (как рабби Майр Коган). Страна, где только одна партия имеет право управлять государством, называется диктатурой. А в сущности, если предположить, что консерваторы ошибаются в истории, то прогрессисты несомненно ошибаются в человеке, веря в совершенство человеческой природы, верят они и в светлое будущее человечества. Эта утопия, официальное кредо коммунистов, стоила уже много миллионов жертв, и была с необычайной силой осуждена Александром Зиновьевым, имеющим мужество и себя включить в homo sovieticus и честно признающим, что знает он не русское, а только советское общество. Впрочем, это к слову, а так, невозможно причислить к таким утопистам эмигрантов из Советского Союза, потому что давно известно, что именно в СССР никто, от пионеров до высшую власть имущих, в светлое будущее не верит. Обычно принято все же, вопреки всем историческим опытам человечества, приравнивать утопистов к либералам и, попав на Запад, где личина либерализма выгодна, некоторая часть новоприбывших советских интеллигентов самоопределила себя «либералами», хотя и их высказывания, и их поведение подлинному либерализму совершенно чужды. Также не либеральны и их печатные органы, например «Синтаксис», или недавно основанная «Трибуна».

Я не веду какой-то список таких неубедительных «либералов» в кавычках, но трудно их совсем не заметить, поскольку почти все они имеют некое коллективное лицо: Кронид Любарский, Э. Эткинд, Е. Клепикова, ее муж Вл. Соловьев, А. Синявский, Б. Шрагин и др. Все они не только нетерпимы к инакомыслящим, но еще и объединены русофобией. Не в коммунизме, а именно в России видят они опасность. Все их беспокоит, даже самое нормальное и все развивающееся стремление всех народов вернуться к своим истокам, найти свои корни должно быть, по их мнению, запрещено русским. Но ведь иной исторической родины, кроме России, древней Руси, у них нет. Почему же не признать за ними право искать свое духовное и культурное историческое прошлое, в Союзе искаженное, и за границей оклеветанное?

И если есть у русских свой замысел о будущем России, то ведь имеется он у всех, больших и малых, народов. И если этот замысел не совпадает с замыслом, уготованным для них бывшими советскими «либералами» эмиграции, то может быть потому, что этот последний продиктован не симпатией к русскому народу, а болезненной ненавистью и страхом перед его освобождением.

Обеспокоены они и тем, что русские в Союзе продолжают быть верными православной вере и в ней видят краеугольный камень «Русского Возрождения». Православная церковь веками создавала Россию, она была ее учительницей и ее утешительницей, и, как и христианство вообще, очагом просвещения. Религия — движущая сила всякого народа. Мы видим это на примере Польши. Еще более разительный, потому что более длительный, пример юдаизма. Не будь активного, воинствующего юдаизма в странах еврейской диаспоры, давно не существовало бы нигде еврейского вопроса (но не было бы и Израильского государства). Евреи бы растворились в разных народах, и в частности в русском, который безо всякого предубеждения впитал в себя, и обогатил себя этим, другие народности, и не только европейские. Со времени основания Руси не существовало в ней *никогда расистских законов* о чистоте расы. Были религиозные препятствия для браков, существуют они и сейчас в странах, где религия неотделима от государства.

Легкомысленно также довольно распространенное проведение аналогии между русским прошлым и советской действительностью. Конечно, можно сравнить де Голля с Людовиком XIV, или Сталина с Иоанном Грозным, и объяснить все теперь в СССР происходящее «дурной наследственностью». Боюсь, что такой подход к сравнительной истории доказывает, если не партизанскую передержку фактов, то полное незнание каждодневной жизни русского общества до революции.

Начнем с того, что царская охранка была несравнимо хуже организована, чем ЧК, ГПУ, НКВД или КГБ. Террористы легко убивали генералов и губернаторов, министров, и даже царей*. Некоторые из них успешно убегали за границу, где их никто не убивал и не «умыкал» обратно. Характерна история молодой Климовой, одной из участниц покушения на Столыпина, при котором была ранена его дочь и убиты многочисленные просители, находившиеся на его даче. Климова была присуждена к смертной казни. Ей было всего 19 лет, и под давлением общественного мнения казнь была ей заменена пожизненной каторгой. Царская каторга не имела ничего общего с ГУЛАГом. Начальница тюрьмы так привязалась к Климовой, что устроила ей и ее сообщникам побег в Японию и сама убежала с ними. Туда сразу же террористические организации доставили денег на дорогу беглецам в Швейцарию. В Швейцарии Климова родила двух дочерей. Одна из них захотела в 1937 г. вернуться в страну, освобожденную от «царского гнета». Попала она в ГУЛАГ, хотя ни на кого из советских сановников она и не думала покушаться, лагерное начальство не помогло ей оттуда бежать.

Хвалебных книг об охранниках никто не писал, площадей именем всяких Малют Скуратовых не называли, в СССР же всенародно почтены Дзержинский, Урицкий, Жданов и прочие.

Доносы? Талантливейший и независимый поэт Алексей К. Толстой, не любимый «мыслящей интеллигенцией» XIX века, написал «Сон советника Попова», обличая тех, «кто в страхе гадки», но не нашлось советского поэта, открыто решившего посмеяться над таким малопочтенным явлением. Фискальство и доносительство, несмотря на их бытование во всех странах мира, во всяком обществе и во всяком народе (люди, жившие в оккупированных гитлеровцами странах, это знают) считались в старой России делом презренным. Начиная со школьной скамьи, во всех учебных заведениях России фискалам и доносчикам объявлялся бойкот — часто они принуждались к уходу, да и начальство к ним почтения не имело. Памятник Павлику Морозову был бы в России немыслим.

Несмотря на несправедливое ущемление гражданских прав евреев, их религиозное и специфически еврейское культурное наследие не преследовалось. Синагоги были открыты, существовали кошерные продукты, раввинские школы и школы идиш. Именно в России и развился, став из жаргона литературным языком, идиш. Наконец, не существовало в России и «отказников». Любой еврей мог беспрепятственно эмигрировать со всем своим имуществом куда хотел, с царским паспортом, в Палестину, Америку или в другие страны.

Не было случая, чтобы за границу бежали дипломаты, ученые, писатели, поэты, танцоры, музыканты, летчики, генералы. Бежали только политически-активные противники царского режима.

За всю историю России не было случая, чтобы целая армия перешла на сторону врага. Армия Самсонова была разбита, но не перешла.

Ни один русский дипломат не был выслан из страны, куда он был назначен, за шпионаж.

Цензура существовала, существовала она тогда и в странах Западной Европы, но все же, в стране, где теперь нельзя официально купить Библию, в начале века можно было приобрести «Капитал» Карла Маркса.

Новые «либералы» недовольны, что русские (конечно националисты, а не интернационалисты) считают, что марксизм не русская идеология. Они в этом видят изоляционизм и шовинизм. Тогда следует приписать к русским шовинистам и Раймона Арона, и Бернар-Анри Леви, и Андре Глюксмана. Но, на самом деле, это несерьезное обвинение имеет определенный подтекст — ностальгию по марксизму, не искаженному «тупым и бездарным русским народом». Чудесного обращения, о котором так часто пишет Владимир Волков в своих романах, с этими «либералами» не случилось. Им трудно оторваться от кумира, которому они верили, которому многие из них служили, а главное, на котором они были воспитаны. Подсознательное это чувство, или сознательное, но в котором признаться открыто им трудно, находит выход в утробной русофобии, иначе им бы пришлось осуждать и все другие народы,

* Наше время доказывает, что терроризм процветает только в странах либерального режима ФРГ, Англии, Италии, Франции и в после-франковской Испании. При диктатурах он исчезает (в гитлеровской Германии и в СССР были только дворцовые перевороты и сведение счетов). Из этого можно заключить, что в России перед революцией был самый невыгодный из режимов: он только *казался* авторитарным.

находящиеся в плену коммунизма, скажем Чехословакию, в которой «дурной исторической наследственности» не найдешь, и не прощать полякам их национализм.

К тому же явно опасность свободному миру идет от СССР, и поэтому тут на Западе может оказаться удобным и выгодным советскую политику представлять как русскую.

То, что я здесь пишу, относится, понятно, только к «либералам» в кавычках. Есть, к счастью, и подлинные. То, что они пишут, не пропаганда, а серьезный материал, даже если с их мнением можно и не соглашаться. Они не выдают себя за опекунов, учителей и обличителей русского народа.

К подлинным либералам принадлежит также христианский социалист Э. Левитин-Краснов, Россию любящий, себя из нее не исключающий, и милующий тех, кто с ним не согласен. Пользуюсь случаем, чтобы дружески напомнить ему, что из четырех европейских диктатур нашего времени три поднялись на дрожжах социализма: коммунистическая в России, гитлеровская в Германии, фашистская в Италии; диктатура «справа» была только франкистская, хотя Франко был не капиталистом и не испанским грандом, а сыном галицийских крестьян.

Особое место среди «либералов» занимает А. Синявский — и по таланту своему, и по сложной своей личности. К номенклатуре он не принадлежал, был в лагере, по-видимому в довольно благоприятных условиях, позволивших ему не прерывать литературную деятельность, и, вернувшись в Москву, можно предположить, был он там окружен культом личности, которому обычно подвержены вернувшиеся герои (это обычно опасно для всех героев, кроме тех, кто помнит, что героизм — состояние не более постоянное, чем счастье). Отношение его к Солженицыну показывает, что ему как-то тесно в одном мире с этим писателем.

Почему журнал Синявского (какая это удача для писателя — иметь свой собственный журнал) «Синтаксис» стал одним из голосов анти-русского хора? Отчасти, пожалуй, все же из-за того же «комплекса Солженицына». Во всяком случае, он не рупор либерализма. Розанов, влияние которого на Синявского неоспоримо, был противоречив в своих вечно изменяющихся суждениях. Синявский себе никогда не противоречит. Он твердо держит свой курс в политическом духе времени, что исключает, увы, гениальную непосредственность смысла и стиля Розанова.

Трудно предположить, чтобы такой знаток русской литературы не чувствовал бы привязанности или уважения к народу, ее создавшему.

Что-то всегда подзадоривает Синявского на провокационные выходки, к которым склонна и шаловливая Мария Розанова, соредактор «Синтаксиса». Я, правда, сомневаюсь, что своего Пушкина она написала в таком развязном тоне только для того, чтобы рассердить «допотопных читателей», тех, которые не любят хлопать по плечу великих людей. Соглашусь, что это только дело вкуса и эпохи. Но, видимо, и в другую эпоху такое случалось. Призываю на помощь Розанова «Универсально начитанный „товарищ“, в демократической блузе, охватил Пушкина „как он есть“, в шинели с бобровым воротником и французской шляпе, и понес, высоко подняв над головой (уважение) — как медведь Татьяну в известном сне. И сколько общего у медведя с Татьяной, столько же у теперешних комментаторов с Пушкиным».

Бойкие анти-русские статьи, не всегда талантливые, которые печатаются в «Синтаксисе», право, либеральностью не отзываются, там чаще всего в ы з о в, как у некоторых персонажей Достоевского. А вообще, «либералы» никак не могут простить Солженицына, как бы кристаллизирующего все, что им ненавистно, пусть идеализированную Россию (но уж так ли она у Солженицына идеализирована?), русский народ, его духовные, многое искупающие, искания, тем более, что Солженицын недосягаем и что голос его трудно заглушить, хоть он и «не модерн».

«Либералы» оппозиция Солженицыну. Он их оскорбитель. Тут опять вспомним Розанова: «Нельзя оскорблять оппозицию и п р а в д ы ее», и дальше: «В журнале Благосветлова писались „залихватские“, „семинарские“ статьи в духе: „Все расшибем“, „Пушкин г...“» (удивительное совпадение прошлого с настоящим).

Но какую, собственно, цель преследуют и те, кто пишут, и те, которые издают статьи и книги, совсем не либерально ругающие огульно целый народ? Не надо преувеличивать их значение: в Западной Европе, во Франции обыватель интересуется больше личными и национальными проблемами, чем международной политикой. Политизированы в широком смысле слова только интеллектуальные круги, но они хорошо знакомы с русской культурой, и какое бы у них ни было отношение к советскому режиму, не будут их смешивать. То же самое в Англии, а в Западной Германии и подавно — грехи прошлого не располагают к презрению к «Остам». В США положение несколько иное, потому что там «обывателями», в силу обстоятельств, коммунизм ощущается как реальная, и даже единственная опасность, а воплощается он пока в том, что было Россией (Китай еще не в счет). И тут как раз масс-медии, направляющей обывательские настроения, следовало бы помнить, что, и дипломатически и политически, всякой свободной стране глупо делать из какого-либо народа, тем более многомиллионного, своего потенциального врага.

В 40-м году Великобритания, имеющая основания быть недовольной Францией, а позднее имеющая такие сложные отношения с де Голлем, в своих передачах на французском языке всегда очень старательно подчеркивала свое доверие к французскому народу.

Сталинский Советский Союз был непроницаем для сведений из внешнего мира, и сам Сталин, идиотски верящий в нерушимый совето-нацистский союз, старательно скрыл от граждан ост-политику фюрера. Будь «Майн Кампф» переведен на русский язык, вряд ли так много советских людей чаяли бы в Гитлере возможного своего освободителя от коммунистического гнета.

Так что не совсем понятно, чего добиваются кое-какие эмигранты-«либералы» своей анти-русской акцией. Советский Союз больше не непроницаем. По радиопередачам, по книгам, по журналам на русском языке и на иностранных языках, если не всем гражданам СССР, то во всяком случае многим известно, что происходит на Западе. Всякое действие вызывает противодействие, яновского типа книги как раз и могут у русских в Союзе пробудить те ультранационалистические чувства, которых, как будто, так боятся «либералы». Если эта акция кому-либо выгодна, то это советскому правительству: во-первых, она подтверждает его антисемитскую версию, что эмигранты-евреи враги не коммунистического режима, а именно русского народа, а во-вторых, она дает ему возможность обезнадеживать русских ложными доказательствами, что друзей у них на Западе нет, что податься им некуда, что они действительно и з о л и р о в а н ы.

Париж, май 1983 г.

Редакция «Слова» благодарит З. А. Шаховскую за разрешение опубликовать письмо генерала де Голля

13 мая 1958 года после пресс-конференции генерала де Голля в отеле д'Орсэ, первой после месяцев его отсутствия на политической сцене, Зинаида Шаховская, присутствующая на этой пресс-конференции, принесла свою книгу о своем пребывании в СССР «Ma Russie habillée en URSS» (Grasset 1958) в штаб-квартиру генерала де Голля на улице Сольферино. Эти дни были началом алжирских событий, которые и привели генерала де Голля к президентству. И несмотря на решающие и даже для него лично дни, через два дня после получения книги, 15 мая, генерал де Голль ответил ей этим письмом. Поскольку оно, вероятно, единственное частное письмо, где он пишет о России, нам показалось интересным поместить его текст, несмотря на то, что оно было уже опубликовано в «Русской Мысли» (№ 2817 от 19.11.70) сразу после смерти генерала де Голля.

Из «Русского Альманаха».

На родине писателя

Поводом для этих заметок послужили публикации в вашем журнале (№ 10 за 1989 г. и № 3 за 1990 г.) рассказов Кнута Гамсуна.

Летом 1989 года меня пригласил в гости г-н Дале, мой давний коллега по совместной работе в ЮНЕСКО, ныне он директор Государственного управления Норвегии по производству учебных фильмов. Сборы были непродолжительными, оформление недолгое. И вот путешествие: Москва-Хельсинки — поездом, Хельсинки-Стокгольм — теплоходом, Стокгольм-Осло — снова поездом. Норвежцы встретили приветливо и радушно. Вначале была поездка в Южную Норвегию на берег Северного моря, где на каменных валунах стоит уютный летний домик моих хозяев. Они так и называли его на русский манер «дача». От своих друзей я узнал, что всего лишь в нескольких километрах от их домика находится местечко Норхольм, где жил и умер знаменитый норвежский писатель Кнут Гамсун.

У меня первая встреча с Гамсуном случилась давно. Томик дореволюционного издания с его романами «Пан» и «Виктория» попал мне в руки неведомо как во время военной эвакуации в сибирском городе Тобольске, в 1942 году. Мне было тогда 14 лет. К тому времени я уже прочел немало книг классиков о любви. И всегда это было нечто светлое — порой радостное, порой печальное, порой трагичное, но всегда светлое. Книга Гамсуна была первой, откуда я узнал, что чувство любви неотвратимо, необъяснимо и безгранично. Тогда же сделал выписку в «Тетрадь прочитанных книг и цитат» (тетрадь сохранилась у меня доныне). «Любовь — это первое слово создателя, первая его мысль. Она может погубить человека, может возродить его к жизни и вновь выжечь на нем свое клеймо...». Это слова из гамсуновской «Виктории».

После поступления в 1945 году в Московский энергетический институт пытался найти другие книги Гамсуна. Но в библиотеке мне сказали, что Гамсун теперь читателям не выдается: 80-летний писатель запятнал себя поддержкой профашистского режима в Норвегии в годы второй мировой войны, когда норвежские патриоты боролись с германскими фашистами, оккупировавшими страну. Гамсун был одним из немногих интеллигентов, который лично встречался с Гитлером. Позже прочитал в газетах, что Кнута Гамсуна судили, приговор не был суров, но знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии, публично назвали предателем норвежского народа.

Многие годы произведения Гамсуна у нас не переиздавались, лишь в начале 70-х в Гослитиздате вышел двухтомник писателя. Я разыскал его и перечитал «Пана» и «Викторию», впервые прочел «Голод» и «Мистерии».

И вот вместе с норвежскими хозяевами мы отправились в усадьбу Норхольм. В этой усадьбе Гамсун написал последние строчки, здесь в 1952 году окончилась его долгая жизнь. Теперь усадьба принадлежит родственникам Гамсуна. Норвежцы сказали мне, что усадьба не стала музеем и что вообще музея Кнута Гамсуна в Норвегии нет. «Но, может быть, — заметил г-н Дале, — удастся уговорить хозяев усадьбы и Вам разрешат войти в главный дом. Советский человек в Норхольме — это очень необычно.» Когда мы подъехали к большому деревянному белого цвета двухэтажному особняку, увидали строгую надпись: «Проезд, проход запрещены». Господин Дале пошел просить исключения для редкого в этих краях русского гостя, но скоро вернулся. «Никаких исключений, — был бесстрастный ответ из гамсуновского дома, — местные власти, норвежское правительство не поддерживают просьбу об учреждении мемориального музея Кнута Гамсуна, родственники самостоятельно организовывать музей не будут.» Мы подошли к запертому флигелю-библиотеке неподалеку от двухэтажного особняка. Я прильнул к плотно закрытому окну — вдоль стен стеллажи с множеством книг, возле самого окна письменный стол, за которым, должно быть, писатель работал. На столе чернильница, ручка с пером, листы рукописей. Здесь же, а также на подоконниках горки порошка пронзительно синего цвета. «Отрава от крыс и мышей», — тихо сказал г-н Дале. Ощущение заброшенности, невозвратимости, безжизненности.

Неподалеку от флигеля на деревянном постаменте памятник, на нем ни одного слова — ни фамилии автора, ни имени того, кому памятник поставлен. Судя по постаменту, поставлен он недавно. Странный памятник: когда смотришь на него с одной стороны, видится голова человека с разметанными волосами, с другой — голова и туловище быка, все вместе похоже на сучковатый ствол старого дерева. Возле главного особняка среди цветов светлая и беззаботная фигура Пана. С другой стороны здания высокий каменный постамент, на нем черный бюст писателя, и опять ни одной надписи и только даты рождения и смерти — «1859—1952».

В книжном магазине ближайшего городка Гримстад (там, кстати, находится дом-музей великого норвежского драматурга Генрика Ибсена, позже я побывал в нем) спросил у элегантной вежливой продавщицы, нет ли в магазине книги о Гамсуне. Книга такая оказалась в продаже: «Кнут Гамсун — мой отец», второе издание. Автор книги Торе Гамсун — сын писателя (первое издание воспоминаний вышло в 1953 году). Книга продавалась на норвежском языке, а также на немецком языке. «На языке оккупантов Норвегии, которых приветствовал Кнут Гамсун, — отметила продавщица, показывая мне книгу, — в переводе на английский книги нет.» «А что значит для Вас Гамсун сегодня?» — спросил я продавщицу. «Книги Гамсуна я читала, они мне нравились, но Гамсун-человек для меня не существует, и я довольна, что нет музея в его бывшей усадьбе», — ответила норвежская женщина.

Среди открыток, продававшихся в магазине, я поискал открытку с домом Гамсуна, такой открытки не оказалось. Нашел лишь открытку с безымянным памятником — бюстом Гамсуна, причем и на обороте открытки не говорится, что это Гамсун.

Приехав в Осло, посетил Национальную библиотеку Норвегии. Сотрудники библиотеки были со мной исключительно любезны. Они рассказали об истории возникновения библиотеки (она является одновременно Королевской университетской библиотекой, основанной в 1811 году), показали читальные залы, книгохранилища, сказали, что существуют связи с советскими библиотеками, обратили мое внимание на новые советские литературные журналы и новинки. Они не ответили только на один мой вопрос — популярны ли книги Гамсуна сейчас? Многие ли их читают? Я задавал этот вопрос дважды, и оба раза он остался без ответа.

Возвращаясь домой, неожиданно для себя купил в Московском доме книги сборник «Фиорды» — скандинавский роман XIX века, изданный «Московским рабочим» в 1988 году. В этом сборнике романы Гамсуна «Пан» и «Виктория». Перечитываю их, сравнивая нынешнее восприятие с давним, первоначальным. Перед глазами гамсуновская усадьба Норхольм, письменный стол с запыленными рукописями в запертом флигеле.

В своей небольшой домашней библиотеке нашел яркий очерк А. Куприна, написанный в 1908 году, так и озаглавленный «Кнут Гамсун»: «...Имя Гамсуна останется навсегда с именами всех тех художников, пришедших из грядущих веков, которые возносят в бесконечную высь ценность человеческой личности, всемогущую силу красоты и прелесть существования... Я ничего не знаю из биографии Гамсуна, да и нахожу, что лишнее для читателя путаться в мелочах жизни писателя, ибо это любопытство вредно, мелочно и пошло».

А вот слова, прочитанные мной в недавно изданной публицистической книге Германа Гессе «Письма по кругу», сказанные им в 1949 году: «...Во Франции Гамсун оказался бы в первом ряду расстрелянных «коллаборационистов». «Правильно» ли с ним поступила Норвегия, я не знаю. Мне лично было бы, конечно, больше по душе, если бы его отпустили на все четыре стороны и предоставили народу самому решать, как к нему относиться... Гамсун был ведь не только другом нацистов, но и в большинстве своих книг злобным врагом духовности».

В прощальный вечер перед отъездом из Норвегии вместе с хозяевами-норвежцами подводили итоги. Остывал черный кофе в маленьких чашечках, потрескивали причудливые свечи.

Среди последних вопросов, которые я задал заботливому хозяину дома на окраине Осло, моему давнему знакомому Эрлингу Дале, был и такой: «А как Вы сами относитесь к Гамсуну? Что значат для Вас его книги?». Хозяин дома подвел меня к книжному стеллажу, показал 15 томов посмертного переиздания собрания сочинений Кнута Гамсуна на норвежском языке и сказал: «Иногда я перечитываю некоторые из этих томов...». И больше ничего не добавил.

ГЕРМАН ПОДЕЙКО

Тольятти

КНУТ ГАМСУН

Лихорадочные стихи

PLANETA. Из забытого

I

Я отлучен от корней,
Все у меня порвалось
С Богом, с землею и с ней.
Она распахнула все двери, —
«Прощай!» раздалось, —
Ее нет уж теперь.

II

Осень над Божьей землею идет —
Дни темноты и роптанья.
Жизнь отнимает даянья,
Все в смертоносный спешит хоровод.

Длится лишь жизнь человечья.
Хлеб по амбарам и сено в сарай!
Скошено поле и сжато,
Все уж во власти заката,
Листья летят и шумят: умирай!
Длится лишь жизнь человечья.

III

Бог накажи тебя, Альвильда!
Лишила ты меня огня
И, слово взяв свое обратно,
Возненавидела меня.
Опять дорога так длинна,
Опять дорога так темна...
Бог накажи тебя, Альвильда!

Бог награди тебя, Альвильда!
Благодарю тебя за все:
И так, и так меня звала ты,
И даже «дитятко мое».
Свой рот и руки мне дала,
Моею целый миг была —
Бог награди тебя, Альвильда!

IV

Нет, слушай: душу тихий ужас душит,
Глаза мне расширяет и круглит
И тишину лица гримасой рушит.
Иль это шутки пьяный фатум шутит?
Во мне, о Боже, мир безумств кипит.

V

Для чего, для чего — не понять мне никак —
Хлебу скошенным быть и листам облетать,
И всей летней красе рассыпаться во прах?
Для того ли траве зеленеть, чтоб увять? —
Не могу я понять.

Если хлеб вырастал, чтоб насытился тощий,
А трава зеленела, чтоб сеном ей стать,
И листы были тенью сверкающей рощи, —
Так зачем же мне щедрую радость узнать,
А потом умирать?

Я, крича, вопрошал у пучины вспененной,
У леса и гор, у пространства и тьмы,
У бурь, у всего, чему внемлют умы:
Просил ли я быть мне для жизни рожденным?
Но небо, и бури, и камни немы.

VI

Альвильда, я помню последнюю ночь.
Кричишь ты: пигмей!
Взял я туфлю твою,
Я из туфельки пью...
Но ведь всех я смешил для потехи твоей.

Альвильда, ты мяла, срывая, цветок.
Спешу я помочь —
Твой взгляд уколол,
Настоящий укол!
Поплелся я прочь. Дома — черная ночь.

VII

Вот ветер осенний завыл,
Как вымокший пес у окна.
Под кровлею стужа лютей,
Чем там, где на воле она.
Во мне вырастает цветник
Живых, ядовитых цветов.
Их вздохи летят из меня
Извивами белых паров.
И заросли злобы растут.

Кипит и кипит. Я хочу
Напрасно, напрасно заснуть.
Я слышу, веревки стучат
На флаге о столб без конца.
Подслушивать кто-то подполз
Под дверь и крадется в сенях.
Забился мой лающий пульс,
Как адский, запыханный пес.
Кипит, и кипит, и кипит.

VIII

Альвильда! Плащ и шляпу мне с пером!
Сейчас поеду я верхом.
И стремя подержи, раба! Я сяду —
Ты побежишь со мною рядом.

А если спросят в изумленьи: что за вихрь
В горах промчался и затих, —
Так это я проехал на коне,
И, как собака, ты при мне.
Эй, торопись, мой спутник! Я спешу.
В своем я царстве путь свершу.
Устанешь — привяжу тебя к ремню.
Клянусь крестом, до смерти загоню!

IX

Кипит непогода и ветер.
Доносится стук до ушей —
Войдите!
Но нет никого за дверьми.

Я вижу первый день творенья.
Дымится первозданный мир.
Я сам есмь жизнь.
О край земли, из облаков
На сотворенный мир взирает
Безмолвный лик...
Просил ли жизни я, во тьме покоясь?
Вперед, кровавый конь! Скачу по наковальне.
Я красный камень, красный кровью,
Которая сверкающий сокрыла шлем.
Скажи, стучать ли в двери?

Туман я вижу. Царство смерти?
Там вдалеке безжизненное море,
На нем слепорожденный остров,
Царство смерти.
Я подхожу, я руки простираю,
В тебя навеки погружаюсь.

X

За днями дни бегут, во тьме скрываясь.
Душа тверда и холодна:
Ей, юной, осень не страшна.
Нет больше жалоб: молча миру улыбаюсь.

Ужель подвластен горю ястреб в тучах?
Ужель мой дух пред ним упал?
Я горе гордо растоптал:
Ему не место на моих плечах могучих.

Но поздней ночью слышу: точат косы,
И над землею чей-то шаг скользит.
Там, в облаках, лицо стоит,
Последней мессы стон орган пустынь возносит.

Перевод СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО.

Стихи публикуются по Полн. собр. соч. К. Гамсуна (т. 5). С.-Петербург, 1910

И С К У С С Т В О

ГРАФИКА. ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА.

Геннадий Сорокин

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Семейный портрет

Ольга Жохова

Начало января, а Ленинград источал влагу. По улицам неслись потоки талой воды, но никто почему-то не пускал по этим веселым ручьям бумажные кораблики. Хотелось зимы. Канун Рождества. Вдоль Невского стояли зеленые красавицы в строгом наряде из простых электрических лампочек. Пенопластовын Дед-Мороз, похожий на стенобитное орудие наших предков, приветствовал прохожих, раскинув руки-лапы. «Обнимет — пить запросишь», — раздался за спиной насмешливый мальчишеский басок; солдаты строем шли в Казанский собор, где все еще хозяйничают атеисты в Музее истории религии, но завтра состоится Рождественская служба...

А если пойти дальше по каналу имени Грибоедова, пересекая Невский, в сторону собора Воскресения Христова, так повторяющего очертания храма Васнлня Блаженного, то можно встать часа этак на полтора в очередь — посмотреть *персональную* (дождался-таки классик) выставку Внктора Васнецова...

— Я о вас побыстрее постараюсь написать, так что увидите...

— ... при жизни, — усмехается в бороду художник Геннадий Максимович Сорокин, а его жена, художница Ольга Владимировна Жохова, весело смеется. Мы идем в Русский музей, в который я всегда стремлюсь заглянуть в каждый свой приезд в этот вечный город. Многим Ленинград кажется излишне чопорным, холодным, но, поверьте, стоит войти в великолепный дворец, построенный для музея по велению Александра III — это над ним, в камне и бронзе, поглумился скульптор Паоло Трубецкой, а теперь вот глумятся благодарные соотечественники: памятник царю, запрятанный в таинственных «закромах»-запасниках, того н гляди развалится...

Так вот, стоит оказаться в этих стенах, пройти по залам, где выставлены полотна Куннджи и Васильева, Коровнна и Серова, Левитана и Врубеля, где во всем великолепии сияют Брюллов, Суриков, Айвазовский, где совершенство «хладного мрамора» Шубина и Мартоса наполняет восторгом сердце, а работы великого Рокотова способны продлить праздник, поселившийся в душе, надолго, даже в наше суровое время, понимаешь: не зря собрано такое богатство, и город становится теплей и добрей. И люди добрей.

Я думала, нет, просто была уверена, что художннки Геннадий Сорокин и Ольга Жохова, живописцы, иконописцы, реставраторы, среди любимейших музейных сокровищ назовут, допустим, «Ангела златые власы» илн другой шедевр древней живопнси — настолько сильна традиция в нх творчестве. Брань — «поповщина», «русопятство», «идолопоклонство» — они познали на собственном опыте. И ярлыки эти продолжают «гореть на челе». Время «рогаток н препон», казалось бы, прошло, а вот их все никак не миниует чаша сия. Горькая, несправедливая. Поэтому их работы — от греха подальше! — задвигают по выставкам совсем малозаметным, непрестижным, им поручают украшать объекты «соцкультбыта» в далекой провинции. А говорят, на панно работы Сорокина, что действительно украшает одно из ПТУ Ярославля, ездят специально смотреть как на городскую достопримечательность... Но вернемся в залы Русского музея. Кто же, кто неизменно привлекает к себе внимание художников? Самый дорогой для Сорокина и Жоховой — Александр Иванов, чьи этюды к знаменитой картине — самостоятельны, великолепны и стоят иных крупномасштабных полотен известных мастеров. Этюды Иванова, согласно Сорокину, само совершенство, а «Явление Христа народу» — непревзойденная вершина, в которой каждая деталь, даже фон, нграют и переливаются всеми красками жизни. И так же, как жизнь, прекрасиы. С этим трудно не согласиться. Мне кажется, что только человек, сам осмысляющий свои произведения глубоко и вдумчиво, готовящий себя к созданию их, как готовили древние мастера иконописи, с постом и молитвою, с просветлеиной душой, на себе испытавший многотрудность великого таинства творчества, способен так тонко оценить мастерство Александра Иванова, способен восхищаться легчайшей дымкой утреннего тумана, что струится за спиной Христа на знаменитой картине. Изумляться виртуознейшей кисти, что донесла до зрителя изысканность красок земли, воды, одежд, человеческих тел. Понять, осмыслить, восхититься! Великий Иванов все ждет своего очарованного зрителя, ждет своей «персоиальной» выставки. Дождется ли?

И горечь усмешки Сорокина становится ясна мне. Где, когда состоится его персональная выставка? Художиика, мастерство которого сродни мастерству мудрых маэстро. Когда? А выставка Ольги Жоховой? Ее произведения поистине ошеломляют. Выполненные в технике «батик», росписи по ткани должны были бы быть, скорее, плоскостными. Отсутствие глубины, объема присуще батику, органичные свойства старинной восточной техиики. Но нет! Батик Жоховой обладает и глубиной, и емкостью, и монументальностью образов. Он несет в себе мощный заряд света, радости, красоты. Живет и, кажется, дышит. Замечательные панно из серии «Золотое кольцо России», которые мне посчастливилось увидеть в мастерской Сорокина и Жоховой, художница вроде бы и не создала, а просто-напросто наколдовала. Батик обрел силу и мощь живописного полотна, декоративность и переливчатость старинной вышивки шелком.

Кто же они — эти ленинградские мастера?

Геннадий Максимович родом из Новосибирска. Рано лишился родителей — быть может, поэтому он так ценит тепло и уют родного дома, где многое сделано его руками. Голодное послевоенное детство, учеба на медные копейки... Но учился он на славу! Да и славно учили тогда в Мухинском художественном училище. Самым разнообразным ремеслам, самым редким техникам, специальностям. Наверное, поэтому Сорокин бесстрашно брался за реставрацию, за фреску, за панно в технике «энкаустика» — сложнейшая вещь, поверьте мне! Бесстрашно брался — и выполнял вдохновенно и с блеском. И Сорокин, при всей своей высокой эрудиции и культуре, напоминает мне мастера-умельца «из народа», который и блоху подкует, и дом без единого гвоздя срубит. О таких писал Шергин в своих сказках.

Жена его, Ольга Владимировна Жохова — любимая дочка в большой дружной семье священника, отца Владимира, известного в церковной среде протоиерея из Перми, общественного деятеля и богослова. Он привил ей романтичный, но точный взгляд на мир, постоянное стремление познавать что-то новое. И уважение, почитание древнерусской культуры, живописи, архитектуры. Думаю, эта точность, какая-то особая изысканная выстроенность композиций ее работ берет начало в «детских снах»... Ольга Владимировна тоже окончила Мухинское училище, правда, несколько позже Сорокина. Она много моложе своего мужа, а внешне так же быстра, высока, легконога, как нежные девы ее панно. Вот и не говори, что все, что пишет художник, он пишет о себе самом.

Да, то, что делают эти художники, ошеломляет, потрясает. Но потрясают не только сами нх работы — картины, рисунки, панно, но и осознание того, что мастера такого уровня мало известны у нас в стране, а то, что они делают — суть не музейное собрание, а по-прежнему собственность семьи. Что лучшие западные коллекционеры — Хаммер, Россетти, Като — почли за честь для себя приобрести картины Сорокина в свои собрания, и только соотечественники все медлят. Растят в своей среде Третьякова? А иных картин, меж тем, уж нет, а те далече... Но местные меценаты не спешат. И это, увы, еще одна недобрая примета нашего сурового времени, которая нами же и порождена. Ленью и нелюбопытством. Послушным следованием официально признанному. Официально (всеми нашими авторитетами критики) преподносится сейчас то, что было много лет «андеграундом» — авангард, соцарт. Никто, уверена, не хочет прослыть ретроградом и — не дай Бог! — зажимщиком нового, «врагом перестройки». Белютинской студии челом бьет центральная «Правда» — за резкую критику прошлых лет, за хрущевскую отповедь абстракционизму. У «гонимых» — и прошлых, и примкнувших к ним недавно — часто у нас и за рубежом проходят выставки, салоны, официоз во множестве закупает порой спорные, а порой и откровенно слабые вещи... Но выставочные залы после вернисажей быстро пустеют, ибо изрядно уставшая от суровой, «черной» действительности публика не очень-то рвется преумножать и обогащать свои впечатления.

А ведь все, что заполнило наши салоны, что предлагается нашим музеям иногда безальтернативно, что порой навязывается зрителю, не есть красота, которая, как предрекал классик, спасет мир. Разрушая ее, не спасемся. Но спасения алчет душа, ждет сердце. Дождется ли?..

Многие из нас увлеклись в стремлении своем выказать любовь к бывшим «униженным и оскорбленным», признавая отныне только это направление искусства, дабы «не прослыть»... И, хорошо зная замечательные струны души нашей, кто-то из «властей предержащих» в идеологии отлично перебирает их, наигрывая знакомую мелодию. Вчера — соцреализм, сегодня — авангард, а пресыщение им явно наступает. За пресыщением — холод.

— И надо ли это искусству, и не лучше ли жить, не унижая никого, дабы возвыситься самому? Но, видно, не топтать все вокруг нас не научили... — Сорокин показывает мне картины в своей мастерской. Такой радостно-оживленный в Русском музее, он серьезен и даже печален в родных стенах. Там — праздник, здесь — жизнь.

Я говорила: картины Сорокина производят сильное впечатление. При весьма скромных размерах, они выглядят громадными полотнами, отличаются масштабностью, какой-то особой монументальностью. Так творили мастера далекого прошлого; из художников, близких нам по времени, только, пожалуй, — Петров-Водкин. Зеленым ростком проросла традиция в картинах Геннадия Сорокина, более похожих на древнерусские фрески. Не лица, но лики сияют в свете мудрости и величия духа в работах Сорокина из серии «Лики и судьбы России». Протопоп Аввакум, патриарх Тихон, Николай Клюев, Шергин, Солженицын... Страстотерпцы, гонимые, оскорбленные, но не сдавшиеся. Величественная осанка, ясный взгляд — такими надо запомнить их, не в слабости и печалях доносит их образы нам художник, но в красоте и гармонии с миром. И это — тоже отблеск далеких мастеров, чьи прекрасные, бесплот-

ные и невесомые лики святых и мучеников воздействуют на зрителя, порой сильнее, чем обретшие плоть экспрессивные изображения пришедших на смену им продолжателей традиции.

На традиции нашего древнего искусства опирается в своем творчестве и Ольга Жохова. Восточная техника и русская школа живописи — славное сочетание. Образы, навеянные древними сказаниями, воплощенные современной художницей. Изящные, легкие, прекрасные произведения, среди которых чувствуешь себя, словно в цветущем саду... А окна между тем плачут — идет дождь, и за ними — василеостровский двор-колодец. Из таких окон вполне могли смотреть на мир Раскольников, Макар Девушкин...

...В стенах мастерской тепло и уютно. Она начисто лишена того налета «богемности», который присущ миру художников. Но родные ли это стены? Надолго ли здесь можно обосноваться? И досталась мастерская трудно. До Сорокина ее занимал молодой «маэстро», который затем переехал в другую, побольше, поближе к центру. Но, чтобы получить то, что уже не подошло другому, Сорокину пришлось объявлять голодовку...

В мастерской Сорокина есть замечательное полотно, «Хранительницы традиций». Вещь, которой особенно дорожит автор и с которой, пожалуй, не расстанется никогда. И, подобно великому Леонардо, всю жизнь писавшему Мону Лизу как свой портрет (так установили современные японские исследователи с помощью бесстрастного компьютера), — не наделил ли наш современник Геннадий Сорокин персонажей картины своими чертами — нет, не лица, но характера — страстью, силой духа, любовью, бережным отношением к прошлому, живущему среди нас? Натянутые, как струны, такие женщины не согнутся под ударами судьбы; невесомые, легкие, они словно бы несут в своих легких, красивых руках прекрасную жар-птицу — творчество... Просветленные лики, нежные улыбки — они настолько легки, что не видятся, а, скорее, угадываются нами, — с полотна на полотно, как сильный прием? — нет, как смысл всего, ради чего пишутся эти многотрудные, создающиеся в технике древних мастеров, рождающиеся в красках, воске и огне вещи. Но даже когда, работая над портретом, художник берется за карандаш и сангину — монументальность сохраняется в его работах. И это — тайна мастера, магический кристалл, через который он смотрит на мир — и предлагает взглянуть нам.

Но художник щедр, готов поделиться своим секретом. Это только сказочное зеркало тролля, разбившись, наделяет людей злом, оседая осколками в глазах, застревая в сердцах... Лучи магического творчества несут добро, свет, красоту и радость. Все каникулы с утра и до вечера проводят в мастерской сыновья Ольги Владимировны и Геннадия Максимовича, Максим и Константин, и их работы — самостоятельны и интересны... Но, впрочем, многие дети любят рисовать, порой до самозабвения. Становятся же художниками — единицы. И станут ли они, современные подростки, видя, как трудно, порой мучительно и несправедливо трудно, пробивает дорогу к людям, к зрителю вдохновенное творчество отца и матери?

Хорошо было древним, любимым, почитаемым при жизни — обожествленным. «Божественный» Фидий, «божественный» Пракситель, «божественный» неизвестный автор драгоценных мозаик Помпеи... Великий святой Рублев, великие Феофан Грек, Дионисий, Рокотов — и дальше, дальше... Бьет, бьет «кастальский ключ»; великий Третьяков, Мамонтов, Щукин собирают полотна воедино, строят галереи, дарят их людям... Конечно, и зависть, и злоба — сколько их встречалось на пути каждого мастера, но — не было, не было ведь! — выставкомов и парткомов, «руководителей искусством» с дипломом инженера-химика, худсоветов, в составе которых — представители трудовых коллективов, проработок по принципу «картину не видел, но знаю, что вредная!», товарищеских судов под названием «творческая дискуссия». Словом, не было творческих союзов с их непременной, перечисленной мною атрибутикой, этих структур, сложившихся и отшлифовавших свои функции за долгие годы. Но заменить союзы сейчас нечем и некем. Художник останется по сути дела один на один с нашей действительностью. Только очень именитые, как Глазунов, могут бросить ей вызов, к остальным тут же потянутся жадные лапы ретивых «приватизаторов» — к их мастерским, «нежилым помещениям»: к их работам: к краскам, холстам и кистям — на них уже и так взвинчены цены, а многих необходимых материалов не достанешь ни за какие деньги... А тут и государство с налогами поднажмет — и уже поднажало... Нет, рано пока разбегаться по мастерским, рано...

Я иду по Невскому. Ручьи все так же бегут по его мостовой. Из приоткрытых дверей Казанского собора выбиваются наружу нечеловечески высокие голоса певчих — идет рождественская служба, идет в православном храме, среди своеобразных экспонатов Музея истории религии и атеизма... Доломитовые колонны собора почернели от влаги, меня пронзает мысль, насколько трудно, невыносимо тяжело сохранять в этом сыром, все еще носящем имя Ленина, городе, на холодной Балтике красоту и величие прекрасных улиц и площадей, жилищ и парков, сохранять «Петербург Екатерины», «город Петра», «город Павла», «город декабристов», «город Пушкина», «Петербург Достоевского». И вообще: Петербург — Петроград — Ленинград, в чьих дворцах, превращенных в коммуналки, живут люди и учреждения, потомки тех, кого еще в 1917 году вселили сюда «из хижин». «Мир хижинам, война дворцам!»... Не обошлось на этом пути без жертв...

Однако, все меняется, и как быстро! И наше жестокое время все же прекрасно. Благодаря ему на Ленинградском ТВ, в программе «Пятое колесо» сделаны и прошли в эфир передачи о Сорокине и Жоховой, их творчестве, мировоззрении, их устремлениях и о том, что уже ими сделано. Так что же сделано? О, очень многое. Иным хватило бы на всю жизнь. А что будет сделано? Ольга Жохова задумала цикл работ в честь самого почитаемого на Руси святого, Сергия Радонежского. Геннадий Сорокин продолжит серию портретов выдающихся мыслителей России. Возможно, среди них найдется место святому Серафиму Саровскому, мощи которого недавно, в канун Рождества, как раз в городе на Неве, обрела церковь. Духовная жизнь — как стяжание Духа Святого, учил он. Спокойная жизнь — это наслаждение покоем, который у нас есть. Духовная жизнь — это стремление к Духу Святому, которого у нас нет. И наш дух — не Дух Святой, но лишь средство добыть Его.

Ведь как верно! И не этот ли «кастальский ключ», вблизи которого так трудно, но так неустанно пробивается блистательное творчество двух ленинградских мастеров к нам, к людям? Постараемся быть достойными его. Постараемся понять его.

...Я хотела написать «парный портрет», нечто вроде той чудной «камеи Гонзаго», что в ряду других шедевров хранится в Эрмитаже, в коллекции древней глиптики, а теперь вот путешествует где-то далеко за рубежом. Божественный император Птолемей и его супруга Арсиноя. Через века дошли они до нас благодаря божественному искусству мастера. Геннадий Сорокин и Ольга Жохова божественным даром обладают сами.

На дверях домов, облупленных, обветшалых — но все же прекрасных, петербургских! — я встречала таблички, оставшиеся здесь, наверное, со времен блокады: «Берегите тепло». Научились беречь тепло, дорогие ленинградцы, за эти годы? Да, грандиозный телемарафон по спасению родного города на Неве показал это всему миру. Теперь научиться бы беречь людей, талантливых наших современников. Сумеем ли мы это понять? Дождемся ли радости сотворчества, будем ли достойны щедрости, с которой нам дарят ее?..

И все-таки рукотворная красота Сорокина и Жоховой творит добро, творит даже в наше жестокое время... И пусть будет так!

Хранительницы традиций

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Жатва

Николай Клюев

ОЛЬГА ЖОХОВА

Ангел над городом

Весна

Любимые во все времена

Художника этого многие из нас знают с детства. Книги, которые он оформил, были и, я уверена, будут любимыми для сотен мальчишек и девчонок во все времена. Прежде всего потому, что они учат таким простым и таким необходимым в нашей жизни проявлениям души, как — Доброта, Верность, Честность.

Герои, которых создали в своем воображении писатели А. Толстой, А. Волков, Д. Родари, чаще всего связаны в нашем сознании с рисунками именно Леонида Владимирского. Почти полвека занимается он иллюстрированием книг для детей, этих, как известно, самых строгих и взыскательных читателей и искусствоведов. И уже с первой своей работы — это был «Золотой ключик» — он сразу покорил сердца малышей и их родителей.

Веселый шалун и проказник, остроносый человечек Буратино, добрый и заботливый Железный Дровосек, мудрый Страшила, храбрый Лев из книги «Волшебник Изумрудного города», традиционный персонаж русских сказок Петрушка. Они удивительно реальны, его сказочные герои. И поступками своими и внешним видом напоминают маленьким читателям их самих.

— Я всегда хотел иллюстрировать только сказки, потому что в них изначально существует огромный простор для творческого воображения художника, — признался Леонид Викторович. — Да и вообще, за свою жизнь я только три книги и оформил. Две из них вам хорошо знакомы: «Золотой ключик» и «Волшебник Изумрудного города» (Сразу хочу заметить, что настоящие ценители и собиратели книг предпочитают иметь в своей библиотеке эти издания с рисунками Л. Владимирского. — Д. К.) Третья книга вышла в свет в 1989 году. Это «Руслан и Людмила» Александра Сергеевича Пушкина. Работа над поэмой потребовала много сил. Потому что иллюстрировать Поэта легко и сложно одновременно. Все внимательней вчитывался я в пушкинские строки, стараясь перевести содержание этой волшебной сказки на реалистический язык художественных образов, понятный детям. Мне хотелось, чтобы рисунки соответствовали духу и стилю блистательной поэмы.

Пушкина иллюстрировали многие известные художники. Л. Владимирский стремится открыть мир Пушкина юным читателям. Они любят внимательно рассматривать запомнившихся им героев, и художник дает им такую возможность, создавая портреты нежной и чуть грустной Людмилы, смелого воителя Рогдая, надменного крикуна Фарлафа, злобного карлика Черномора. Чуждый абстракций, внимательный и чуткий к авторской речи, Леонид Владимирский владеет «искусным и быстрым карандашом», который и требуется для иллюстрации Пушкина.

Д. КОСТРОВА

Леонид Владимирский. Фото Сергея Севостьянова

Из иллюстраций к «Волшебнику изумрудного города»

Людмила. Иллюстрация к «Руслану и Людмиле»

искусство. Книжная графика

Фарлаф

Леонид Владимирский. Иллюстрация к «Руслану и Людмиле»

ЗАКОНЪ БОЖІЙ

Православные праздники
Дни светлой памяти

7 апреля

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ.
ПАСХА.
БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

19 апреля — День памяти святителя Мефодия, учителя Словенского.

30 апреля — День памяти преподобного Зосимы Соловецкого.

МАЙ

6 мая — День памяти Великомученика Георгия Победоносца.

9 мая — День памяти святителя Стефана Пермского.

13 мая — День памяти святителя Игнатия Брянчанинова.

15 мая — День памяти благоверных князей Бориса и Глеба.

16 мая — ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ. День памяти преподобного Феодосия Печерского.

20 мая — День памяти преподобного Нила Сорского.

24 мая — День памяти равноапостольских Мефодия и Кирилла.

25 мая — Троицкая родительская суббота.

26 мая — ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. ПЯТИДЕСЯТНИЦА.

27 мая — ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА.

Раздел первый

О ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ

Последующие публикации рассказа о главных событиях земной жизни Господа нашего Иисуса Христа излагают и основы Его учения о Царствии Божием.

Однако эти публикации далеко ие исчерпывают всего содержания Нового Завета (Евангелия[1]). Многие притчи и чудеса вовсе не вошли в изложение, так же как и объяснение описанных чудес совершенно не претендует на исчерпывающую полноту. Предмет изучения необъятен. Мы даем лишь общее понятие об Евангельской истории и указываем путь к дальнейшему, более глубокому изучению Нового Завета. Один из русских богословов-поэтов сказал про Евангелие, что оно как звездное небо — чем больше и внимательнее в него всматриваешься, тем больше новых звезд открывается взору наблюдателя, но всех небесных светил не может обнять человеческое око. Мириады их погружены в бесконечных глубинах небесного свода. И Евангелие Христово — чем глубже и внимательнее в него вчитываешься, тем яснее оно открывает верующей душе истину о Боге и Человеке. Жизнь наша скоротечна, а содержание Евангелия неисчерпаемо. Поэтому чтение и изучение Слова Божия должно продолжаться всю иашу жизнь.

Евангелие непохоже ни на какую другую книгу, которую можно просто изучить и отложить в сторону. Евангелие, в зависимости от состояния души человека и в различные возрасты и моменты его духовной

[1] Это слово греческое; по-русски оно означает благовестие, т. е. благую, радостную весть о пришествии на землю Богочеловека — Христа Искупителя.

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3/1991.

жизни, открывает новые и новые истины. Поэтому Святое Евангелие должно быть нашей настольной книгой для ежедневного чтения в наиболее спокойные минуты дня.

Необходимо также сказать, что опыт Святых Отцов учит нас, что Евангелие надо читать молитвенно, доверчиво и беспристрастно. Перед чтением надо всегда усердно помолиться Богу, чтобы Он «отверз ум наш к уразумению Святого Писания». Без этого изучение становится теоретическим, бесплодным для души и непрочным для жизни, как «дом, построенный на песке, без фундамента».

Особенно важно вслушиваться в чтение Евангелия во время богослужения в храме. Молитвы, совершаемые священнослужителями, Таинства и вся обстановка храма, чуждая житейской суеты, располагает верующую, а иногда и сомневающуюся душу молящегося к восприятию Божественного Семени — Слова Божия.

Многие примеры из житий святых, а также из нашей современной жизни, показали, что услышанное в Церкви Евангельское слово часто меняло всю жизнь человека и направляло грешника на путь мира, радости и спасения.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Всех книг Нового Завета **двадцать семь.**

Главными **книгами** Нового Завета являются **Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна,** т. е. Четвероевангелие. Эти книги, как и вообще все книги Нового Завета, написаны по вдохновению Духа Святого святыми Апостолами, учениками Иисуса Христа, очевидцами всей Его земной жизни[1].

В прощальной Своей беседе на Тайной Вечере Господь сказал Своим ученикам:

«Дух Святой научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам» (Ио. 14, 26) и еще:

«Дух будет свидетельствовать о Мне и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною» (Ио. 15, 26—27).

По преданию Святой Церкви Евангелия были написаны в 1-ом в. по Рожд. Христовом, причем первые три Евангелия (синоптические) написаны не позднее 60-х г., а Евангелие Иоанна не позднее конца 1-го в. То же самое говорит и историческая наука. Ученые ссылаются на сочинения древних писателей первых веков христианской веры, упоминающих в своих сочинениях о книгах Нового Завета, как им тогда уже известных.

Кроме того, следы евангельских рассказов находятся в знаменитых римских катакомбах и стенных изображениях «Доброго Пастыря», «Тайной Вечери», «Насыщения пятью хлебами» и многих других. Древнейшие катакомбы относятся к концу 1-го и началу 2-го века (Катакомбы Прискилы).

Первые три Евангелия сходны между собою и отличаются от четвертого порядком и характером изложения. Они излагают в последовательном порядке сведения о жизни Господа Иисуса Христа, почему и называются синоптическими — от греческого слова «синопсис», означающего «наглядное соединение». Евангелист Иоанн не держится такого порядка. Он ничего не говорит об истории земного рождения Спасителя, а прямо начинает благовестием о Божестве Его. Первые Евангелия рассказывают о деяниях Христа, главным образом в Галилее, а св. Иоанн — о деяниях в Иудее и, частью, в Самарии. Но и синоптические Евангелия имеют свои отличительные черты.

Св. Евангелист Матфей или Левий — один из 12-ти апостолов. До своего апостольства он был **мытарем,** т. е. сборщиком податей при озере Тивериадском, где была таможня для сбора пошлин с товаров, отправляемых из Палестины и Египта в Сирию и обратно. Ап. Матфей первый из Евангелистов написал свое Евангелие в Иудее, через восемь лет после Вознесения Иисуса Христа. **Цель Евангелия** — показать, что Иисус Христос есть обетованный Богом Мессия — Христос. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на пророчества Ветхого Завета.

Св. Евангелист Марк, называемый также Иоанном, был сыном богатой иерусалимлянки Марии. Он сопровождал апостолов Павла и Варнаву в их апостольских путешествиях. Еще ближе, по преданию, св. Марк был к апостолу Петру, по рассказам которого он и написал свое Евангелие. По свидетельству древних писателей, св. Марк исполнял при ап. Петре обязанности письмоводителя или секретаря. Местом написания Евангелия считают город **Рим,** а местом кончины св. Марка — Александрию.

Целью писателя было утвердить в читателе веру во Христа как Сына Божия. Так как Евангелие св. Марка было написано не для иудеев, а для уверовавших язычников, то в его Евангелии мало ссылок на Ветхий Завет и обличений фарисеев, как это заметно у еванг. Матфея.

Отличительными чертами этого Евангелия является простое, фактическое изложение событий из жизни Спасителя и рассказ о делах и чудесах Христовых, которые Он совершал в Галилее и в Иудее. Язык Евангелия очень живой, немногословный и образный. Евангелие от Марка самое краткое из всех и может служить лучшим конспектом для первого изучения и согласования четырех Евангелистов.

Св. Евангелист Лука, один из семидесяти апостолов, по происхождению грек, родом из Антиохии Сирийской. До крещения он был язычником, по занятиям — врач. Так как от сословия врачей по римским законам требовалось значительное образование, то св. Лука не чужд был и мирской науки. Это видно из самого Евангелия от Луки, отличающегося **стройностью изложения и чистотою греческого языка.** По преданию св. Церкви (записанному у Никифора Каллиста) св. Лука был живописцем и написал несколько изображений Пресвятой Девы с Предвечным Младенцем. Ап. Лука был постоянным спутником ап. Павла и разделял с ним первое и второе пленение в Риме.

Временем написания этого Евангелия считают 65—75 годы по Р. Хр., а **местом** — Рим. Однако последняя глава, где говорится о Воскресении и Вознесении Христовом, была написана в Египте, куда удалился апостол по случаю гонения на христиан при императоре Нероне.

Целью написания Евангелия, как видно из содержания первой главы, было убедить некоего **Феофила,** одного из знатнейших жителей Антиохии, ученика ап. Луки, в том, что он получил совершенно правильные сведения об Иисусе Христе и Его учении. С этой целью св. Лука предлагает **Феофилу** историю новозаветного откровения, которая начинается Евангелием и продолжается книгою Деяний.

Особенностями Евангелия от Луки являются картинность и стройность его изложения. Главная идея всего Евангелия — учение об Иисусе Христе как Спасителе мира. Хотя эта идея не высказана нигде прямо, но она служит основанием всего повествования и обуславливает выбор материала. Самым характерным местом Евангелия являются главы XV и XVI, где излагаются повествования о блудном сыне, неправедном управителе, богаче и нищем Лазаре и другие притчи, которых мы не находим в других Евангелиях и в которых выражена мысль о безграничном милосердии Божием. Кроме того, Св. Лука один сохранил нам известие о рождестве Иоанна Крестителя, о свидании Девы Марии с Елисаветою, о поклонении пастырей вифлеемских, о песнопении Ангелов, о встрече Спасителя с Симеоном во храме, о покаявшемся на кресте разбойнике, об учениках, шедших в Еммаус, и мн. другие.

Св. Евангелист Иоанн, ближайший ученик и Апостол Христов, был сыном галилейского рыбака Зеведея и жены его Соломии. В Иерусалиме у Иоанна был свой дом, куда он и принял, после распятия Господа, Его Св. Матерь. В молодости Иоанн, будучи учеником Предтечи и находясь при нем на Иордане, впервые увидел Христа и слышал слова Иоанна Крестителя о Нем: «се Агнец Божий».

Свое Евангелие Иоанн написал после написания Евангелий другими Евангелистами. Поэтому, хотя дух и учение всех Евангелистов одинаковы, Евангелист Иоанн отличается от них по характеру изложения и по выбору исторического материала. Первая глава, которая читается у нас всегда за литургией в Пасхальную ночь, начинается торжественными и глубокими словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог...» (Ио. 1, 1).

Вообще **же цель этого Евангелия** — привести читателя к вере во Христа, как в Бога и Мессию, и через Него — к наследию вечной жизни; показать, что Христос есть Единосущный Сын Божий и Источник всех откровений, всякого света и знания. В Евангелие Иоанна не входят многие чудеса и события, уже известные из первых трех Евангелий, но подробно описаны другие чудеса и речи Христовы, как напр., повествование о беседе с Никодимом, беседе с Самарянкой, исцелении слепорожденного, воскрешение Лазаря и др. Переданы также подробно речи Христа при омовении ног ученикам и прощальная речь Христа на Тайной Вечере. В заключение Евангелия (21 гл.) Апостол описывает явление Христа Своим ученикам после Воскресения и предсказание последней судьбы Апостолов Петра и Иоанна. Таинственные слова, касающиеся Евангелиста Иоанна: «Ученик сей не умрет» (Ио. 21, 23) — дали повод первым христианам думать, что ап. Иоанн будет жить на земле до второго пришествия Христа. Но Христос в точности не сказал этих слов. Священное предание утверждает, что ап. Иоанн умер в глубокой старости, а свое Евангелие написал в городе Ефесе в последние три десятилетия первого века. Язык Евангелия — греческий.

Книга Деяний Апостольских является как бы продолжением Евангелия. Она излагает дела апостолов: их проповеднические труды после Воскресения Христова и Вознесения (Деян. 1, 1—8). В книге говорится о сошествии Святого Духа на апостолов (Деян. 2), о жизни первых христианских общин, о первых мучениках, о быстром распространении христианства среди евреев и язычников. Главный рассказ идет о трудах св. апостола Павла, его чудесном обращении ко Христу (Деян. 9, 1—20), о его миссионерских путешествиях и страданиях. Первая глава «Деяний» является продолжением последней главы Евангелия Луки и, как видно из первых строк повествования, написана самим апостолом Лукою.

Послания св. Апостолов. Это личные письма Апостолов к первым христианским общинам и к отдельным лицам и Церкви. Послания содержат много подробностей о жизни первых христиан, дают разъяснения учения Иисуса Христа, повествуют о миссионерских путешествиях ап. Павла, Петра, Варнавы и других апостолов; о быстром распространении веры Христовой в древнем мире; о судьбах мира, о воскресении из мертвых, о вечной жизни и т. д. Вот перечень их:

Соборное Послание св. апостола Иакова. Написано для всех христиан, обращенных из иудейства;

1-ое и 2-ое **Послания апостола Петра.** Написаны для христиан из язычников и иудеев;

1-ое, 2-ое и 3-ье **Соборные Послания апостола Иоанна Богослова.**

Эти три кратких послания написаны автором 4-го Евангелия — апостолом любви Иоанном. Они обращены к христианским общинам. Это очень сильное свидетельство о жизни Иисуса Христа на земле.

Соборное Послание апостола Иуды. Написано Иудой, братом Иисуса Христа по плоти. Обращено ко всем, кто уверовал во Христа. Содержит одну главу.

Четырнадцать Посланий св. апостола Павла. Из них четыре обширных: к **Римлянам, 1-ое и 2-ое Коринфянам, к Евреям.** И десять кратких: к **Галатам, к Ефесянам, к Филиппийцам,** к **Колоссянам,** 1-ое и 2-ое к **Фессалоникийцам,** 1-ое и 2-ое к **Тимофею,** к **Титу, Филимону.**

Послания эти обнимают своим содержанием все области духовной и практической жизни христианской Церкви, как в древние времена, так и в наши дни. Особенно сильно и вдохновенно пишет ап. Павел о любви, как основе христианской жизни. «Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных», призывает он верующих во Христа Коринфян (Кор. 13, 1—13; 14, 1).

Наконец, последняя книга Нового Завета: **Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова.**

Эта книга таинственная. В прикровенной, символической форме она описывает грядущие судьбы мира, предсказывает конец всемирной истории, Божий Суд над человечеством, приход на землю Антихриста и гибель его, второе пришествие Христа, воскресение мертвых и полное и окончательное торжество Христовой Церкви.

Книга, как видно из самого содержания ее, написана возлюбленным учеником Христовым св. апостолом Иоанном Богословом, во время его ссылки на остров **Патмос** за проповедь слова Божия (Откр. 1, 1—9).

СВЯЩЕННОЕ ПРЕДАНИЕ

Христос учил людей устно. Он ничего не писал. Слова Его оставались в сердцах людей и передавались из уст в уста, от св. апостолов к их ученикам, а от них далее, из поколения в поколение, в течение почти двух тысячелетий — до наших дней. **Устная передача учения Иисуса Христа и событий евангельской истории** есть **Священное Предание.** В Церкви оно существует наряду со Священным Писанием и дополняет его. Св. Иоанн Златоуст говорит, что люди, собственно говоря, не нуждались бы и в Священном Писании, если бы Слово Божие бережно сохраняли в своих сердцах, но

[1] В древности на иконах было принято изображать Евангелистов в символическом виде, характеризующем особенность написанных им Евангелий. Так, св. Матфей — «с человеком», символизирующим обращенность Евангелиста к человеческой природе Христа; св. Марк — «со львом» — энергия и сила проповеди; св. Лука «с тельцом» — благовестие ко всей твари; св. Иоанн «с орлом» — высота богословских откровений.

греховность и суетность человеческои жизни с течением времени стала ослаблять память людей, и тогда явилась потребность записей важнеиших событий Евангельской истории. Таким образом появилось написанное Евангелие. Но в Евангелии записаио далеко не все. Евангелист Иоанн говорит, что если бы писать обо всем подробно, то и самому миру не вместить написаниых книг (Ио. 21, 2—5). Многие события продолжали передаваться устно. Так, повествования о Рождестве Богородицы, о Введении Ее во храм, о Ее славном Успении не записаны в Евангелии. Но когда Церковь Христова распространилась по всему миру, тогда явилась необходимость проверить массовую передачу святых предаиий и, во избежаиие разноречий и искажений в изображениях событий, записать их точно. Эти записи и были сделаны в ранние века христианской эры (4 и 5 вв.) и, следовательно, имеют глубокую древность и достоверность

Раздел второй

ИГУМЕН ФИЛАРЕТ

И вот — христиаиство, призывая человека к созиданию своей духовнои личности, заповедует ему и здесь, в путях этого созидаиия, — различать добро и зло, и истинно-полезное от мнимо-полезного и вредного. Оно учит нас тому, что мы должны все, даровaиное иам от Бога, — здоровье, силы, способиости, природные свойства и качества — все это считать не за свое «я», а имеино за дарования иам от Бога. И это мы должны употребить (как материалы при постройке здания) — на созидание своего духа. А для этого мы должиы все эти «таланты», данные Богом, — употребить не для себя — эгоистически — а для других. Ибо законы Небесной Правды противоположны законам земной выгоды. По поиятиям земным, приобретает тот, кто иа земле собрал для себя; по учению Божией Небесной правды, приобретает (для вечости) тот, кто в земной жизни — раздает и благотворит. В известной притче о иеправильном домоуправителе (Луки XVI гл.) главною мыслью и ключом к правильному пониманию ее — и является приицип противоположности между понятиями земного эгоизма и Божией правды. В этой притче Господь земное богатство, собраниое эгоистически — для себя, прямо назвал «богатством неправедным» и заповедовал употреблять его ие для себя, а для других, чтобы быть принятым в вечные обители.

Идеал христианского совершенства недостижимо высок. «Будьте совершеииы, как совершен Отец ваш Небесный», — сказал Христос Спаситель (Матф. V, 48). И поэтому — в работе человека над собой, над своей духовной личиостью — не может быть конца. Вся земная жизнь христиаиина есть беспрестанный подвиг нравствеиного самоусовершенствования. И конечно, совершенство христианское дается человеку не сразу, но — постепенно. Преподобный Серафим Саровский одному христиаиину, который, по своей иеопытности, думал сразу достичь святости, говорил: «все делай потихоньку и ие вдруг, добродетель не груша, ее вдруг не съешь...» И Апостол Павел, при всей своей духовной высоте и мощи, не считал себя достигшим совершенства, но говорил, что он еще только **стремится** к гакому совершеиству, «к почести вышняго звания во Христе Иисусе»... (Фил. III, 12—14).

ГЛАВА VII.

Добродетели смирения, духовного плача и правдолюбия (1, 2 и 4 зап. блаженства по Ев. Матф. в их взаимной связи).

По учению св. отцов — подвижников и светильников христиаиского благочестия, первым из всех христианских добродетелей является смирение. Это та добродетель, без которой не может быть приобретена никакая другая и без которой немыслимо духовное совершенствование христианиия. Сам Христос Спаситель Свои новозаветиые заповеди блаженства начинает заповедью о смирении. «блажеии нищие духом, яко тех есть царство иебесное!..»

Нищими — в обычиом значении этого слова — мы называем людей, которые ничего не имеют и обычно просят помощи у других. (Такие нищие — отнюдь не всегда «блаженны», ибо среди них есть воры, и пьяницы, и обманщики, и т. д.). Христианин же (всякий — и нищий, и богатый) должен сознавать себя нищим **духовно** — т. е. видеть, что в нем нет ничего своего доброго. Все доброе в нас — от Бога. От себя же мы прибавляем лишь зло: себялюбие, прихоти чувственности и греховную гордыню. И это должен помнить каждый из иас. Ибо ие напрасно сказано в Свящ. Писании: «Бог гордым противится, смиренным подает благодать». И, как уже мы сказали, без смиреиия невозможна и вообще никакая другая добродетель, ибо, совершая ее ие в духе смирения, человек непремеино впадает в богопротивную гордыню и отпадает от милости Божией...

Рядом с искрениим глубоким смирением у христианина должен стоять **духовный плач**, о котором говорится во 2-й заповеди блаженства. Кто не знает того, что смирение у человека часто бывает иеглубоко и обманчиво. Мало того — ие без причины создалась поговорка «смирение паче гордости». Часто человек, казалось бы, смиряется, осуждает себя. Но оказывается, что это была не глубокая, постояиная настроенность и переживания души, а поверхностное, неглубокое чувство. Св. отцы-подвижники указывали на один прием, по которому узнается искренность и глубина смирения. Именно — начни в лицо укорять и поиосить человека за те самые грехи и в тех самых выражеииях, в которых он сам «смиренно» осуждает себя. Если его смиреиие искреино — он выслушает упреки без гнева, а иногда и поблагодарит за смиряющее вразумление. Если же истинного смирения у иего нет — он ие вынесет упреков и рассердится, ибо от этих упреков и обличений его гордыня встанет на дыбы...

И вот, Господь говорит: «блажени плачущии — яко тии утешатся...» Иными словами — блаженны те, кто не только скорбит о своем несовершенстве и недостоиистве, но и плачет об этом. Таким образом, под плачем здесь прежде всего разумеется духовный плач — плач о грехах, и в связи с этим, — об удалении от Царствия Божия. Кроме того, среди подвижников христианства миого было и таких, исполненных любви и сострадания, которые плакали о других людях — об их грехах, падениях и страдаииях. Но и вообще не противно духу св. Евангелия под плачущими понимать также — всех скорбящих и обездоленных людей, если они свою скорбь принимают по-христиански — смиренно и покорио. Они поистине блаженны, ибо утешатся, будут утешены Богом любви. И наоборот — те, кто в жизни земной ищет и добивается лишь утех и наслаждеиий, — они отнюдь не блаженны. Хотя они сами себя считают счастливцами и другие их считают таковыми, — но по духу Евангельского учения они несчастнейшие люди. Именно к ним относится грозное предупреждеиие Господа: «Горе вам, богатые, ибо вы получили свое утешеиие. Горе вам, пресыщеиные ныне, ибо вы взалчете. Горе вам, смеющиеся ныие, ибо восплачете и возрыдаете...» (Луки VI, 24—25).

Когда человек исполнен смирения и скорби о своих грехах — он уже не может мириться с тем злом греха, которое так загрязняет и его самого, и других людей. От своей греховиой испорченности и от неправды окружающей жизии ои стремится уйти — к Божьей правде, к святости и чистоте. И этой Божией правды, ее торжества иад человеческими неправдами — ои ищет и желает больше и сильнее, чем голодиый хочет есть или жаждующий — пить. Об этом и говорит нам 4-я заповедь блажеиства, связаиная с двумя первыми: «блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии — насытятся...»

Когда насытятся? Отчасти уже здесь, в земной жизни, в которой эти вериые последователи Божией правды временами уже видят иачатки ее торжества и победы в действиях Промысла Божия и проявлениях Божия правосудия и всемогущества. Но вполне их духовиый голод и жажда насытятся и утолятся уже там — в блаженнои вечиости, на новом небе и новой земле, «в них же **правда** живет» (2 Петра, III, 13).

ГЛАВА VIII.

Анализ Притчи о блудном сыне. Три ступени падения и обращения грешника.

После того, как мы рассмотрели вопрос о свободе воли человека и о первых и основных добродетелях — смирении, духовном плаче, и стремлении к Божией Правде — нам нужно уяснить себе весь процесс обращения заблудшегося грешника на путь праведности. Лучшим примером для этого служит притча о блудиом сыне, которая находится в Евангелии от Луки (XV, 11—24). Притча говорит нам о юном сыне, который тяготился заботливой опекой своего отца и в своем неразумении решился на измену ему. Он выпросил у отца свою часть имения — и ушел «в далекую страну». Всякому ясно, что под этим неразумным сыном Евангелие разумеет каждого грешника. В настоящее время измена человека Богу обычно выражается в том, что ои, получив от Бога «свою долю» — все, дарованное ему от Бога в жизни, — перестает живо верить в Бога, перестает думать о Нем и бояться Его — и в, конце концов, забывает о Его законе. Не такова ли «светская» жизнь многих из современных «иителлигентов», не замечающих того, что в сущности, они живут в отдалении от Бога?..

И на дальней стороне, так заманчивой издали, неразумный сын расточил — растратил свое имение — живя распутно. Так и неразумиый грешник растрачивает свои духовные и физические силы в погоне за чувственными наслаждеииями и в «прожигании жизни» все дальше и дальше отходит сердцем и душой от своего Небесиого Отца.

Но вот блудный сыи расточил свое имение, начал голодать — и стал свинопасом (т. е. пастухом свиней — животных нечистых по закону Моисееву). И рад был насытиться свиными рожцами (свииой пищей) — но иикто не давал ему... Не так ли и грешник, запутавшийся окоичательно в сетях греха, — духовно голодает, страдает и томится? Вихрем пустых развлечений, кутежами и распутством пытается он заполнить свою душевную пустоту. Но все это — лишь «свиные рожцы», не могущие утолить мук голода, от которых изнемогает его бессмертиый дух...

И погиб бы несчастный — если бы не помощь от Бога, Который Сам сказал, что не хочет смерти грешника, но — «еже обратитися, и живу быти ему». Услышал блудный сын спасительный призыв Божией благодати — и не оттолкнул, не отверг его, а принял. Принял — и пришел в себя, как больиой приходит в себя после мучительного кошмара. И вот — спасительная мысль: «сколько наемников у Отца моего избыточествуют хлебом, а я — сыи Его — здесь с голоду умираю».

«Встану я, — решает ои тут же, — и пойду к Отцу моему — и скажу Ему: Отче, согрешил я против неба и пред Тобою, и уже не достоин называться сыном Твоим — прими меня в число наемииков Твоих...» Твердое намерение, окончательное решеиие; он встал — «и пошел к Отцу своему...»

Пошел — весь проникнутый раскаянием, жгучим сознанием своей вины и недостоинства — и надеждой на милость Отца, и нелегок был его путь. «Но когда он был еще далеко, увидел его Отец его (а значит он ждал — и может быть, каждый день смотрел — не возвращается ли сын...). Увидел и сжалился, и побежав, бросился к нему иа шею и целовал его». Сын начал было исповедь: «Отче, я согрешил на небо и пред Тобою, и уже недостоин называться сыном Твоим»... — но Отец не дал ему договорить, Ои уже все простил и забыл, и распутного и голодного свинопаса принимает, как любимого сына. «На иебесах больше бывает радости об одном грешнике кающемся, — сказал Господь, — нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии...» (Лук. XV, 7).

Так постепенно проходит в человеке процесс его отпадения — и обращеиия к Богу. Ои как бы спускается и поднимается по ступеням. Сначала — измена Богу, уход от Него «на страиу далече». В этом отчуждении от Бога — всецелое служение греху и страстям. Наконец — полное духовное банкротство, духовный голод и мрак — человек дошел до глубины падения. Но тут, по слову Ап. Павла — где умножился грех, там явилось обилие благодати, вразумляющей человека. Грешник принимает спасательный благодарный призыв (а может не приият и погибнуть, и увы — так бывает). Принимает и приходит в себя. Приходит в себя и твердо решает порвать с грехом и идти с покаянием к Небесному Отцу. Идет путем покаяния — и Отец выходит к нему навстречу, и принимает с всепрощением и прежнею любовию...

Продолжение в следующем номере.

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Закон Божий. Третья книга о Православной вере. Имка-Пресс, 1950; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936.

Публикацию подготовил писатель Евгений Чернов

В Пасхальную ночь. Фото Павла КРИВЦОВА.

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

О Христе с любовью

А. М. Вьельгорской

Москва. Марта 30 ⟨*1849*⟩

Я получил милое письмецо ваше, добрейшая Анна Михаловна. Оно меня порадовало тем, что вы не оставляете желанья вашего сделаться русскою. Бог в помощь! Нигде так не нужна его помощь, как в этом деле. Вы говорите, что и мое и ваше желанье исполнится, что *вы сделаетесь русской не только душой, но и языком и познаньем России.* Я подчеркнул эти строки, потому что это ваши собственные слова. Знаете ли, однако же, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и познаньем России, чем русскою *душой.* Теперь в моде слова: *народность* и *национальность,* но это покуда еще одни крики, которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное? В чем она состоит? Это нужно рассмотреть внимательно. Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена небесного сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа. Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали все лучшее, что ни есть в русском характере. Итак, для того, дабы сделаться русским, нужно обратиться к источнику, прибегнуть к средству, без которого русский не станет русским в значеньи высшем этого слова. Может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значение жизни. Правду слов этих может засвидетельствовать только тот, кто проникнет глубоко в нашу историю и ее уразумеет вполне, отбросивши наперед всякие мудрования, предположенья, идеи, самоуверенность, гордость и убежденье, будто бы уже постигнул, в чем дело, тогда как едва только приступил к нему. Да. В истории нашего народа примечается чудное явленье. Разврат, беспорядки, смуты, темные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия были у нас еще, быть может, в большем размере, чем где-либо. Они ярко выказываются на всех страницах наших летописей. Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильней, чем где-либо. Слышатся также повсюду в летописях следы сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повести они нам не передали. Слышна возможность основанья гражданского на чистейших законах христианских. В последнее время стали отыскиваться беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова *Домостроя*[1], где как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России. Является уже не политическое устройство России, но частный семейный быт и в нем жизнь, освещенная тем светом, которым она должна освещаться. В наставлениях и начертаньях, как вести дом свой, как быть с людьми, как соблюсти хозяйство земное и небесное, кроме живости подробных обычаев старины, поражают глубокая опытность жизни и полнота обнимания всех обязанностей, как сохранить домоправителю образ благости божией в обращении со всеми. Как быть его жене и хозяйке дома с мужем, с детьми, с слугами и с хозяйством, как воспитать детей, как воспитать слуг, как устроить все в доме, обшить, одеть, убрать, наполнить запасами кладовые, уметь смотреть за всем, и все с подробностью необыкновенной, с названьем вещей, которые тогда были в употреблении, с именами блюд, которые тогда готовились и елись. Так и видишь перед глазами радушную старину, ее довольство, гостеприимство, радостное, умное обращенье с гостьми с изумительным отсутствием скучного этикета, признанного необходимым нынешним веком. Словом, видим соединенье Марфы и Марии[2] вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это ⟨прийти?⟩ в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным.

В последнее время стали беспрестанно открываться рукописи в этом роде. Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщеньям самолюбивого ума и всяким пристрастьям. Но для вас эти книги покуда недоступны: во-первых, из них напечатано немногое; во-вторых, оно не переведено на нынешний русский язык. Вы древнего языка нашего не знаете. Вот почему я медлил вам советовать, какие книги прежде читать. Все, что больше всего может вас познакомить с Россией, остается на древнем языке. Остается одно средство: вам нужно непременно выучиться по-славянски. Легчайший путь к этому следующий: читайте Евангелие не на французском и не на русском языке, но на славянском. К французскому прибегайте только тогда, когда не поймете. Слова, которые позагадочнее, выпишите на особую бумажку и покажите священнику. Он вам их объяснит. Если вы прочтете Евангелие, послание и прибавите к этому пять книг Моисеевых, вы будете знать по-славянски, при этом деле и душа выиграет немало. Когда же увидимся, тогда я вам объясню в двух — трех лекциях все отмены, какие есть в нашем древнем языке от славянского. Вы его полюбите. Этот язык прост, выразителен и прекрасен. Но я, кажется, много заговорился, пора и перестать. Итак, Бог в помощь! Будьте русской; вам следует быть ею. Но помните, что если Богу не будет угодно, вы никогда не сделаетесь русскою. К источнику всего русского, к нему самому, следует за этим обратиться. Бог в помощь! Теперь о себе. Донесенье Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположенья духа только наполовину справедливо. Он меня видел в гостях. Нельзя же приносить в гости скуку. Волей или неволей, но должен если не быть, то по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти все время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья. Наконец, я испытал в это время, как не проходит нам никогда безнаказанно, если мы хотя на миг отводим глаза свои от Того, к которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаньями земными наместо небесных. Но Бог был милостив и спас меня, как спасал уже не один раз. Что касается до поездки моей в Петербург, то, несмотря на все желанье видеть людей, близких моему сердцу, она должна до времени быть отложена по причине не так устроившихся моих обстоятельств. А не так устроились обстоятельства по причине предыдущей, то есть от не так удовлетворительного расположенья духа. Но Бог лучше нашего знает, чему лучше быть. Тем более вы меня порадовали вестью, что, может быть,

нынешним летом заглянете в Москву. От всеи души желаю, чтобы Москва оставила в душе вашей навсегда самое благодатное впечатленье. Прощайте, добрейшая моя Анна Михаловна. Передайте мой душевиый поклон графине, расцеловавши ее ручки.

Весь ваш Н. Г.

Так как радостныи праздник уже готовится наступить и письмо придет к вам в Светлый деиь, то посылаю вам заочно братское лобызанье со словами: Христос воскресе!

Софье Михаловне я пишу в одно время с вами. Аполине Михаловне передайте поклон самый душевный.

М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

⟨Конец марта 1849. Москва⟩

Христос воскресе!

Наконец получил от вас письма. Вы, слава Богу, здоровы, но все вокруг вас нездорово. Обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грехам терпим наказанье Божье. Своей неразумной, иеосмотрительной жизнью мы навлекаем печальные следствия. Как ни рассмотрю и себя самого и других, вижу, что все, а в том числе и я сам, живем далеко не так, как следует. Все мы живем, надеясь на благополучие в следующем году, всякий гонит от себя и мысль о том, что его может посетить злополучие еще тягчайшее, иежели в прошедшем году. От этого никто не думает о запасах. Ни в ком нет благоразумия Иосифова, все заботятся только о том, как бы получше провести сегодняшний день, подальше от работ тяжких, но полезиых и дающих нам пропитание, поближе к работам легким, бесплодным, дающим забвеиие всего нас окружающего. И так проходит вся жизнь иаша. Счастливы мы еще тем, что Бог поражает нас бичами несчастии и заставляет нас хотя по временам опомниться и оглянуться иа себя. Без того мы бы не опомиились до последних дней Страшного суда. Всего ужасиее, когда из-за иас и виною нашею страждут невинные и от грехов и заблуждений наших терпят праведные. О, нужно нам теперь крепко молиться! Молиться о том, чтобы вразумил нас Бог, как нужно вести жизнь, чтоб от неустройства и небреженья нашего не терпели другие. Прежде всего я прошу вас помолиться обо мне ото всех сил, сколько станет общего, соединенного усердия вашего и любви ко мие, чтобы не отступался от меия Бог и дал бы мне ум и силы исполиять свои обязанности, которые я позабываю ежеминутно. Посылаю пятьдесят рублей серебром в пользу страждущих. 25 рублей сереб⟨ром⟩ поступят сестре Ольге на известное употребленье, другие же двадцать пять сестре Анне на раздачу необходимого хлеба голодным. Всего лучше, если бы эта раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать, разве тогда уже, когда не станет сил работать. Благодарю от души сестру Аину за то, что она старается доказать на деле ко мне любовь исполнеиьем просьб иасчет работ в саду. Я уверен, что эти занятия доставят потом усладу н ей самой; благодарю также и племянника Колю за то, что помогает ей. В самих же работах нужно руководствоваться возможностями и никак не отрывать для саду от других, важнейших работ. Особенио не занимать подвод, которые, по случаю скотского падежа, стали теперь дороги и редки. Нужно помнить, что есть занятия, еще важнейшие в хозяйстве, которые (увы!) мы бросили как скучные и ничего не говорящие душе. Много, много мы бросили душеспасительных трудов и, заботясь только о себе, в то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о других, потеряли свое. Оттого и труднее нам в нынешнее ⟨время⟩ спасти душу свою, чем когда-либо прежде. Помолитесь, добрейшая моя матушка, о бедной душе моей. И вы также, милые сестры. Никогда еще ие были мне так нужны молитвы.

Весь ваш Н. Гоголь

А. М. Вьельгорской

⟨16 апреля 1849. Москва⟩

Христос воскресе!

На мое длинное письмо вы ни словечка, Софья Михаловна тоже. А я писал и к вам и к ней за три дни до Светлого Воскресенья. Если вы на меня за что-нибудь рассердились... Но нет, вы на меня не можете рассердиться, добрейшая Анна Михаловна. За что вам на меня сердиться? Верно, это случилось так, само собою. Вам просто пришла лень, неохота писать, оттого и не иаписалось. Тем не менее и в этом письме, так же, как и в прежнем, повторю вам то же: не оставляйте вашего доброго желания быть русскою в значеньи высшем этого слова. Только одним этим путем можно достигиуть к выполиенью долга своего на земле. Когда вы будете в Москве и взглянете иа все ее святыни и увидите в старинных церквях ее останки древнерусской жизни, — вы тогда поймете это. О многом придется поговорить тогда; теперь же боюсь вам наскучить и сказать что-нибудь непонятное. Скажу вам покуда только то, что я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для Бога.* Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужио работать для себя, а не для Бога. Даже и в мииуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от Того, который глядит на нас и в минуты увеселеиий наших. Не упускайте и вы этого из виду. Будем стараться, чтобы все наши занятия были устремлены на прославление имени Его и вся жизнь наша была неумолкаемым Ему гимном. Вы любите рисовать — рисуйте же все то, что служит к украшенью храма Божья, а не наших комнат; изображайте светлые лики людей, Ему угодивших. От этого и кисть ваша и мысли станут выше. Вы получите несравнеиио больше услажденья, вам не нужен будет и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри вас, станет вашим учителем и поведет вас к совершеиству в искусстве. В Москве будет вам миого пищи. В древией иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительиые лики и на ликах удивительные выражения. В прежнем письме я просил вас особенно позаботиться о славянском языке. Он будет вам очень нужеи. Чтение еван⟨гелия⟩ и посланий апостольских на славяи⟨ском⟩ языке — лучший к тому путь. Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Это книга Шевырева о древней русской словесности[3]. Она послужит вам прологом к чтенью тех книг, в которых раскроется вам вполне русская жизнь. Еще к вам усердная просьба. Посылаю вам деньги, на которые прошу вас приказать взять для меия в синодальной лавке «Христианское чтение» за прошлый 1848 год. Там помешена целиком, начиная с 1-го иомера, церковная история Евсевия Кесарийского первых веков[4]. Эту историю прочитайте, она не только не скучна, но заиимательиа иеобыкновенно. Евсевий Кесарийский был сам почти современник описываемых происшествий, застал еще учеников апостолов. Прочитавши эту историю, вы узнаете в самом деле, что такое была жизнь древних христиан. Это вам также поможет много к узнанию, что такое истинно русская жизнь. Киигу эту можете удержать у себя сколько хотите, а в Москву привезите с собою. Но довольно. Бог в помощь, добрейшая Анна Михаловиа! Расцелуйте и обнимите всех ваших, милых и близких моему сердцу.

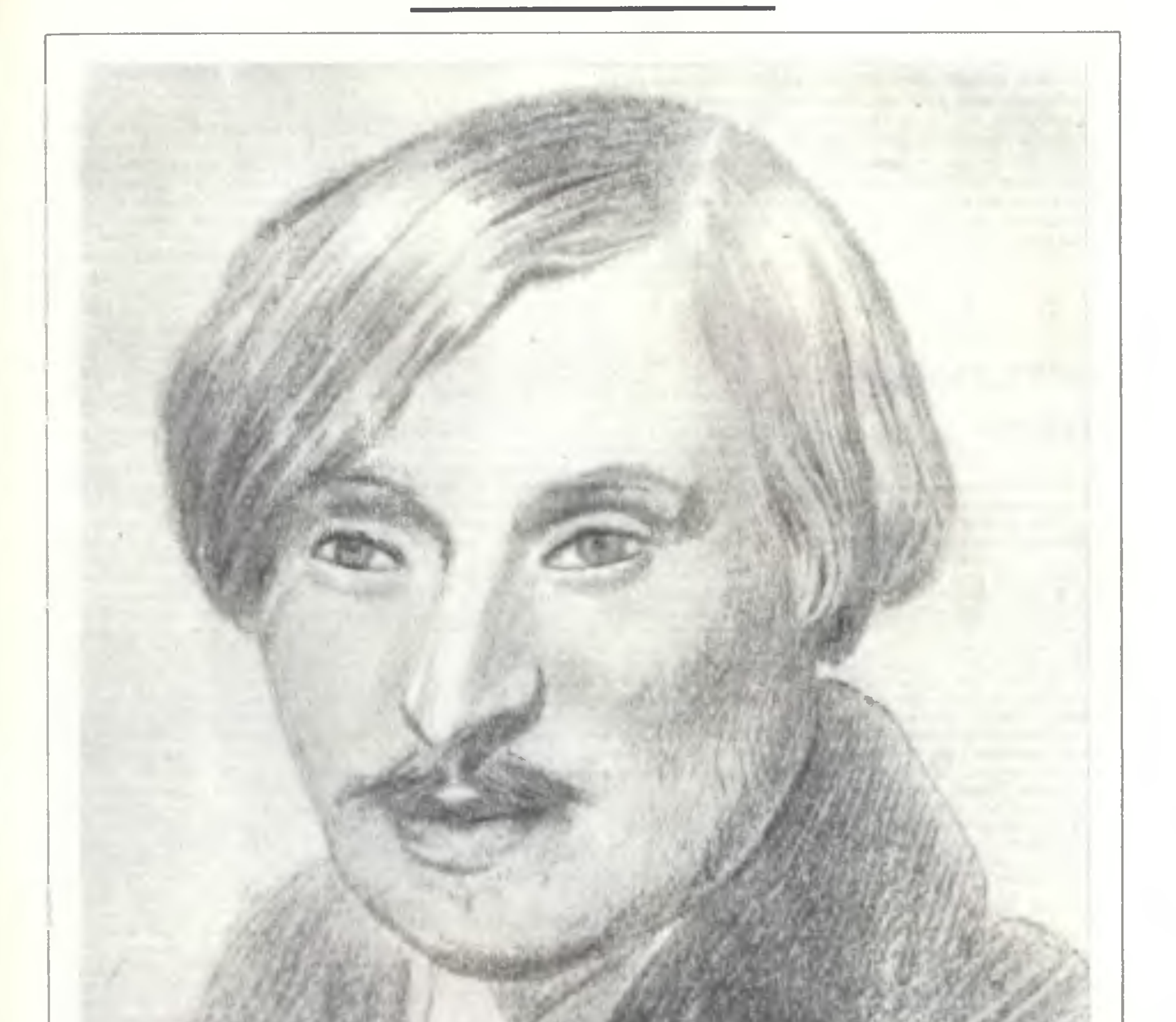
Весь ваш Н. Гоголь

М. А. Константиновскому

⟨Конец апреля 1850. Москва⟩

Христос воскресе!

Благодарю вас, бесценнейший, добрейший Матвей Александрович, за ваше поздравленье с Светлым праздником.



Николай Васильевич Гоголь. Рисуиок Александра Иванова [1847 г.].

Не сомневаюсь, что если приобрела что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и других угождающих Богу подвижников. О, если бы Ои не оставил меня ни иа минуту и сказал бы мне путь мой! Как бы хотелось сердцу поведать славу Божию! Но никогда еще не чувствовал так бессилья своего и немощи. Так много есть, о чем сказать, а примешься за перо — не подымается. Жду, как манны, орошающего орошенья свыше, все бы мои силы от него двигнулись. Видит Бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославленью Его святого имени. Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнию, как игрушкой, что жизнь — не игрушка. И все, кажется, обдумаио и готово, но — перо не подымается. Нужной свежести для работы нет. И (не скрою перед вами) это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста. Впрочем, может быть, все это происходит от изнуренья телесного, силы физические мои ослабели. Я всю зиму был болен; не уживается с нашим холодным климатом мой холоднокровный, несогревающийся темперамент; ему нужен юг.

Думаю опять с Богом пуститься в дорогу, в странствие, на Восток, под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями святых мест. Дорога всегда действовала на меня освежительно: и на тело и на дух. О, если бы и теперь всемилосердый Бог явил надо мною свое безграничное милосердие, сколько раз уже явленное надо мною, когда я уже думал, что не воскреснут мои силы, и не было, казалось, возможности физической им воскреснуть! Но силы воскресали, и свежесть появлялась вновь в мою душу. Помолитесь обо мне крепко, крепко, бесценнейший Матвей Александрович, и напишите два словца ваших.

Ваш вечно вам признательный
Н. Гоголь

Пасхальные письма

«В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья». Этим утверждением Гоголь открыл последнюю статью в «Выбранных местах из переписки с друзьями», так и названную — «Светлое Воскресенье». В ней писатель изложил свои мысли по поводу «святого дня, в который празднует святое, небесное братство все человечество». Статья пронизана светлой и твердой уверенностью в том, что именно России суждено вернуть, несмотря на «страшные препятствия» (первыми из них идут, по Гоголю, «гордость чистотой своей» и «гордость ума» современного человека), вечный духовный смысл празднованию Пасхи Христовой. Заключительные слова статьи: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Светлое Воскресение Христово» — как бы подводят итог и всей гоголевской книге.

Подобное умонастроение характерно для многих гоголевских писем последних лет, особенно тех, конечно, в которых он поздравляя своих друзей и родных с Светлым Христовым Воскресеньем. В письмах к А. М. Вьельгорской от 30 марта и 16 апреля 1849 г., например, Гоголь развивает и уточняет применительно к духовным, образовательным задачам, стоявшим перед его адресатом, одно из главных положений «Выбранных мест...»: «Не умрет из нашей старины ни зерна того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом». В письме же к о. Матвею Константиновскому от конца апреля 1850 г. писатель даже невольно уподобляет свои творческие переживания крестным мукам Спасителя и собственную надежду на возрождение духовных и физических сил и будущий плодотворный труд во «славу Божью» прямо связывает с верой в Воскресенье Христово.

Эти же письма, на наш взгляд, могут свидетельствовать и о гоголевских впечатлениях от богослужения в предпасхальные дни.

Необходимо сказать несколько слов и об адресатах гоголевских писем. Анна Михайловна Вьельгорская (1823—1861) — младшая дочь графа М. Ю. Вьельгорского (1788—1856) — государственного деятеля, композитора-дилетанта, мецената, находившегося в дружеских отношениях с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Гоголем. В письме от 30 марта передается поклон «графине» Луизе Карловне, урожденной принцессе Бирон (1791—1853) — матери Анны Михайловны. В этом же письме упоминаются и старшие ее сестры — Аполина (Аполлинария) Михайловна (1818—1884), вышедшая в 1843 г. замуж за А. В. Веневитинова, брата поэта Д. В. Веневитинова, и Софья Михайловна (1820—1878) — с 1840 г. жена писателя графа Владимира Александровича Соллогуба (1813—1882), также упоминающегося в письме.

Гоголь сблизился с Анной Михайловной после зимы 1843—1844 гг., которую писатель и семья Вьельгорских провели в Ницце. Дружеские отношения упрочились осенью 1848 г., когда Гоголь едва ли не каждый день бывал у Вьельгорских в Петербурге. С этого времени особенно оживляется переписка между ними, причем писатель берет на себя обязанности своего рода руководителя, духовного воспитателя девушки. В. А. Соллогуб писал в своих «Воспоминаниях», что А. М. Вьельгорская, «кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь». Согласно семейному преданию, в 1849—1850 гг. Гоголь делал предложение Анне Михайловне, но получил отказ, так как Л. К. Вьельгорская сочла этот брак невозможным по сословным соображениям. По свидетельству И. С. Аксакова, А. М. Вьельгорская послужила прототипом Уленьки из второго тома «Мертвых душ». После смерти Гоголя А. М. Вьельгорская вышла замуж за князя А. И. Шаховского.

Марья Ивановна Гоголь-Яновская (урожд. Косяровская; 1791—1868) — мать писателя; Анна Васильевна (1821—1893), Елизавета Васильевна (в замужестве Быкова; 1823—1864) и Ольга Васильевна (в замужестве Головня; 1825—1907) — его сестры. В письме также упоминается «племянник Коля» — сын старшей сестры Гоголя Марьи Васильевны Николай Павлович Трушковский (1833—1862) — будущий редактор первого посмертного собрания сочинений Гоголя.

О. Матвей Александрович Константиновский (1792—1857) — сын священника, воспитанник тверской семинарии, с 1836 г. протоиерей во Ржеве. Заочно познакомился с Гоголем, по рекомендации графа А. П. Толстого, в 1847 г., личное знакомство состоялось, вероятно, годом позже. С этого же времени между ними установилась переписка: всего до нас дошло семнадцать писем Гоголя и одно — отца Матвея. По свидетельству современников, отличался выдающимся даром проповедничества и строгим аскетизмом, кротостью и жизнерадостностью в повседневном общении. Оказал значительное влияние на Гоголя в последние годы его жизни.

В заключение следует, наверное, указать, что Пасха Христова приходилась в 1850 году на 23 апреля по старому стилю.

Послесловие и примечания
В. ГУМИНСКОГО.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Памятник древнерусской литературы середины XVI в., содержащий в себе «вещи полезны, поучение и наказание всякому христианину», иначе говоря, правила общежития древнерусского человека в отношении «духовного, мирского и домовного строений». Авторство окончательного текста связывается с именем духовного наставника Ивана IV, московского протопопа Сильвестра. Был впервые издан в 1849 г. во «Временнике Московского общества истории и древностей российских».

[2] «В продолжение пути их пришел Он в одно селение: здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Евангелие от Луки, 10, 38—42).

[3] Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней, т. I, чч. I—II, М., 1846. Этот труд, в основе которого лежат публичные лекции, прочитанные автором в Московском университете в 1844—1845 гг., является первым историко-литературным курсом древнерусской литературы IX—XII вв., основанным на изучении первоисточников (в вышедших в 1858—1860 гг. III и IV частях курса изложение было доведено до начала XVI в.).

[4] «Церковная история» епископа Кесарийского Евсевия (Евсевия Памфила: между 260 и 265—339), обычно называемого «отцом христианской историографии», охватывает отрезок времени от возникновения христианства до 324 г.

За национальную Россию

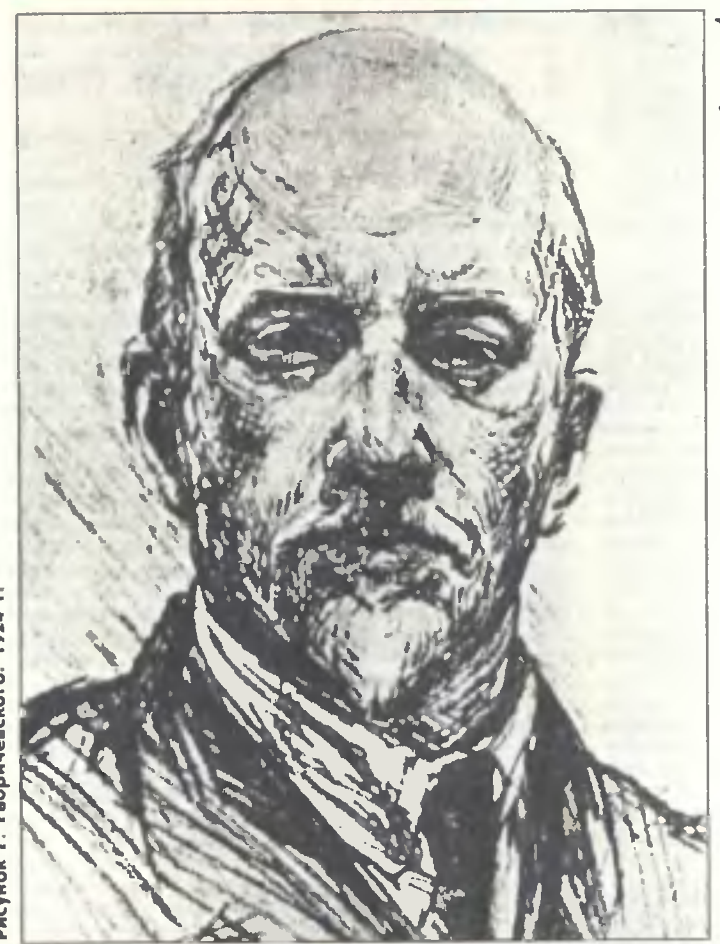


Рисунок Г. Габричевского. 1924 г.

ИВАН ИЛЬИН

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. На кого нам надеяться

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого.

И прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на *Божию помощь*, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах.

Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобщение, что человек предоставлен в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что *Бог есть Дух*, то они поняли бы, что *во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие:* в совести, в верности и в храбрости, в смирении и в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине и в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что *Бог есть Любовь*, то они поняли бы, что *во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие:* в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и бли-

Статьи И. А. Ильина см. в «Слове» №№ 6, 11/1990.

зок нам; от нас зависит призывать его, т. е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его Любовию. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Иоанна 2.29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего ни попросим, получим от Него» (1 Иоанна 3.21—22). Мы должны быть уверены, что наше дело есть дело самой России, а дело России — правое; правое же дело всегда найдет защиту и помощь у Бога.

Мы должны надеяться, далее, на *духовные силы национальной России*. Тот, кто сомневается в них, пусть изучает русскую историю и пусть увидит, какие природные, пространственные и исторические бремена поднял русский народ, создавая на протяжении тысячелетия свое единство, строя свое государство, отстаивая свою веру и творя свою культуру*. Пусть припадет он душою к тем источникам, из которых русский народ черпал свои силы: к его молитве, к его совестным исканиям, к его патриотическому и национальному чувству, к его художественному созерцанию, к его государственной воле, к самобытности его на всех путях жизни. Надо *утвердить свой дух в духе национальной России; надо слить свой инстинкт с русским национальным инстинктом самосохранения*. И тогда нам откроется, что русский народ искони обретал свою силу через *молитву, верность и жертвенное служение*.

И, наконец, мы, русские люди всех племен, всех народностей и всех исповеданий, — должны надеяться на себя, *на самих себя и ни на кого другого*. Будет сделано только то, что мы сделаем сами; чего мы сами не сделаем, того не сделает за нас никто другой... Дело освобождения и возрождения России есть наше общее дело, и оно будет выполнено нашими силами и нашими руками. Поэтому нам необходимо усвоить три правила, ввести их в свою душу, как бы в плоть и кровь, и передать их детям и внукам.

Первое: *на чужие силы надеется лишь безвольный человек, а безвольный человек не победит никогда*. Победа безвольного есть пустая видимость. Для него самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь. И если он случайно «победит», то он не сумеет взять свою победу, а если он случайно возьмет ее, то не удержит...

Второе правило: *затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и укрепляют силу волевого*. Волевой человек живет и рассуждает так: «Не удалось, — значит мало сил собрал, значит соберу их вдвое»...; «Непреодолимо — значит боролся не так, как надо, значит найду верный способ, может быть — недооценивал силы врага, переоценивал свои силы, плохо готовился, мало углублялся, неумело организовывал»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще больше силы, чем он извлекал доселе, но отнюдь не отнимает у него решимости и мужества.

И, наконец, третье правило: *из двух людей — к победе ближе тот, в ком сильнее любовь к делу, кому лично нечего терять и кто ничего не боится*. Такой человек борется не «постольку — поскольку», а — без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой, не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е., чтобы осуществить *всю* свою цель и удержать ее.

Трудно представить себе, что могут сделать два волевых человека, которые укоренились в Боге и в патриотической верности, которые безусловно верят друг другу и сговорились друг с другом на жизнь и на смерть... А три таких человека? А десять? А тысячи?...

Что же нам нужно?

Глубокая вера в то, что наше дело — правое перед лицом Божиим и что молитвенное очищение души даст нам нужные силы. Сосредоточенная подготовка своей воли и своего умения. Неошибающийся отбор волевых и безусловно доверяющих друг другу людей. Выдержанный, трезвый расчет в борьбе. И неколеблющееся подчинение единому вождю и единому плану.

Вот на что и на кого нам надо надеяться.

* См. мои «Три речи о России». См. также соответствующие статьи в журнале «Русский Колокол», кн. 1-9.

2. О русском самостоянии

При свете того мученического костра, на котором горит Россия, мы должны пересмотреть все основы нашего государственного быта и нашего национального самочувствия. И первое, чему мы должны научиться, — это *русскому национальному самостоянию*.

Мы должны укрепить в себе и в наших детях и внуках — *инстинкт национального самосохранения*. Мы должны научиться слышать его в наших душах и повиноваться его требованиям. Мы должны понять, что все совершившееся с Россией во время великой войны и революции и еще совершающееся на наших глазах, — возникло оттого, что в русском народе временно помрачилось духовное самосознание и временно ослаб инстинкт национального самосохранения, тот самый инстинкт, который увел его от татар из южных степей в северные леса, который вел политику московских князей, собирателей Руси, который вывел Россию из татарщины и смуты, повел ее за Петром Великим и Ломоносовым, восстал на Наполеона и замирил оружием, колонизацией и культурой одну шестую часть земной поверхности. В этом исторически замедленном, но великом подъеме русский народ обнаружил такую силу и гибкость инстинкта самосохранения, такой государственный смысл и такт, такую способность личного самопожертвования, такое всеперемалывающее и всепобеждающее терпение, такую цепкость, верность себе и самобытность, что сомневаться в его грядущем возрождении могут только совершенно неосведомленные и непомерно жадные иностранцы. Русский народ восстанет и возродится. Но для того, чтобы это совершилось, должно быть преодолено то временное *изнеможение его национального инстинкта*, то временное *помрачение его духовного самосознания*, которое привело его к нынешнему состоянию. Гнет коммунистов является, по-видимому, величайшим препятствием для этого; но именно он-то и пробуждает, и углубляет, и закаляет русское национальное самосознание, в унижениях и муках подготовляя великий подъем религиозной веры и национального чувства.

Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя *ничем*. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души — свое *единство*, свою неразрывную связь и сопринадлежность, свою *самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия* перед лицом Божиим; он должен чуять свое «мы» и его величие; он должен верить в свои *силы*, а свою *правду* и в свою *богоблагословенность*. И это чувство и чутье, эта вера и гордость должны будить в нем в роковые исторические часы ту особую природно-инстинктивную «муравьиность» и «пчелиность», без которых ему нельзя отстаивать свое существование на земле.

Здесь нужна не хвастливость, не гордыня и не «мессианская» мания величия. Здесь нужна крепкая *вера в Бога и воля к жизни*. Здесь необходимо полусознательное, национально-государственное чутье; и чувство собственного достоинства. *Нация есть живая система самоутверждения и самопомощи*. Ей не на что и не на кого надеяться, кроме Бога и своих собственных сил. И после верности Богу — у нее нет другого высшего закона, кроме самоподдержания и расцвета духовно-национальных сил. Народ призван блюсти себя сам. Он призван к духовному и государственному *самостоянию*. Он сам должен уметь заклинать свои злые страсти и будить свои благие силы. Он должен помнить, что всяким изнеможением его инстинкта и всяким помрачением его самосознания — беззастенчиво и безжалостно воспользуются все его непоколебавшиеся и не помрачившиеся соседи. Ибо миром международных отношений движет не благородство, не благодарность и даже не правосознание, а интересы и силы народов.

Только самодеятельностью спасаются народы. Только в самостоянии будет жить Россия. Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: *молитвенным подъемом и действенной волей*.

3. Историческое единство России

Россия должна прежде всего почувствовать сердцем и волею, а затем восстановить и организовать на деле — свое *духовное единство*.

Духовное единство России доказано той великой, — самобытной и глубокой, — культурой, которая была создана единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура создавалась в течение целого *тысячелетия*, на единой, все расширявшейся территории, в единой и общей *равнинной* природе, в едином сурово-континентальном *климате*, под единой *государственной властью и системой управления*, при едином государственном и культурном *языке*, в единой судьбе международных *войн и социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества*. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях, и, наконец, то *основное единство в восприятии мира, людей и государства*, которым русские народы без различия племени отличаются от западно-европейских народов.

Из этого единого и общего «материала» жизни и быта, *славяно-русское племя*, исповедовавшее христианско-православную веру, создало и выносило *тот самобытный духовно-творческий акт*, которым творилась и создавалась *русская национальная культура*.

Славяно-русское племя исторически вело и государственно строило Россию. Оно никогда не угнетало других, численно меньших племен, но само вынуждено было то свергать их гнет (татарское иго), то обороняться всею силою от их завоевательных вторжений (крымские татары, литовцы, поляки, шведы). Русский народ не жесток и не воинствен; он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен. Но русские равнины были искони со всех сторон незащищены и открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. И потому России пришлось провоевать ровно *две трети* своей жизни. Издревле русский пахарь погибал без меча: а русский воин кормился сохою и косою. Замирение и колонизация шли тысячу лет рука об руку*.

Славяно-русское племя, проведшее Россию через все эти испытания, не отгораживалось от замиренных и присоединенных им племен, даже тогда, когда они были совершенно чуждыми ему в расовом отношении, но принимало их постепенно — гражданственно, кровно, культурно и правительственно — в свой состав. Различия не исчезли, но равноправие и душевно-бытовое общение вызывали к жизни духовно-братское единение. Вследствие этого *духовно-творческий акт славяно-русского племени*, не изменяя своей природе, *приобретал все новые горизонты и задания:* чтобы вести Россию, он должен был становиться *все более свободным, гибким, отзывчивым и глубоким*. Его вели: *славянская даровитость и вселенское дыхание русского Православия*. И когда он окреп и развернул свое творчество, то оказалось, что Россия есть не пустое слово и не просто единое государство, — но *система духовного единства, созидаемая единым, русско-национальным духовным актом*.

Этот единый акт есть, по глубине и гибкости своей, национальный акт для всех племен России: все они найдут себе в нем творческий исход и родную стихию. Он собрал все их различные творческие струи и, впитав их, уместил, угнездил их в себе. Этим он их принял, освободил и оформил. И всякий сын России, владеющий русским языком, найдет себе в русской вере, в русской добродетели, в русской песне и музыке, в русской живописи и архитектуре, в русской науке и философии, в русском праве и правосознании — такие пути жизни и такие формы творчества, которых никогда не даст ему ни один чужой народ.

Это *духовно-культурное* единство России завершается ныне, как и встарь, ее *территориально-политическим* единством, ее общею *международно-военною* судьбою и ее *хозяйственно-производительною* и торговою сопринадлежностью. Россия не выдумана дерзким завоевателем, подобно империи Наполеона; она не есть недавно и наскоро построенная федерация, подобно Штатам Северной Америки. Она есть живой, духовно и исторически сложившийся *организм*, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия.

* См. мои «Три речи о России». См. в «Русском Колоколе» статьи Б. А. Никольского: № 3 «Воины России», № 5 «Русская Колонизация».

4. Что дало России Православное Христианство

Национальная духовная культура творится из поколения в поколение не сознательной мыслью и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа; и прежде всего, *инстинктом и бессознательными, ночными силами души*. Эти таинственные силы души способны к *духовному* творчеству только тогда, если они озарены, облагорожены, оформлены и воспитаны *религиозной верою*. История не знает культурно-творческого и духовно-великого народа, пребывавшего в безбожии. Самые последние дикари имеют свою веру. Впадая в безверие, народы разлагались и гибли. Понятно, что от совершенства религии зависит и высота национальной культуры.

Россия была искони страною Православного Христианства. Ее творчески ведущее национально-языковое ядро всегда исповедовало Православную Веру.* Вот почему дух Православия всегда определял и ныне определяет столь многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта. Этими дарами Православия в течение столетий жили, просвещались и спасались все русские люди, все граждане Российской Империи, — и те, которые о них забывали, и те, которые их не замечали, от них отрекались или даже их поносили; и граждане, принадлежавшие к инославным исповеданиям или инородным племенам; и другие европейские народы за пределами России.

Для исчерпывающего описания этих даров понадобилось бы целое историческое исследование. Я могу указать на них лишь кратким исчислением.

1) Все основное содержание христианского откровения Россия получила от православного востока и в форме Православия, на греческом и славянском языке. «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир» (Пушкин). Эту священную стихию — крещения и облечения во Христа Сына Божия — русский народ переживал в Православии. Оно было для нас тем, чем оно было для западных народов до разделения церквей; оно давало им то, что они впоследствии утратили, а мы сохранили; за этим утраченным духом они начинают ныне обращаться

* См., напр., статистические данные Д. Менделеева. К познанию России. Ст. 36-41, 48—49. К началу XX века Россия насчитывала около 66% православного населения, около 17% неправославных христиан и около 17% нехристианских религии (около 5 миллионов евреев и около 14 мил. тюрко-татарских народов)

к нам, потрясенные мученичеством Православной Церкви в России.

2) Православие положило в основу человеческого существа *жизнь сердца* (чувства, любви) и исходящего из сердца созерцания (ви́дения, воображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от *воли* к *рассудку*; — от протестантизма, ведущего веру от *разума* к *воле*. Это отличие, тысячу лет определявшее русскую душу, остается навеки; никакая «уния», никакое «католичество восточного обряда», никакое протестантское миссионерство — не переделает православную душу. Весь русский дух и уклад оправославлены. Вот почему — когда русский народ творит, то он ищет *увидеть и изобразить любимое*. Это основная форма русского национального бытия и творчества. Она взращена Православием и закреплена славянством и природой России.

3) В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое *чувство совести*, мечту о праведности и святости, верное осязание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство «правды» и «кривды», добра и зла.

4) Отсюда же столь характерный для русского народа *дух милосердия* и всенародного, бессословного и сверхнационального *братства*, сочувствие к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику*. Отсюда наши нищелюбивые монастыри и Государи**; отсюда наши богадельни, больницы и клиники, создававшиеся на частные пожертвования.

5) Православие воспитывало в русском народе тот *дух жертвенности, служения, терпения и верности*, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех своих врагов и не построила бы своего земного жилища. Русские люди в течение всей своей истории учились строить Россию «целованием Креста» и почерпать нравственную силу в молитве. *Дар молитвы есть лучший дар Православия.*

6) Православие утвердило религиозную веру на *свободе* и на *искренности*, связав их воедино; этот дух оно сообщило и русской душе и русской культуре. Православное миссионерство стремилось приводить людей «на крещение» — «любовью», а никак не страхом***. Именно отсюда в истории России этот дух религиозной и национальной терпимости, который инославные и иноверные граждане России оценили по достоинству лишь после революционных гонений на веру.

7) Православие несло русскому народу все дары христианского *правосознания* — волю к миру, братству, справедливости, лояльности и солидарности; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению, словом, — все то, что может приблизить государство к заветам Христа****.

8) Православие вскормило в России чувство *ответственности* гражданина, чиновника и Царя пред Богом, и прежде всего упрочило идею призванного, помазанного и Богу служащего монарха. Благодаря этому тиранические государи были в истории России сущим исключением. Все гуманные реформы в русской истории были навеяны или подсказаны Православием.

9) Русское Православие верно и мудро разрешило труднейшее задание, с которым почти никогда не справлялась западная Европа, — найти правильное соотношение между *церковью и светскою властью******, взаимное поддержание, при взаимной лояльности и взаимном непосягании.

10) Православная монастырская культура дала России не только *сонм праведников*. Она дала ей ее летописи, т. е. положила начало русской *историографии* и *русскому национальному самосознанию*. Пушкин выражает это так: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением»*. Нельзя забывать, что Православная вера долго считалась в России истинным критерием «русскости».

11) Православное учение о бессмертии личной души**, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя» — дало *русской армии* все источники ее рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно послушного и всепреодолевающего духа, развернутого в ее исторических войнах и особенно в учении и в практике А. В. Суворова, и не раз признававшегося неприятельскими полководцами (Фридрихом Великим, Наполеоном и др.).

12) Все русское *искусство* изошло из православной веры, искони впитывая в себя ее дух — дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности***. Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеяна церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества.

Все ли здесь исчислено? Все ли упомянуто? Нет. Здесь еще не сказано о православном старчестве, о православном паломничестве, о значении церковно-славянского языка, о православной школе, о православной философии. Но всего здесь и нельзя исчерпать

Все это и дало Пушкину основание установить как незыблемую истину: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»****.

Таково значение Православного Христианства в русской истории. Вот чем объясняются те лютые, исторически неслыханные гонения на Православие, которые оно претерпевает ныне от коммунистов. Большевики поняли, что корни русского христианства, русского национального духа, русской чести и совести, русского государственного единства, русской семьи и русского правосознания — заложены именно в православной вере, поэтому они пытаются искоренить ее. В борьбе с этими попытками русский народ и православная церковь выдвинули целые сонмы исповедников, мучеников и священномучеников; и в то же время возродили религиозную жизнь эпохи катакомб, — всюду, в лесах, в оврагах, в селах и городах. За двадцать лет русский народ научился сосредоточиваться в молчании, очищать и закалять свою душу перед лицом смерти, молиться шепотом, организовывать церковную жизнь в гонениях и закреплять ее в тайне и тишине. Закладывается фундамент новой России: она будет строиться на священной крови и на молитвенных слезах.

И ныне, после двадцати лет гонений, коммунисты должны были признать (зимой 1937 г.), что одна треть городских жителей и две трети сельского населения продолжают открыто веровать в Бога. А сколькие из остальных веруют и молятся *втайне?*...

Гонения пробуждают в русском народе новую веру, полную новой силы и нового духа. Страдающие сердца восстанавливают свое исконно-древнее религиозное созерцание. И Россия не только не уйдет от Православия, как надеются ее враги на западе, но укрепится в священных основах своего исторического бытия.

Последствия революции преодолеют ее причины.

* См., напр., у Достоевского, Дневник Писателя за 1873 г., статья III «Среда» и ст. V «Влас».

** Срв., напр., у И. Е. Забелина. История города Москвы, стр. 431—432 и др.

*** Из наставления Митрополита Макария первому казанскому архиепископу Гурию в 1555 г. См. Русский Колокол, кн. 2, стр. 42. Статья И. И. Лаппо. Исключения только подтверждают основное правило.

**** См. ниже главу шестнадцатую.

***** См. ниже главу двенадцатую. Имеется в виду допетровская Россия.

* Пушкин. «Исторические Замечания». 1822 г.

** Утраченное в современном протестантизме, толкующем «вечную жизнь» не в смысле бессмертия личной души, которая признается смертной.

*** См. у Гоголя «В чем же наконец существо Русской Поэзии». А также «О лиризме наших поэтов». Срв. мою книгу: «Основы Художества. О совершенном в искусстве».

**** Пушкин. «Исторические Замечания». 1822 г.

5. Творческие уроки русской истории

Для того, чтобы увидеть будущую Россию и верно пойти ей навстречу, мы должны глубоко вдуматься и вчувствоваться в русское историческое развитие, как бы подслушать *законы* и *формы русского национального бытия* и сделать соответствующие выводы. Эти выводы будут приблизительно таковы.

1. Для того, чтобы русская жизнь духовно цвела, вера должна быть в России свободна*, а церковь — не подчинена государственной власти. Только свободная вера искренна; только искренняя вера цельна и сильна; только цельная и сильная вера воспитывает людей и вдохновляет их творчество.

2. Для того, чтобы религиозно воспитать народ, христианская церковь должна преодолеть в себе склонность к сентиментальному непротивленчеству и преклонение перед западным богословием. Православная церковь, строившая Россию, была мироприемлюща и национальна; она не отвергала государства и блюла верные и мудрые пути *восточного* православия.

3. Русский народ справится с историческим бременем и опасностями только тогда, если это бремя будет несомо *всеми*. Все русские люди должны быть вовлечены в судьбу и в борьбу своего отечества. Это участие совсем не должно выражаться непременно в «демократических» «голосованиях», в которых обычно своекорыстные люди противогосударственно отвечают на непонятые вопросы. Это участие должно выражаться во внутреннем отношении к России и в вытекающих из него организованных действиях. Каждый русский человек должен любить свою родину, видеть сердцем и волею ее пути, принимать правосознанием ее законы и ее власть и искать жертвенного служения России на законных путях. Задача власти — открывать и подсказывать эти пути всем гражданам. В этом основная задача будущего русского государственного устройства.

4. Государство совсем не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана. Корень его жизненности *внутри* человека: в его *правосознании*. Поэтому в душах должно воспитываться от малых лет и на протяжении всей жизни здоровое правосознание, приемлющее *за совесть* правопорядок, законы и власть. Правосознание есть крепчайший цемент государства, источник его силы и расцвета.

5. Россия будет творить свою культуру и цвести только тогда, если в русских людях сложится сильный, духовный и дисциплинированный характер. Бесхарактерная Россия будет подкуплена, обманута, разложена и завоевана другими народами. Русскому человеку необходимы — закон, мера и форма. Его величайшая опасность — разнуздание и всесмешение**.

6. Никакое государство не может строиться без жертвенности. К России, с ее опасностями и затруднениями, это относится с особенной силой. Но это распределение жертв между сословиями и классами *должно быть равномерным, посильным и братским*. Абсолютная справедливость неосуществима; но у всех граждан должна быть живая уверенность, что справедливость ищется искренно, всенародно и правительственно.

7. Россия многонациональна и многоисповедна. Без взаимного братского признания и уважения, без культурной автономии и терпимости Россия не сможет объединиться и окрепнуть.

8. Русский человек даровит и предприимчив. Его творческая инициатива должна быть не скована, а освобождена и поощрена. Достаточно вспомнить историю русской колонизации; историю русского казачества; историю русской торговли; введение подушной подати Петром Великим, развязавшее на сто лет запашку земли; земельную реформу Столыпина...

9. Россия при ее объеме и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость ни вызывалась: безволием правителя, противодействием партий или международной зависимостью. Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть в то же время — не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубо-насильственной. Она должна быть ответственной и творческой; с дальнозоркой, большой идеей, с чистыми руками и с жертвенным служением.

10. Россия искони велась и строилась своими законными монархами. Ее история отмечает республиканскую форму *два раза* — московская «семибоярщина» в эпоху Смуты (1609—1612) и современное нам революционное бедствие (1917—1938?). Это означает, что *Россия становилась республикой только в периоды разложения и провала*. Русская политика велась *князьями и государями* в период домонгольского киевского расцвета, и эпоху татар и освобождения от них, в эпоху возвышения Москвы, в эпоху возвышения Петербурга, в эпоху имперского и императорского объединения России, в эпоху освобождения крестьян и предреволюционного роста. Это историческое сопоставление говорит само за себя.

11. Историческая задача верховной власти в России была и будет всегда одна и та же: властно внушаемая сверху солидаризация всего народа вопреки сословному и классовому делению; организация России в *духе братской корпорации* и в то же время *в форме отеческого учреждения*; патриотическое объединение русских людей и народностей на основах веры в Бога, верности, чести, служения и жертвенности, при постоянном привлечении творчески сильных и идейно-талантливых людей снизу.

12. Россия может быть сильна и свободна только тогда, когда духовно и государственно на высоте ее ведущий слой (духовенство, офицерство, чиновничество, интеллигенция). Крушение ведущего слоя означает всегда крушение здоровой государственности и распад страны. Так всегда было, так всегда и будет.

13. России необходимо, чтобы ее *средний слой* был многочислен, состоятелен, патриотичен и организован. России необходимо, чтобы ее *крестьянство* владело землею на праве частной собственности; чтобы оно имело гражданское полноправие; чтобы оно вело интенсивное хозяйство. России необходимо, чтобы ее *рабочее сословие* было братски поставлено в достойные — духовные, материальные, жилищные, оседлые и семейные — условия жизни.

14. Жизнь России требует, чтобы все стояли за каждого, а один за всех; чтобы правительство и армия были неотрывны от народа, а народ от них; чтобы национальный инстинкт самосохранения чувствовал себя духовно правым и религиозно благословленным.

Таковы творческие уроки русской истории.

Продолжение в следующем номере.

* Это не относится к учениям сатанинским, противоестественным и противогосударственным.

** См. мои брошюры «Три речи о России» и «Творческая идея нашего будущего».

ЛИТЕРАТУРА

СТИХИ. ПОВЕСТЬ. РАССКАЗ.

До самого вечера Шонин пребывал в беспокойстве. Несколько раз выкатывал свой мотоцикл, проезжал по деревне, как будто по делу, но на самом деле только за тем, чтобы взглянуть на дом Кости Будио. Пару раз видел самого Костю, но ничего не заметил в его поведении необычного и тревожился еще пуще.

Дважды огородами прибегал к нему его тайный помощник Витька Ситнииов, они шептались в гараже, и Витька огородами же убегал.

Заглянул к егерю. Жена опухла от слез. Егерь до сих пор не вернулся. Это тоже тревожило, отвлекало от главного.

Путеев валялся на сеновале и каждый раз, увидев Шонина, начинал приставать с расспросами по поводу того, нто в него стрелял да как участковый собирался поймать убийцу. Шонин рычал на него и не очень громко материл. Волнение Шонина передалось жене, и она тоже весь этот день как-то без пользы суетилась по дому, все у нее падало из рук, все не получалось, но с расспросами к мужу не лезла, знала, может нарваться на матюги, а ничего дельного не услышит. Если что нужно, муж скажет сам.

Если действительно у человека существует чутье к событиям и если Шонин этим чувством не был обделен, то есть имел его, то теперь именно чутье подсказало ему, что подходят те самые часы, когда решится успех или неуспех его дела. Иногда ему казалось, что всю эту ночь должен он сидеть на мотоцикле в полной готовности, что должен не смыкать глаз, а к утру подобраться куда-то ближе к дому Кости Будко. Но как назло хотелось спать — сказывалось непривычное напряжение последних дней.

До полуночи шатался он по двору. Несколько раз выходил на улицу, смотрел на освещенные окна дома Будко, и лишь когда на его глазах свет в оннах погас, он, наконец, решился прилечь, не раздеваясь, и уснул почти в тот же миг, иак тольио его голова коснулась подушки.

А в седьмом часу утра прибежал Витька Ситников и сообщил, что хотя лодка будковская на месте, дома его нет, и, значит, он берегом пошел и, видимо, бреднем собирается браконьерничать.

— Какой черт, берегом! — взревел Шонин, сунул в карман куртки пистолет и кинулся в гараж.

— Проспал! Проспал, сукин сын!

— Да нет, дядя Василь, — оправдывался мальчишка, — я засветло к дому его подобрался...

— Да не ты, я проспал! Я! Старый осел! Открой иалитку!

Мотоцикл с ревом вылетел на улицу. По улице Шонин пролетел вихрем, и хоть время было раннее, деревня всполошилась мгновенно и не на шутку. Но Шонину до деревни уже не было дела. Все его дело было теперь там, куда шел Костя Будко, — на базе. Шонин понимал: если опоздает, на базе может произойти убийство, и в этом убийстве будет повинен один он и никто больше. Выжимая всех лошадей из своего мотоцикла, он попытался прикинуть, как рано вышел из дома Будко. Если в полночь он погасил в доме свет, значит, все же мог спать и тут надежда, что хоть часов пять он поспал. А если так, то вышел он из дому в пять — в шестом, и фора у него час или полтора. По тракторной колее Шонин надеялся проскочить на мотоцикле примерно треть пути. Далее — тропа, и мотоцикл придется бросить. Но эту треть он проскочит в четыре — в пять раз быстрее и тем самым сократит фору. Догнать Будко уже не удастся, но, может быть, удастся придти на базу по горячему следу, как, собственно, и надо бы, и тогда все образуется...

Если бы мотоцикл был без коляски, можно было бы по тропе просиочить, да и по иолее сподручнее без коляски, а с ней, проклятой, Шонин едва мог дать двадцать-тридцать километров в час, а в неиоторых местах вообще еле полз. Колеса мотоцикла шли по глубокой колее, а колесо коляски задралось вверх, и как только он пробовал прибавить газу, иоляску заносило, и Шонин едва успевал ногой упереться, чтобы не опрокинуться.

Когда Шонин, накоиец, достиг того места, где колея уходила на многокилометровый обход и напрямую из колеи шла на базу тропа, он взглянул на часы и сообразил, что если Будко вышел из дома в пять часов, то до базы ему еще не меньше получаса ходу, а самому Шонину самое меньшее час и двадцать минут. Разрыв по времени был очень опасным. За сорок минут на базе может случиться все что угодно. А что делать? Теперь уж нечего делать! Нужно идти и очень быстро. И Шонин пошел.

Когда он в эти минуты думал обо всем, что случилось, о последствиях, которые могут поломать его честную биографию — одно обстоятельство успокаивало его! Он не жалел, что взялся за это дело. А если сожаления не было, значит, все должно кончиться хорошо. И участковый еще прибавил ходу.

Вдруг послышалось похрапывание ионя. Шонин спрятался за ближайший кедр и через минуту увидел егеря. Тот сидел на своем «черте», поперек седла свешивались два плотно набитых мешка.

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 3/1991.

«Вот незадача! — выругался Шонин. — Не ко времени он мне попался, а остановиться придется».

— Стой! — криинул он егерю и вышел из-за кедра. Лузин остановился сразу. Угрюмо смотрел на участкового и молчал.

Шонин даже поежился, таким уж заправским разбойником выглядел егерь на черном коне с винтовкой за плечом. Встретил бы такого, не будь при службе, то есть с пистолетом, задрожали бы коленки.

За последиее время впервые оценил Шоиин реальные преимущества своего служебного положения. А угодит на пенсию, станет просто мужиком, как прочие, вот тогда как он будет чувствовать себя и как будут к нему, расставшемуся с пистолетом, относиться люди, те, кто сегодня добровольно или по принуждению сотрудничают с ним?

Нет, нужно еще подумать насчет того, спешить ли с уходом на пенсию!

Шонин подошел вплотную.

— Страшное дело ты делаешь, Матвей, что крадешь у меня сейчас время. Потому говори быстро, зачем ускакал в тайгу после нашего разговора и что у тебя в мешках. Христом Богом прошу, быстро говори, коли стал ты мне поперек тропы!

Задвигались квадратиые плечи егеря. Казалось, как гаркнет сейчас, так и не будет Шонина на ногах вместе с его должностными преимуществами и пистолетом. Но егерь лишь слез с коня, развязал ремни, взвалил себе на плечи мешки, с ними подошел к машинально отступившему Шонину, и кинул их ему под ноги.

— Смотри.

— Некогда, некогда мне с мешками возиться, — успокаиваясь, ответил участиовый, — говори, что в них.

Егерь говорить не желал. Дернул веревку на горловине мешка и вывалил содержимое на тропу. Капканы, ловушки, сети...

— Завязал я с этим делом, Василич! — просящим голосом заговорил, наконец. — Не вали ты меня! Дай по собственной воле уйти. Перееду в другое хозяйство, буду охотничать.

Он еще что-то хотел сказать, но Шонин нетерпеливо перебил его:

— Добро! Уходи! Давно иадо было! О том еще поговорим! А сейчас, коли моей помощи хочешь, окажи мне свою! Согласен?

Всем своим громадным телом егерь затрепыхался от радости.

— Слушай! Я беру твоего коня и скачу на базу! А ты бросаешь тут все свое хозяйство, кроме винтовии, и бежишь за мной! Дело одно предстоит. Ну?!

И не дожидаясь ответа, Шонин молодецки вскочил в седло и крикнул: «Хоть бегом беги, но чтоб быстро»,— и заспешил вперед, уже больше не оглядываясь на егеря.

Теперь он понял, что выиграет дело, а если выиграет, то егеря в обиду не даст. Пусть уходит подобру-поздорову. Даже если понадобится, рекомендацию даст. А что? Лузин — охотник первостатейный.

До базы оставалось совсем пустяк, и еще сюрприз. На тропе жена того бича, что жил в дальнем зимовье, Клавдия. Узнав участкового, она крикнула: «Скорее, там будет убийство!» — и отступила с тропы. Ее крик, каи инут, хлестнул Шонина по лицу. Егерский конь не понимал, что от него хотят, не галопа же! Каиой галоп по таежной тропе, где и камни, и корни, и ветви, и сучки? Шонин же стегал и стегал коня, пока не обломился кнут.

Что может произойти убийство, он знал. Но откуда об этом знает жена бича, никак не замешанного в деле? Или замешанного? Тогда опять ни черта не понятно. И почему она идет из тайги? Почему одна? Где ее муж?

Опять вопросы! И когда! Под самую развязку, когда, казалось бы, какие еще новые вопросы могут появиться, если на главные уже есть ответы!

— Разберемся! — прохрипел Шонин, лягая обеими ногами егерского коня.

Бичи хотя и проснулись уже, но все еще валялись в сарае, когда туда, бесшумно открыв дверь, вошел Костя Будко.

— Привет! — радостно загоготал «цыган». — У нас опять гости! Шикарно живем, братва!

Это было само собой разумеющимся, что если кто-то приходил на базу из деревни, то непременно приносил домашнюю жратву. Бичи зашевелились на нарах, поохивая и постанывая, как бы свидетельствуя о готовности к дармовому угощению.

Будко, однако, не был расположен к юмору. От двери он напрямую шагнул к Струкову и остановился рядом с нарами.

— Поговорить нам надо! — сказал он многозначительио, стегая бича злым взглядом. Тот от взгляда не отвернулся, но беспокойно повел своими мутноватыми глазами туда-сюда.

— Есть иам о чем поговорить? А? — не скрывая угрозы, тихо спросил Будко.

— Это... ну да... — пролепетал Струков, спуская ноги с нар и босыми всовывая их в сапоги. Бичи, удивленные тоном Будко, тоже сели на нарах и смотрели на Струкова в недоумении.

— Вы, хлопцы, поваляйтесь еще малость, — обратился к двум другим Будко, — а мы с Пашей потолкуем на воздухе о том, о сем!

Струков, беспокойно оглядываясь, спрыгнул с нар, дернул штаны, заковылял к дверям неуверенной походиой. Будко вышел за ним, плотно прикрыв дверь сарая.

— Ты что, слушай, — зашептал Струков, — они ведь сообразить могут! Вчера участковый был. Выпытывал!

Не отвечая, Будко пошел в сторону склада, завернул за угол. Струков плелся за ним, и за углом лоб в лоб столкнулся с Будко. Обеими руками тот схватил Струкова за рубаху, так что где-то по бокам затрещали швы, а воротник так сдавил шею, что Струков захрипел, заколотился в могучих руках Кости.

— Что ж ты так хреново стреляешь, рвань! — прошипел Будко в самое ухо бича.

— Пусти, псих! — хрипел Струков и еще что-то котел сказать, но, освободив одну руку, Будко хлестнул его по лицу тыльной стороной ладони. Струков дернулся головой, взвыл. Еще три раза подряд хлестнул его Будко. На губах выступила кровь. Струков уже задыхался и не мог произнести слова, только дергался и хрипел.

— Где деньги? Говори, где деньги, сука подлая? Деньги! — повторил Будио, ткнул кулаком в живот, и когда Струиов осел от удара, отшвырнул его на стену сарая. Стукнувшись головой, Струков сполз на землю, сплевывая кровь.

— Бить буду тебя, пока не сдохиешь, мразина! Говори, где деньги! А за то, что ты меня шлепнуть хотел, у нас особый разговор будет! Ну!

— Что б я сдох, ничего не понимаю! — прошептал Струков распухшими губами. — Только ты, гад, пожалеешь об этом!

— Ну, корошо! — спокойно сказал Будко, снимая с плеч двустволку и прислоняя ее к стене сарая. — Сейчас ты у меня закрутишься!

Только он сделал шаг к Струкову, как тот истошно завыл, и в тот же момент Будко услышал за своей спиной спокойный, но громкий голос:

— Стой!

Будко замер, подумал, что ему послышалось, но обернулся и даже ахнул от удивления. В пяти шагах стоял тот бич, муж Клавки-буфетчицы, которого он когда-то поколотил в конторе промхоза, и целился в него из ружья.

— Вот это да! — Будко снова взглянул на охающего Струкова. — Когда это вы успели спеться? Ты с ним поделиться пообещал, да?

— Шлепни его, Толька! — прокричал Струков. — Сволочь он! Я для него дело делал, а он меня вишь как!

Будко теперь уже полностью развернулся к Семенкову.

— Так, значит, это ты в меня стрелял? — не то спросил, не то догадку высказал.

— Я в тебя сейчас стрелять буду, потому что ты скотина, и жить тебе на земле нельзя, — каким-то уж очень спокойным тоном ответил Семенков, и Будко поежился от его голоса, готовясь к прыжку. Этого бича он понял еще тогда, у конторы, этот шлепнет! Палец Семенкова лежал на спусковом крючке, но именно по выражению его лица Будко понял, что сейчас будет выстрел. Вдруг Семенков разом опустил ружье и что-то, кажется, хотел крикнуть, а в это время поднявшийся с земли Струков уже замахивался прикладом. И откуда у него, избитого, вдруг взялась резвость. Все произошло в одно мгновение. Струков замахнулся, Семенков, увидев вмешательство Струкова, хотел, видимо, остановить его и опустил ружье, Будко, откачнувшись влево, кинулся на Семенкова, и удар приклада пришелся ему не по голове, а по спине! От удара Будко потерял равновесие, головой ткнул Семенкова в живот, куда-то в стену сарая грохотнуло ружье, Будко упал на Семенкова, на спину ему разъяренной кошкой прыгнул Струков и начал колотить его кулаками по ушам, заплевывать кровью. Этот рычащий клубок из трех человек несколько раз перевернулся по траве, но на выстрел уже прибежали Копылов с «цыганом», и теперь клубок из пяти тел катался вдоль стены сарая, и тут на поляну вылетел на егерском коне участковый Шонин. Не слезая с коня, он дважды трахнул в небо из пистолета и заорал как мог: «Прекратить! Встать! Все арестованы! Встать!» Но клубок был больно запутан, чтобы распутаться по первому окрику, и Шонин, соскочив с коня, подбежал, начал пинать куда ни попадя, крича и приказывая встать. Все опомнились как-то сразу, медленно поднимаясь с земли, удивленно пялились на как с неба свалившегося участкового.

— А ну, все к стене! — скомандовал Шонин и все попятились к сараю, и лишь Семенков продолжал сидеть на траве, не то оглушенный, не то напуганный. Увидев Семенкова, Шонин чертыхнулся про себя. Опять ерунда какая-то. Не должно быть здесь этого доловязого! Опять какая-то путаница! И обозленный на Семенкова за то, что тот своим присутствием путал уже вроде бы совсем распутанное дело, Шонин зло заорал на него:

— А тебя не касается? А ну, к стене!

Семенков поднялся, хотел взять валявшееся здесь же свое ружье, но Шонин гаркнул:

— Не тронь!

От окрика рука Семенкова отдернулась от ружья, и он бочком попятился к стене сарая и у стены оказался рядом с Будко, но он теперь будто бы потерял интерес ко всему, стоял мрачный и лишь шевелил зашибленным плечом.

Шонин еще кричал на них, что, дескать, кто тронется с места, тому пуля, и наставлял то на одного, то на другого пистолет, а сам про себя решал важный вопрос: кто же здесь кого бил? Кто подельник Будко? Гадать особенно не приходилось, хотя в крови были и Будко, и Семенков, и Струков, но лицо Струкова разбухало прямо на глазах, да и взгляды, что кидал он на Будко, определили для Шонина самое главное.

«Надо же, — удивлялся Шонин, — ленивый поросенок, разве подумаешь на такого!»

— Ну, — произнес он другим, теперь уже спокойным и многозначительным тоном, — кто будет рассказывать?

Выждав минуту, он вперил в Струкова проницательный взгляд, ткнул в его сторону пистолетом.

— Может быть, ты?

Струков шваркнул распухшим носом, сплюнул кровь, злобно зыркнул на Будко и сказал даже с некоторым вызовом в голосе:

— А хотя бы и я!

Снова покосился на Будко, на лице которого было выражение равнодушия ко всему происходящему, и стоял-то он в такой свободной позе, словно сам подошел к стене послушать чужой разговор.

— Пятки бы мне поджигали, хрен бы раскололся! Но коли ты со мной так...

Это уже напрямую в адрес Будко. Тот посмотрел на него презрительно и отвернулся.

— В общем, я винтовки увел! — почти крикнул Струков. — Для него вот! Он сам, вишь, в кустиках на атасе сидел, а я брал! Для него! А он меня, вишь чего!

И Струков снова сплюнул кровь.

Ничего не понимая, вертел головой Семенков. «Цыган» и Копылов от удивления даже о приказе участкового забыли, отошли от стены, рассматривая своего приятеля, от которого, как и Шонин сам, никак не ожидали такого подвига. Шонин мог бы и прикрикнуть на них, но душа его ликовала. Только что прозвучало признание! И это значит, что он нашел воров, что он победил! Радость рвалась из сердца участкового! Он сейчас был готов расцеловать всех бичей подряд и даже самих преступников. Господи! Только он сам знает, как он рисковал, как важно ему было опередить следствие! И вот победа! Преступление раскрыто за три дня! Кто из районных может похвастаться таким успехом?! Он утрет нос мальчишкам, которые похлопывали его по плечу...

Тут из-за угла медведем выскочил егерь с винтовкой в руках. По нему было видно, что бежал он бегом не один километр, спешил оказать услугу участковому. Он так запыхался, что даже спросить ничего не мог. Мотая головой, он занял боевую позицию рядом с Шониным и метал кровожадные взгляды на бичей.

— Добро! — кивнул ему Шонин. — Ну, ты, — он ткнул пистолетом на Струкова (и егерская винтовка тотчас же уставилась туда же), — иди и принеси мелкашки! А после разговор продолжим.

Было опасение, что мелкашки где-нибудь далеко, и за ними нужно куда-нибудь идти, а это время... Хотелось увидеть их немедленно и тем закрепить триумф!

Струков покорно отделился от стены, и Шонин радостно вздохнул.

— Поди с ним! — сказал он егерю, и тот немедленно занял позицию конвойного за спиной Струкова. Все оставшиеся проводили их взглядом, а «цыган», когда те скрылись за углом, хлопнул вдруг Копылова по плечу и расхохотался.

— Ну, и дела! Василич-то наш, ты смотри! Ну, ты даешь, Василич! — это уже Шонину.

Шонин еле сдержал самодовольную улыбку.

— А ты не веселись! — сказал он «цыгану» с не очень-то удачными интонациями угрозы в голосе. — К тебе у меня тоже вопрос имеется. Где был в день преступления?

«Цыган» довольно ухмыльнулся, но вдруг осекся, кинул быстрый взгляд на Семенкова.

— При нем ничего не буду говорить!

Одинаковая кривая ухмылка пробежала по лицам Копылова и Будко, и Шонин облегченно вздохнул. Ему теперь все было ясно. Можно было больше никого ни о чем не спрашивать, но спрашивать все же надо было, и он подозвал к себе Семенкова.

— Подними ружье!

Семенков поднял и стоял напротив Шонина мрачный и весь какой-то опущенный.

— Что у тебя с женой-то произошло?

— Ничего не произошло! Тебе-то что? — огрызнулся Семенков.

— Если ничего не произошло, то чего ж ты ее одну из тайги отпустил? — спокойно продолжал Шонин.

Семенков захлопал глазами.

— Встретил я ее на тропе.

Некоторое время Семенков смотрел на него расширенными глазами и вдруг, швырнув ружье на землю, сорвался с места.

Шонин не остановил его. Бичи криво ухмылялись вслед убегающему Семенкову.

— Ну, так где вы были в прошлый четверг? — обратился Шонин сразу к «цыгану» и к Копылову.

— У Клавки мы были, — без всякого угрызения совести ответил «цыган».

— Оба сразу? — глухо спросил Шонин.

— Ну, зачем? Копылуха мужа по тайге таскал, а я... — «цыган» подмигнул Шонину.

— Подонки! — коротко резюмировал Шонин.

Из-за угла появились сначала Струков с мелкокалиберками в руках, за ним егерь с винтовкой наперевес. Забыв обо всех приказах Шонина, бичи подскочили к Струкову, схватили винтовки, завертели в руках, восхищенно цокали языками. Один Костя Будко стоял у стены скучая и даже не смотрел в ту сторону. Шонин же словно оттягивал тот волнующий момент, когда ладони коснутся того, что искал всей силой своего умения, искал, словно всему миру доказывал о себе что-то очень важное, в чем мир до сих пор сомневался или мог сомневаться!

— А ну, отойди! — гаркнул он. Подошел к Струкову, убрал пистолет в карман, протянул руки и взял мелкокалиберные десятизарядные винтовки. Подержал их в руках, положил аккуратно на траву, подошел вплотную к Струкову.

— Ну, а теперь иди и принеси деньги!

Струков отшатнулся от него, как от чумного.

— Иди ты, знаешь куда! Какие деньги? Этот тоже деньги требовал! Откуда деньги? Вы что, психи все?

А все смотрели на Струкова, и от этого общего внимания Струков скорчился, как от колик в животе и заорал визгливо:

— Дело пришить хотите, гады! Не было денег!

Тут он резко развернулся к Будко.

— А, может, ты?

Подошел к Шонину.

— Василич, он с меня какие-то деньги требовал! Ты его спроси. Я ни про какие деньги не слышал, а он знает! Его спроси!

Глядя на Струкова, на физиономии которого было такое искреннее возмущение, Шонин понял, что денег он не получит. Идея проста. Много ли бичу дадут за винтовки, к тому же главным в краже был явно Будко. Отсидит, вернется, отыщет деньги, которые, он, конечно, хорошо упрятал, на какое-то время хватит побездельничать, сумма немалая — десять тысяч. Но куда он денется! Салага! Раскололся наполовину, расколется до конца. Он же, Шонин, свое дело сделал. Воров нашел, часть краденого нашел. Остальное — дело техники, следствия.

— Павел Струков и Константин Будко! — со строгой торжественностью провозгласил участковый. — Вы объявляетесь задержанными по подозрению в ограблении экспедиции, краже денег в сумме десяти тысяч, двух мелкокалиберных винтовок и пяти банок консервов.

— Десять тысяч! — ошалело прошептал Струков.

Бичи, тоже потрясенные суммой, стояли с открытыми ртами.

На фоне общего молчания тихий смешок Будко прозвучал вызывающе даже для Шонина. Все обернулись к нему.

— Хотел бы я знать, куда он пять банок тушенки спрятал? В ширинку, что ли?

— Ну, да! — отозвался Струков. — Туфту, начальник, гонишь! Тушенка, верно, лежала там. Да я это же, псих, что ли? Мы с винтовками через лес до тракту бегом бежали. Слышь, Костя! Они нам дело шьют!

«Черт возьми, и верно! — подумал Шонин. — Деньги бич мог хоть в штаны сунуть, а с тушенкой какая-то ерунда получается! Если у них по плану бежать надо было, то на хрена тушенка? Ну да ладно. В районе разберутся!»

— Нет, ты скажи, — заговорил «цыган», обращаясь к молчавшему до сих пор Копылову, — силен наш Паша! Как он нас в тот день уговаривал к Клаве смотаться!

Стоявший близко к Струкову Копылов вдруг ударом ноги в зад сбил Струкова с ног. На него кинулся егерь, оттащил в сторону за воротник рубахи, сунул ему под нос свой громадный кулак. Шонин даже не успел вмешаться.

Поднимаясь с земли, Струков злобно зашипел:

— Выслуживаешься, гад!

— Заткнись! — прорычал Копылов. — Из-за тебя, салага, теперь нам жизни в тайге не будет! Мало тебе еще Костя морду квасил!

Забеспокоился и «цыган».

— И верно, Василич, мы-то ведь ни при чем! Или нас тоже за воротник?

— Кобели вы! — ответил Шонин. — Зачем к Клавке бегали! Ведь жизнь им поломали! Кобели!

— Да брось ты, Василич, она ж сама еще та сука...

— Все! — отрезал Шонин. — Идем в деревню. Вы, — он ткнул пальцем в «цыгана» и Копылова, — сидите здесь! Можете понадобиться следствию. С базы ни шагу. Иначе я вам всем срока намотаю! Найду за что! Понятно?

Бичи скисли.

— Впереди пойдет Матвей, за ним Струков, Будко, я замыкающий! Кто шаг с тропы сделает, стреляю без предупреждения!

Деревня всегда имела нюх на события, да и могли разве остаться без внимания гоношения участкового в эти дни. Кража в экспедиции, исчезновение егеря, участковый с утра до ночи на мотоцикле, а еще и как в воду канул завхоз зверофермы Путеев — всего этого с избытком хватало для того, чтобы деревня волнующе настороживалась в ожидании необычного события. И когда процессия с арестованными появилась на подступах к деревне, то уже вся деревня от мала до велика провожала ее от первых домов до сельсовета, где сам его председатель, безрукий Афанасий Самохин уже встречал подходящих на крыльце в костюме и белой рубашке.

Возгласы в адрес участкового, который «ишь ты какой прыткий оказался», устилали Шонину деревенскую улицу таким легким цветастым ковриком. Он шел, как и всю дорогу через тайгу, на пять шагов сзади, походка его была легка и лиха, словно подчеркивал он всем своим видом, что, дескать, о чем шум, эка невидаль, поймал преступников, да разве ж это преступники, это забава для него, дескать и не таких видывал!

В адрес егеря Матвея Лузина, что сидел на своем коне с винтовкой наперевес, замечания были менее лестные, но ему, кажется, плевать было на замечания, однако мешки поперек седла и мелкокалиберные винтовки, притороченные к седлу, вызывали общий интерес, и егерь, сохраняя таинственное молчание, ехал по деревне с важно-сердитым видом.

Никто не называл арестованных по имени, деревня словно не узнавала их, но это не было равнодушием. Шонин знал: Костю Будко хотя и не шибко любили в деревне, но завтра все уже будут сочувствовать ему, если подтвердится, что денег он не брал. Кражу охотничьих винтовок у людей, которым они для забавы, деревня не осудит. Да и сам Шонин разве взялся бы за это дело, если бы дело было только про винтовки. У него самого мелкокалиберка висит дома на не совсем законных основаниях. Деньги — другое дело! Поэтому сейчас, когда все хлопоты уже были позади, участковый сочувствовал Косте Будко и даже немного жалел, что выставил его на такой позор перед всей деревней.

Как только зашли в сельсовет, Шонину сразу бросился в глаза телефон. Горели от нетерпения ладони, схватить трубку и преподнести сюрприз районному начальству. Но Шонин хотел дело это подать в лучшем виде, и,

усевшись на стул председателя сельсовета напротив арестованных, он, положив на стол рядом с собой фуражку, некоторое время смотрел то на бича, физиономия которого кое-как начинала приобретать человеческий вид после побоев, то на Будко, необычно вялого и жалкого, а затем сказал:

— Значит так, парни! На месте преступления я вас не ловил, с поличным тоже не брал. Получается так, что я догадался, а вы упирались. Смекаете, о чем говорю?

Будко даже головы не повернул, зато Струков весь потянулся к участковому.

— Есть, значит, у вас шанс на смягчающие обстоятельства, если напишете сейчас собственноручные показания! Повинную голову, сами знаете...

— Гони бумагу, Василич! — сейчас же прохрипел Струков.

— Я тебе не Василич, сукин сын!

Струков согласно закивал.

— Садись к столу!

Струков перескочил к столу, схватил ручку, что подал ему Шонин, и вперился в чистый лист бумаги.

— Ишь, ведь какой ты шустрый, оказывается!

Шонин не скрыл презрения в голосе, но бичу уже было плевать на его презрение.

Шонин подсел к молчавшему Будко.

— Тебе бы тоже не помешало написать!

Сглотнув слюну, Будко спросил тихо:

— Сколько дадут?

— Да как тебе сказать... С одной стороны, ты как бы зачинщик, и характеристика на тебя пойдет, сам знаешь «мех налево пускал, план не выполнял...» Но если денег не брал...

— Не брал! — буркнул Будко.

— Вот я и говорю, если деньги не брал и цели такой не имел, это уже другой оборот дела... Лучше будет, если напишешь, пока следствие не началось.

Будко безнадежно махнул рукой.

— А! Год больше, год меньше...

— Не скажи! — возразил Шонин. — Это тебе сейчас так кажется, но как знаешь!

Он подошел к Струкову, который уже домарывал куриным почерком страницу, встал за его спиной.

— Ты понятней пиши-то! Расшифровывать, что ли, после тебя твою мазню!

Струков послушно закивал головой.

— Да насчет денег подумай! — тихо добавил Шонин.

Струков было вскочил со стула, но рука участкового снова вдавила его в стул.

— Ладно! Крути, как хочешь! Мое дело предупредить!

Струков засопел, кинул злой взгляд на участкового и схватился за другой лист.

В дверь постучали. Вошли фельдшерица медпункта и заведующая зверофермой.

Шонин почти силой оторвал Струкова от писанины, и фельдшерица начала обрабатывать его покореженную физиономию.

— Тебе чего, Люба? — спросил Шонин заведующую фермой.

— Да понимаешь, какое дело, Василич, завхоз наш пропал! Второй день никто его не видел. Может, ты в курсе?

— В курсе! — самодовольно ответил Шонин. — У меня дома на сеновале валяется! Так нужно было!

— Час от часу не легче! Натворил чего?

— Нет, — успокоил он, — с ним все в порядке. Матвей на крыльце сидит, да? Скажи ему, пусть идет ко мне домой и приведет Путеева!

— Да я сама...

— Нет, — засмеялся Шонин, — тебе его с сеновала не вытащить, это только егерю под силу! Иди, скажи!

Пока фельдшерица приводила в порядок физиономию Струкова, пока потом Струков дописывал свои показания, в комнате сельсовета стояла тишина. Потом Струков громко и даже торжественно провозгласил: «Все»,— и хлопнул ручкой по столу. Шонин взял листок, просмотрел, не вчитываясь. Показания кончались так: «А что участковый Шонин шьет мне дело, будто я украл деньги, за это требую участкового привлечь к ответственности, потому что денег никаких не брал».

— Значит, не брал денег? — будто между прочим спросил Шонин, положив листки показаний под стекло на столе.

Струков демонстративно повернулся, но подал голос Будко:

— Если брал деньги, я тебя в камере удавлю!

Струков, однако, не испугался угрозы и ответил нагловато:

— Десять тысяч! Если бы я такие деньги взял, хрен бы кто получил их от меня! Самому пригодились бы! Только не брал!

«Да, — подумал Шонин, — будет следователю с ним хлопот, тот еще фрукт. Никакого смысла ему нет признаваться. Никто не видел денег. Нет свидетелей! Нет умысла! Есть этот, как его...» Шонин напряг память и вспомнил термин „эксцесс исполнителя“! Очень был доволен, что вспомнил. Хотел даже записать, чтобы не забыть и употребить потом в разговоре с начальством.

Дверь не открылась, а распахнулась. Влетел Путеев, за ним протиснулся егерь.

— Это что делается? А? Под ружьем сквозь всю деревню! — заорал он, подскакивая к Шонину, но увидел Будко, шагнул к нему.

— Здорово, Костя!

— Стоп! — скомандовал Шонин. — Гражданин Будко арестован! Разговаривать запрещается!

Столбняк хватил Путеева посреди комнаты.

— Ну и дела!

Он морщил лоб, соображая что-то, даже ладонью потер его.

— Так это, значит ты, Костя, в меня пулял?

— Чего? — чуть ли не смехом отозвался Будко и оглянулся на участкового.

— А кто ж в меня пулял? — растерянно спросил Путеев, и взгляд его пал на Струкова, на его плутоватые глаза, видит Бог, они всегда у него были такими, даже когда с синяками. Ни Шонин, ни егерь не успели перехватить Путеева. Он кинулся на Струкова петухом, опрокинул его со стула, упал сам. Мат Путеева, визг Струкова, окрик Шонина, и хохот Будко, и рычание егеря слились в одно. Когда, наконец, их растащили, кричал один Струков:

— Суки! Всех посажу! Я на вас найду закон! Ты мне ответишь, гад! — это уже непосредственно Шонину.

Шонин кивнул егерю, и тот выволок Путеева за дверь. Шонин вышел за ними, не закрывая двери.

— Кто в тебя стрелял, выясним. А теперь гуляй свободно. Шкура твоя в безопасности.

— Ну да...— недоверчиво пробормотал Путеев.

— Раз говорю, значит так! Гуляй!

Когда Шонин вернулся, Будко, ухмыляясь, сказал:

— Между прочим, в меня тоже кто-то стрелял, я думал этот, — он кивнул на Струкова, — да что-то непохоже.

— Нет, ты посмотри! — снова заорал Струков. — Он думал! Теперь говорит — непохоже, когда морду в мартышкину ж... превратил! Ну, ладно, еще посмотрим, кому как дело обернется.

— Заткнись! — рявкнул Шонин. — Кто в кого стрелял, разберемся!

Он подошел к телефону, положил руку на трубку и весь внутренне замер, потому что предстоящий разговор с начальством был не просто разговор или доклад, это было мгновение его триумфального финиша жизни и службы, это мгновение было праздником, и ему хотелось на всю оставшуюся жизнь до мелочей запомнить и все свои движения в то мгновение, и голос, и тон, и слова,

что будут признесены, и реакцию на них. Это было мгновение счастья! Участковый уполномоченный Василий Васильевич Шонин докладывал районному начальству о поимке преступников.

Прошла неделя или чуть более. Шонин дней не считал. Стояла прекрасная летняя погода. Иногда ночью накрапывал дождь, или даже гроза прогрохатывала, но к рассвету небо уже бывало лазоревым, и днем деревня не задыхалась в жаре и пыли, но прогревалась всеми боками своих домов. Сено просушивалось, огороды плодоносили, рыба ловилась, ягода таежная созревала. И Шонин не припоминал в своей жизни второго такого удачного и счастливого лета.

Закончился нерестовый период, и в деревню пошел хариус. Шонин наслаждался рыбалкой. Бегал на реку каждое утро. С утра утолив рыбацкую страсть, успевал за день переделать уйму дел, личных и служебных. Районное начальство щедро поздравило его с удачей, словно забыло о том, что деньги еще не найдены, и он забыл, или, по крайней мере, просто отключился от дела, которое, однако, продолжалось, потому что бичи, к примеру, были вызваны из тайги и с тех пор не возвращались. Путеев катал в район чуть ли не через день, в самой экспедиции следователь просидел целых два дня.

Там, в районе, дело готовили к суду, но Шонину все это уже было неинтересно, потому что районная суета, то есть следствие и суд, была не его забота.

Егерь подал заявление на увольнение, и начальство с удовольствием подписало его, а Шонин даже позвонил кое-кому в районе, чтобы Лузина пристроили по-доброму, потому что охотник он отменный и любое хозяйство, которое возьмет его, не прогадает. В районе, конечно же, все знали о шонинской удаче и совет приняли благожелательно.

Вообще, авторитет Шонина подскочил на беспредельные высоты. Особенно в деревне. Начальник экспедиции встретил его и посередине улицы тряс ему руку, а после они уже дома под опекой еще более порыжевшей от счастья Антониды пили самогон и пели песни.

Приезжал оконфузившийся морошинский участковый. Еще бы! Он ведь чуть было не направил следствие по ложному следу. Морошинский участковый стонал от зависти и намекал Шонину, что хоть он и герой, а вот денег до сих пор не нашли. Шонин разводил руками. Дескать, он им дело на блюдечке поднес, только и осталось, что деньги найти, и коли даже этого пустяка сделать не могут, так что с них возьмешь! Молодняк!

При всей полноте счастья, что в эти дни испытывал Шонин, сидел у него где-то в самых потемках души крохотный червячок тревоги. Этот червячок был настолько крохотный, что можно было бы его вообще не принимать в расчет, Шонин так и старался делать, да вот только не всегда удавалось, и вся надежда была на солнечную погоду, на чистые рассветы и светлые закаты,— по такой погоде червячья нечисть в глубь своей темноты забирается, ей ведь мокроту да сумерки подавай!..

Машины из района пришли часу в десятом утра. В этот день Шонин на реку не пошел, а сидел в сельсовете и составлял инструкцию по предотвращению лесных пожаров в пожароопасный период.

Машины подкатили прямо ему под окно, и он не выскочил второпях, как это бывало раньше, а не спеша собрал свои бумаги в папку, папку завязал и уложил в стол, и лишь после этого пошел было к двери, но в дверь уже входил следователь Петренко. Шонин пожал ему руку солидно, даже немного покровительственно, и спросил таким же тоном, слегка прищурясь и подбоченясь:

— Ну, как успехи?

— Заканчиваем, Василий Васильевич! Вот едем в экспедицию, кое-какие формальности выполнить нужно! С нами не желаете?

Петренко говорил почтительно и немного заискивающе, и за ссутулившимися плечами участкового выросли крылья.

— А чего ж! Поедем! Местечко найдется в машине? Могу и на своей тарахтелке.

— Место найдется, о чем речь!

Петренко замялся, как-то воровато глянул Шонину в глаза.

— Только вот какое дело, Василь Василич, хотел я посоветоваться с вами... Есть одна закавыка, в которой нам без вас не разобраться... Время еще есть, потолкуем?

— А чего ж! — щедро согласился Шонин. — Чем могу... — и лукаво прищурился. — Поди, насчет денег? Или нашли их?

Петренко отмахнулся.

— Да что деньги! С деньгами все ясно! Тут кое-что похитрее имеется.

Он вынул пачку сигарет, предложил Шонину. Шонин не обидел следователя отказом. Закурили.

— Вот какая ситуация у нас складывается, Василь Василич! — начал он тихо и вроде бы даже робко. — Дело об ограблении мы заканчиваем, а там уж следствие, суд...

Глаза Петренко вдруг забегали, а это Шонину не понравилось.

— Это-то мы дело заканчиваем, но беда в том, что еще одно дело повисает на нас. И вот тут мы, как говорится, при своих интересах...

— Что за дело? — удивился Шонин.

— Покушение на убийство, ни больше ни меньше.

Петренко как-то по-собачьи глядел в глаза участковому. Шонин не понял его и выразил это взглядом.

— Ну, как же, — пояснил Петренко, — в Путеева кто-то стрелял, в Будко кто-то стрелял, все это установлено. Вот и получается, дело открыто, а в деле темнота.

Шонин в окно увидел, что со стороны тайги небо посерело, а именно оттуда обычно приходили дожди. Захотелось на пенсию.

— Может, попугали парни друг друга, и мудрить не стоит?

Петренко вздохнул горестно, и Шонин уже знал, что его разыгрывают.

— Если бы так, тогда конечно! Но вот в чем штука, никто из них не стрелял друг в друга, на время выстрелов у всех железное алиби! Стрелял кто-то совсем другой...

— Ну и кто? — равнодушно спросил Шонин.

Петренко рассмеялся:

— Да ты же, Василь Василич, стрелял!

Шонин не шелохнулся.

Видимо, удовлетворенный видом Шонина, Петренко как-то сразу переменился, из глаз ушла игра, осталась озабоченность.

— Не хмурься, Василич, я все прекрасно понимаю. Опыт и знание людей тебе подсказали кое-что по делу. Но ты решил все сам! И это я тоже понимаю. Преступники зашептались, и ты надумал их спровоцировать. Когда пугал Путеева, наверно, подозревал его и ошибся. Да? А выстрелы по лодке Будко дали тебе то, чего хотел. Будко помчался в тайгу, выяснять отношения. Так все было?

Шонин только пожал плечами. Ему ни о чем не хотелось говорить.

— Но ты же рисковал, согласись! Мог попасть...

Шонин только взгляд метнул.

— Ладно, ладно, — согласился Петренко. — Знаю, что были у тебя грамоты по стрельбе! Но когда это было! Могла рука дрогнуть, мог человек дернуться и сам под пулю попасть. Я уж не говорю о том, что это вообще запрещенный прием.

Шонин сидел и смотрел в окно. Со стороны тайги уже определенно наплывали тучи, и были они не черные — грозовые, а серые, несущие затяжные дожди, словно в середине лета наступила осень.

Петренко прошелся несколько раз по комнате, снова сел рядом.

— Мы все за тебя, Василич! — сказал он даже очень тепло. — Как ни как, а раскрытие в три дня, да и не только в этом дело. Сколько лет ты в органах?

— Тридцать два, — ответил со вздохом Шонин.

— Вот, видишь! В обиду тебя давать не собираемся. Но дело о покушении на убийство прокурором заведено, и эту дырку как-то надо заштопывать.

Шонин усмехнулся. Все ясно. Район не может позволить себе роскоши открыто наказать участкового за запрещенные приемы после того, как его портрет был в районной газете, а дело, хоть и пустяковое, но раскрыто в минимальный срок. Шонин повернулся к следователю и спросил напрямую:

— Ну, и как вы там договорились?

— Просто! Ты подаешь на пенсию! Мы тебя с почетом провожаем. А где-нибудь через месяц ты признаешься в этих выстрелах. Дело-то ясное. Статья снимается. А поскольку ты уже не сотрудник, так вообще разговаривать не о чем.

Шонин молчал, и Петренко забеспокоился.

— Ты ничего не теряешь! Твоя стрельба останется между нами! Вышел человек на пенсию по годам. Перед тем преступление раскрыл, был отмечен начальством. Пенсионный сувенир тебе вручим — транзистор какой-нибудь или еще чего... Так как, Василич?

Шонин махнул рукой.

— Все равно! На пенсию, так на пенсию!

— Ну, и порядок! — облегченно вздохнул Петренко. — Сейчас едем в экспедицию, закончим дело и в район. Там уж ты потерпи, сам понимаешь, начальник тебя по голове не погладит за твою пальбу, но все будет, как я сказал. Оговорено уже.

— Поехали, что ли! — не вытерпел Шонин. Никаких сил у него не было больше слушать Петренко.

В первой машине сидел прокурор Иванихин, угрозыск Соболев и еще кто-то, кого Шонин не узнал. Они с Петренко сели во вторую машину, где кроме шофера никого не было. Так они и ехали вдвоем и говорили о пустяках: о погоде, о рыбалке, о кедровом урожае, словно договорились не говорить о деле. Говорил больше Петренко. Он был из местных. Юридический факультет окончил всего лишь пять лет назад, но в районе утвердился быстро и прочно, может быть как раз потому, что был из местных.

«Далеко пойдет», — подумал о нем Шонин, но зависти не испытывал. Его, кажется, уже больше ничего не интересовало. Он уже был пенсионер, ему хотелось, чтобы все это произошло как можно скорее, сегодня или завтра, его даже не интересовало, зачем они едут в экспедицию, он пожалел, что согласился ехать, нужно было сразу в район, сразу к начальнику, чтобы одним днем покончить и со службой и, как ему сейчас казалось, с жизнью. Конечно, он понимал, что план Петренко о его уходе на пенсию безупречен с точки зрения сохранения репутации бывшего участкового; он знал, что в деревне, перейдя на пенсионное состояние, не потеряет авторитета и почета, и даже более того, сам факт выхода на пенсию после такого «удачного» дела только упрочит его авторитет среди деревенских мужиков. Но все нечестно. Пусть никто не узнает, что на пенсию он вышел не по собственному желанию, но сам-то он будет знать это до конца жизни, и никогда не сможет забыть этого, потому что много ли годов осталось ему, чтобы что-либо забыть.

Когда уже подъезжали к экспедиции, по ветровому стеклу заскользили первые капли дождя.

— Вот и погода скурвилась! — угрюмо пробормотал Шонин.

Петренко энергично возражал, доказывая, что хороший дождь очень нужен, а Шонин вовсе и не спорил.

Остановились у вагончика начальника экспедиции, где, собственно, и была совершена кража. Встретил их заместитель начальника инженер Котов. Он приветствовал всех, как старых знакомых, но Шонин, пожимая ему руку, отметил, что не шибко рад инженер гостям. «Надоели поди!» — подумал он. Начальник экспедиции был в области, и об этом все знали. В вагончик вошли не все, то есть как раз те двое, которых Шонин не знал, остались около машин. Угрозыск Соболев, прежде чем направился к вагончику, что-то очень серьезно пошептал им, и Шонина это нашептывание заинтересовало. И за все время впервые задал он себе вопрос: «А зачем такой большой компанией прикатили?» Соболев дружески поздоровался с Шониным, и по тону его голоса было не определить, знал он уже о судьбе участкового или нет.

В тесном вагончике начальника все почему-то поторопились рассесться по углам, когда Шонин изъявил желание остаться на ногах, Петренко усадил его чуть ли не в приказном порядке.

— Ну, Николай Афанасьевич, — обратился он к инженеру вкрадчивым тоном, каким час назад начал разговор с Шониным, — приехали мы сообщить вам, что похищенные ценности мы нашли, если не считать консервов. Но, думаю, с ними мы тоже сейчас все выясним!

Котов как-то уж слишком обрадовался сообщению, изъявил было желание даже руки пожать представителям родных органов, но что-то остановило его в этом намерении, он лишь попытку сделал, чтобы подняться с ящика из-под консервов, на котором сидел. И тут Шонин увидел, что все присутствующие смотрят на заместителя начальника совсем не так, как должны бы смотреть на представителя настрадавшегося учреждения.

— Что же вы не спрашиваете, как мы нашли деньги!

От этого вопроса следователя Котов как-то вдруг посерел лицом и обмяк фигурой.

— Ну что ж, я расскажу вам! — уже очень холодно продолжал Петренко, вцепившись взглядом в лицо инженера. — Известного вам числа в половине седьмого вечера, когда почти все, я подчеркиваю, почти все работники экспедиции находились в бане или около нее, двое посторонних, сняв замок, проникли в это помещение и вынесли две мелкокалиберных винтовки. Больше эти двое ничего не взяли, да и не имели намерения что-то еще брать!

Тут Петренко повернулся к Шонину, посмотрел на него многозначительно.

— Усекаешь, Василь Васильевич?

И по еле уловимой усмешке, что промелькнула по лицу следователя, Шонин понял, что краснеет, и почувствовал желание провалиться сквозь дощатый пол вагончика.

— Итак, вот, Николай Афанасьевич, больше ничего они не взяли, а с винтовками скрылись в лесу. На этом бы дело и кончилось. Но некто, кто только еще собирался в баню, направляясь туда, заметил удаляющиеся фигуры — чужих людей. Этот некто был одним из трех человек, кто знал, что начальник экспедиции, нарушая финансовую дисциплину, оставил при себе деньги в известной сумме для раздачи рабочим, находящимся на маршрутах. Этот некто поспешил к вагончику, а увидев взломанный замок, зашел, взял деньги из стола, который не замыкается, зачем-то (зачем, это мы сейчас выясним) прихватил пять банок консервов и ушел. Наверное, сначала к себе, чтобы спрятать украденное, а потом — как ни в чем не бывало появился в бане, а поскольку мылся одним из последних, то последним якобы узнал и о краже...

Шонин смотрел на инженера и пытался представить, какая лихость судьбы толкнула этого человека на воровство, что не вор по натуре, это ж дураку видно! Другой сейчас сидел бы с дерзкой мордой и требовал бы доказательства, а этот уже сдался. И еще Шонин понимал, какой поворот произошел в эти минуты в сознании Котова, десять минут назад он был инженером, заместителем начальника, просто свободным человеком, но вот произнесены какие-то слова, и он — уже другой человек, он уже ни встать, ни сесть не может по своему желанию, и вообще он уже не человек, потому что само слово «человек» предполагает хоть какую-то, но свободу, а он уже подследственный.. Вопреки всякой профессиональной принципиальности Шонин сейчас сочувствовал Котову и даже понимал, почему он сочувствует, разве час назад он сам не пережил то же самое? А впереди еще разговор с начальником милиции, от которого ничего хорошего для самоуважения не жди.

Петренко продолжал добивать уже раздавленного человека, и делал это не без удовольствия.

— Через несколько дней этот некто, убедившись, что следствие пошло по ложному следу, выехал в райцентр и отправил на имя жены восемь из десяти тысяч.

Петренко сделал паузу, и как бы развлекаясь спросил:

— Вы не знаете, Николай Афанасьевич, что этот некто сделал с остальными двумя тысячами?

Котов жалко дернулся, но ничего не сказал.

— Хотите взглянуть на копию квитанции?

«Вот как работают, — грустно подумал Шонин, и вся его возня по разыгрыванию этого пустякового дела показалась ему детской шалостью. В общем-то дело было уж не столь пустяковым, но вот он, Шонин, в сущности оказался в дураках, потому что главного — денег — он не нашел, а из-за винтовок не стоило заводить всю ту кутерьму, которая людям доставила столько хлопот. Перепугал Путеева, Струков избит, оболтусы-бичи — им он тоже их странное благополучие растормошил, а что сам получил в итоге? „По собственному желанию на пенсию!"»

— Скажите, Николай Афанасьевич, зачем вы взяли тушенку? Ведь это было лишнее!

Котов вздохнул, ответил тихо и виновато:

— Не брал я ее. Под пол спустил. Там вон, под половицу.

Угрозыск Соболев подскочил к указанной половице, потянул, она действительно подалась вверх и потом в сторону. Соболев заглянул, захохотал.

— Верно! Имеется!

Начал вытаскивать банки.

— Ну, так как, признаваться будем? Вернем остальные деньги или как?

Котов склонился еще ниже и молчал.

— Мы ведь не зря, Николай Афанасьевич, прошлый раз два дня у вас болтались. Взяли мы тайно, чтоб людей не обижать, отпечатки пальцев у всех, кто знал о деньгах. Дело было только за временем — отправить в область, получить обратно, сравнить с отпечатками на бумагах, под которыми лежали деньги — вот и все.

Шонину больше было невмоготу слушать и смотреть. Не спрашивая ни у кого разрешения, он встал и вышел из вагончика.

Шел мелкий дождь, и уже все небо было затянуто серыми тучами. Если бы не дождь, ушел бы домой пешком. Решил отсидеться в машине. Откуда-то появился морошинский участковый Лазеев. Заискивающе пожимая руку Шонину, он ворковал:

— Ты чего же, Василич, можа теперь и в район поедешь! Дело-то какое разворочал! Должны звезду тебе подкинуть на погон! Не намекали еще?

— Намекали! — небрежно ответил Шонин. — Только мне, брат, это ни к чему. Ухожу на пенсию. Вот так.

И оставив удивленного Лазеева под дождем, Шонин нырнул в машину.

●

В десятом номере за 1989 год «Слово» опубликовало главу из повести Леонида Бородина «Третья правда». Это была первая в СССР журнальная публикация писателя, у которого к тому времени во Франции вышло пять книг, в Англии — три, в Германии — две, в Италии — одна. В 1982 году именно за эти свои зарубежные издания Леонид Бородин и был вторично арестован и до 1987 года находился в пермских лагерях для политических заключенных. За два года изменилось многое в его жизни. Журнал «Наш современник» опубликовал полностью «Третью правду» (1990, №№ 1—2), журнал «Юность» — «Женщину в море» и «Расставание» (1990, №№1, 7—9), журнал «Московский вестник» — «Правила игры» (1990, № 5). В начале 1991 года в издательстве «Современник» вышла первая изданная в СССР книга Леонида Бородина «Повесть странного времени», в издательстве «Московский рабочий» ожидается сигнал второй — «Третья правда».

А недавно Леонид Бородин учредил первую в СССР негосударственную, личную литературную премию имени Василия Шукшина для молодых писателей. Уже известны имена ее лауреатов

И, наконец, на съезде российских писателей Леонид Бородин не просто выбран в Правление, но и введен в Секретариат Союза писателей РСФСР. Ныне он — член редколлегии журнала «Москва», член общественно-редакционного совета «Слова».

Но главное, конечно, не только в этих знаках внимания к писателю, по праву занявшему свое место в современной литературе, а в том, что он продолжает напряженно работать, писать, мыслить, жить уже в совершенно иных условиях, имя которым свобода, не желая мстить за прошлое, но и не забывая его жестоких «прорабов», не давая нам забыть.

Повесть «Таинственный выстрел», с которой вы познакомились, тоже написана не в самом вдохновенном месте, — в лагере. Писатель, как и во всем своем творчестве, не боится вторгаться в любые прозаические жанры. Вскоре нам предстоит еще раз убедиться в этом...

Большинство стихотворений Н. Клюева, публикуемых ниже, было написано в конце 1910-х — начале 1920-х годов.

Сразу после Октябрьского переворота, как и многие русские интеллигенты, Клюев щедро авансировал тогдашние события своими высокими помыслами, горением души и пламенными строками стихов. Поэт был уверен, что наступило время осуществления заветов истинного христианства: «Христос отдохнет от терновых иголок, и легко вздохнет народная грудь» («Из красной газеты», 1918). В 1918 году Клюев вступил в РКП(б), не находя противоречий между христианскими и коммунистическими идеалами.

Однако надежды поэта не оправдались. Уже через два-три года после революции становится ясно, что новыми незваными хозяевами России (он вскоре назовет их «рогатыми хозяевами жизни») берется жесткий курс на «всеобщую индустриализацию» страны, сопровождающуюся кровавым террором и уничтожением ее существовавшей веками крестьянской цивилизации и культуры.

В 1920 году постановлением Олонецкого губкома РКП(б) Клюев был исключен из партии за свои христианские убеждения, которыми не поступился. Не осуществилась и надежда на то, что «возлюбит грозовый Ленин пестрядинный клюевский стих» («Родина, я грешен, грешен...», 1919). Строки о том, что «Лениным вихрь и гроза причислены к Ангельским ликам», заменяются другими, исполненными сдержанности и глубокого сомнения: «Мы верим в братьев многоочитых, а Ленин в железо и в красный ум...» («Мы верим в братьев многоочитых...», 1919).

Несколько слов об истории публикуемых текстов. Основная их часть была написана в олонецком городке Вытегре, где поэт жил с 1918 по 1923 год. Там же проживал и его друг Николай Ильич Архипов (1887—1967) — учредитель литературного кружка «Похвала народной песне и музыке». В 1923 году они оба переехали в Ленинград, где продолжалось их тесное общение вплоть до переезда Клюева в 1931 году в Москву. У Архипова, в те годы бывшего директором петергофских музеев и парков, осталась часть клюевских материалов, среди которых — публикуемые стихотворения. Не без риска сберегал их Архипов в страшные для страны, роковые для Клюева и трагические для себя годы. В 1937 году он был арестован органами НКВД. В этом же году умерла его жена после пережитого на допросах. Погиб в самом начале войны его единственный сын, а сам он вернулся в Ленинград только в конце 1940-х годов. Однако стихи при всех этих страшных потерях сохранились и уже значительное время спустя после смерти Н. И. Архипова были переданы в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, откуда и взяты для настоящей публикации.

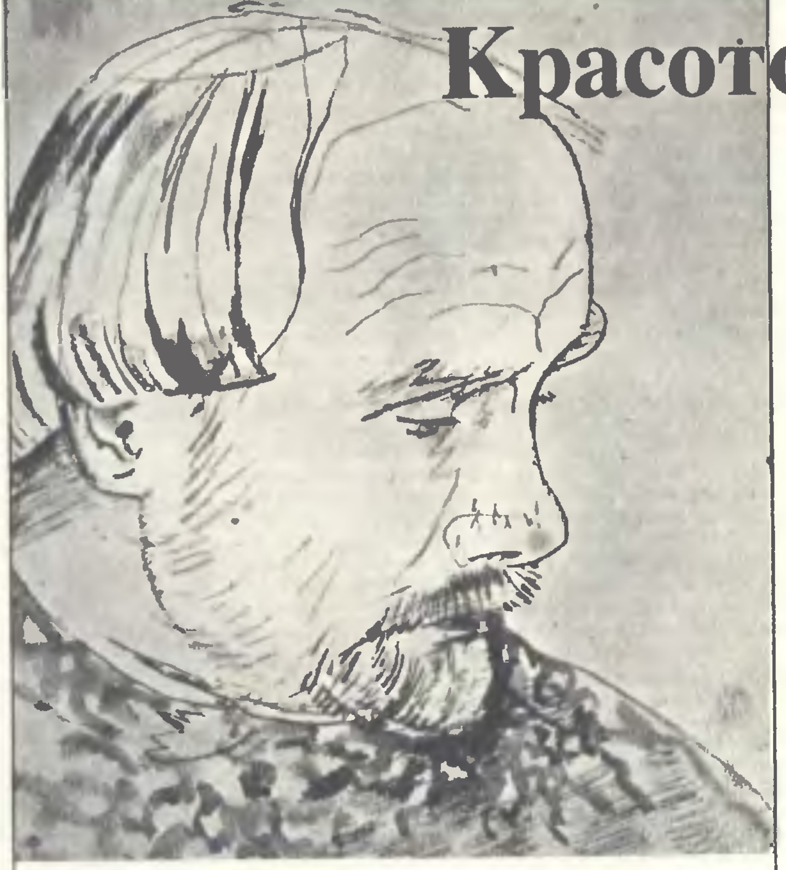


Рисунок Льва Бруни. 1926 год.
Музей русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград. Публикуется впервые

* * *

Ягода зреет для птичьего зоба,
Камень для веса и тяги земной,
Люди ж родятся для тесного гроба
С черною ночью, с докукой дневной.

Тридцать минуло — шатаются зубы,
Хитрых седин не укроет картуз...
Заповедь есть: не убий, не прелюбы..
«Будьте как дети!» — сказал Иисус!

Божьих садов и обителей много,
Здесь же ночлежка, свирепый трактир...
Где же пути, золотая дорога
В юно-румяный, неблекнущий мир?

Наша земля — голова великана,
Мы же — зверушки в трущобах волос,
Горы — короста, лишай — океаны,
В вечность уходит хозяина нос.

В перхоть мы прячем червивые гробы,
Костные скрепы сверлом бередим.
Сбудется притча: титан огнелобый
Нам погрозится перстом громовым,

Коготь державный косицы почешет, —
Хрустнут Европа, безбрежный Китай...
В гибели внуков ничто не утешит
Светлого Деда, взрастившего рай.

* * *

Будут ватрушки с пригарцем,
Малиновки за окном,
И солнце усыплет кварцем
Бугор с веселым крестом.

Под ним с мощами колода,
Хризопраз — брада и персты..
Дивен образ. Дева-Свобода
Возлагает на крест цветы.

Уж бессмертные трутся краски,
Колыбель укрыла творца.
Веретенные бабьи сказки
На пиру у струн и резца.

Чу! Застольные братские клики!
Гости Лопь, чародейный Сиам,
И в венке из лесной повилики
Входит сказка
                    в лазоревый храм.

Обернулись в тимпаны ватрушки,
(Вкусен звук —
                    с творогом Іюставец).
Мимо вещей олонецкой кружки
Не прольется веков варенец.

1922

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Красотой купится радость

* * *

Григорий Новых[1] цветистей Бессалько[2]:
В нем глубь Байкала, сметка бобров.
От газетной ваксы и талька
Смертельно выводку слов.

Пересыплют в «Известиях» Кии[3]
Перья сиринов сулемой,
И останутся от России
Кандалы с пропащей сумой.

Ни солбвки, ни зелени сада,
Только шишки да бедный Макар...
Из чернильного водопада
Вытекает речка «товар».

Вниз по быстрой плывет ватага
Буквенной голытьбы...
Словно туча застит бумага
Лик Коммуны и русской судьбы.

Утопает в построчной ваксе
Златоствольный искусства сад,
И под Смольным сюртук на Марксе
Продырявил брошюрный град.

Брат великий, сосцы овина
Пеклеванный вскормили цвет,
Избяных напевовряднина
Свяжет молот и злак в букет.

Разгадать ли красную тайну
Кляксапировым ведунам..
От Печоры на Буг и Майну
Мчится всадник — Ржаной Хирам.[4]

То строитель звездных просонок
Всеплеменной песни-избы...
Не Садко, а шрифтный бесенок
Баламутит глуби судьбы.

Гумно — гусыня матерая
Гогочет зловеще молотьбой недородною:
«Я матка созвучий, столетняя, хворая,
Яйцо мое — тайна с судьбиной народною!»

Гусак стальноклювый, чей мозг — индустрия,
Чье сердце — турбина, крыло — маховик,
Кричит из-за моря: «Россия, Россия,
В миры запрокинь огневеющий лик!»

Великая матка поет пред кончиной,
Но лавой бурлит адамант — яицо...
Невнятно «Известиям» дымкой овинной
Повитое Слово, как сфинкса лицо.

Под треск пулеметов и визги трактиров
Родились поэты — наседки галчат.
За Гете — Садофьев[5], за Гюго — Маширов[6].
Над распятой книгой чернильный закат.

* * *

Статья в широченных «Известиях»,
Веющая гибелью княжны Таракановой,
Вещает о песенных бедствиях,
О смерти крестной, баяновой:

«В рязанском небе не клюют жаворонки
Золотого проса, бисера слезного,
Лишь вокзалов глотки да плавилен заслонки —
Зыбка искусства чугунного, грозного!»

Недаром избы родимые
Дымятся скорбью глухой, угарною,
И песни — гуси, орлом гонимые,
Ныряют в загуменья стаей янтарною.

* * *

Арский[7], Аксен-Ачкасов[8] —
Чужие, далекие слова,
Отчего же, как в пестрых Яссах,
Кружится голова?

Не розы ль в голодной книжке,
В ощеренных волчьих стихах?
Не останется сердце в излишке
От сеющих язвы и страх.

Это ран дурманящий запах,
Браунинговый смертный след,
В росомашьих неслышных лапах
Убаюкан рабочий поэт.

Баю-бай! Вместо речки — уголь,
Купоросные берега!..
Эй, петля затянута ль туго
На шее музы-врага?

Эй, заплечный рогатый мастер!
Готовь для искусства дыбу!
Стальноклювым вороном Гастев[9]
Взгромоздился на древо-судьбу,

Клюет лучезарные дули:
Ухо Скрябина, тютчевский глаз...
В голубом васильковом июле
Свершится мужицкий сказ:

Городские злые задворки
Заметелят убийства след,
По голгофским русским пригоркам
Зазлатится клюевоцвет.

Выйдет жница в насущное поле
Жаворонком размыкать тоску,
В пестрядинном родном подоле
Быть душе — заревому цветку!

* * *

Кареглазый жених убит
Пулей в персиковую щеку.
Недаром во мгле ракит
Ворона пеняет року.

Что каркнет зловещая птица,
Все сбудется... В руку сон...
Бородатая горе-вдовица
Старей поморских икон.

А давно ли цвела рубаха
На милом, как маков цвет!..
С водопольем душенька-птаха
Канет на бересклет.

Запоет про молодость нашу,
Про малиновый поцелуй...
Лучше б есть острожную кашу
На пути в глухой Акатуй.

На каторжной ночевке
Читать гнусавый псалтирь...
Убегают ели-мутовки
В нерассказанную Сибирь.

Не равна ль варнаку, поэту
Персиковая щека!
На словесных поминках нету
Волшебного колобка.

Оттого и стих безголосен,
Не вспыхивает перо,
И оделись вершины сосен
В позументное серебро.

* * *

Я помню крылатое дерево
И девушку-птицу в ветвях,
Кормушку, где звездное мелево,
И мутную воду в бадьях.

Столетия ангел бесполый —
Я певчую деву стерег.
Пылинки стряхая с подола,
Дремля у лазоревых ног.

Однажды мой сук обломился
(Паденье — кометы полет),
И буркнул: «Мальчонка родился!» —
Мой дед, бородатый Федот.

* * *

Облака в камлотовых штанах
И розы — килечные банки...
Затвердеют травы на полях
И Китоврас издохнет на полянке.

Лагунный Бах объявится глупцом,
А Скрябин — рыночною швалью.
Украдкою Россия под окном
Затенькает синичною печалью.

Я ставню распахну, горбатый и седой,
Пытая тютчевским вопросом
Речонку с захлебнувшейся звездой
И огонек сторожки под откосом.

Но не ответит мыслящий тростник,
По Тютчеву зубило не тоскует...
Чудовища сталелитейный лик
На розы сладостные дует.

⟨В АЛЬБОМ НА ВЫСТАВКЕ АХР[10]⟩

В саду грядущего не вы,
Безглазые, бесперые, глухие,
И ваша выставка на берегу Невы
С фуксином лавочка, а вовсе не Россия!

Архиповские бабы — штоф
На сером каторжном бушлате,
Не под хрипение гудков
Взросли они в родимой хате.

Октябрь 1926

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Григорий Новых — Новых Григорий Ефимович (Распутин, 1872—1916). По свидетельству Клюева, они были хорошо знакомы как «сомолитвенники» по раскольничьей вере. «Смотрел на него я сбоку: бурые жилки под кожей, трещинка поперек нижней губы и зрачки в масло окунуты. Под рубахой из крученой китайской фанзы — белая тонкая одета и запястки перчаточными пуговками застегнуты; штаны не просижены. И дух от него кумачный...» («черная тетрадь»).

[2] Бессалько Павел Карпович (1887—1920) — писатель-пролеткультовец.

[3] Кии — мн. от Кий. Под этим псевдонимом писал в те годы в «Известиях ВЦИК» публицист П. В. Пятницкий.

[4] Хирам — библейский царь, правитель Тира. Здесь это слово употреблено в метафорическом смысле.

[5] Садофьев Илья Иванович (1889—1965) — поэт-пролеткультовец. Н. И. Архиповым записаны в «черную тетрадь» следующие высказывания Клюева о Садофьеве: «Что ты, да разве Садофьев — личность? Нет, нет! Один галстук горохом, да умные очки на носу без нюха. Ни глаз, ни ушей, ни уст человеческих у него не распознать... Я же ищу в людях лика и венца над головой... Лику кланяюсь и венцу трепещу».

[6] Маширов-Самобытник Алексей Иванович (1884—1943) — поэт-пролеткультовец.

[7] Арский (наст. фамилия Афанасьев) Павел Александрович (1886—1967) — поэт-пролеткультовец. В «черной тетради» Н. И. Архиповым зафиксирован со слов Клюева такой эпизод его встречи с Арским: «Накануне введения 40-градусной Арский Павел при встрече со мной сказал: «Твои стихи — ликер, а нам нужна русская горькая да селедка!»».

[8] Аксен-Ачкасов — псевдоним И. И. Садофьева (см. прим. 5).

[9] Гастев Алексей Константинович (1882—1941) — один из ведущих поэтов Пролеткульта.

[10] АХР (правильно АХРР) — Ассоциация художников революционной России, в изобразительном искусстве являлась аналогом РАПП.

Публикация,
вступление и примечания
А. И. МИХАЙЛОВА
(Ленинград).

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦIИ

А. ТУРКУЛ

Герои Белой России

Капитан Иванов

Не у меня одного, а у всех боевых товарищей есть это чувство: сквозь всю нашу явь проходят перед нами, перед нашим духовным взором, всегда и всюду, точно бы залитые ясным светом, люди, события, места, картины того, что уже стало воспоминанием.

Так вижу я всегда перед собою и капитана Иванова; вижу его черноволосую голову, влажную от утреннего умывания, его ослепительную улыбку, румяное лицо и слышу его приятно картавый говор.

Какой он молодой, ладный... От него веет свежестью. Я вижу, как он, невысокий, с травинкой в зубах, похлопывая стэком по пыльному сапогу, идет рядом со мной в походной колонне, я слышу звук его беззаботного смеха. Образ капитана Иванова неотделим для меня от русской утренней прохлады, воздуха наших походов.

Я помню, мне кажется, каждый конский след, залитый водой, и запах зеленых хлебов после дождя, и как волокутся у дальнего леса легкие туманы, и как поют далеко за мной в строю. Поют лихо, а мне почему-то грустно, и я чувствую снова, что все едино на этом свете, но не умею сказать, в чем единство. Вероятно, в любви и страдании.

И капитан Иванов кажется мне теперь каким-то русским единством. Должен признаться, что отчество его я забыл. Его имя было Петр, но мы прозвали его Гришей. Вот кто был настоящим Ивановым-Седьмым, с ударением на «о», человеком из той великой толпы безымянных фигурантов, на фоне которых разыгрывают свои роли оперные или опереточные герои.

Особенного в нем не было ровно ничего, если не считать его свежей молодости, сияющей улыбки, сухих и смуглых рук и того, что он картавил совершенно классически, по «Войне и миру», выговаривая вместо «р» — «г»...

Но именно этот армейский капитан, простой и скромный, с его совершенной правдой во всем, что он делал и думал, и есть настоящий «герой нашего времени». Его, можно сказать, предчувствовали даже писатели, и, например, капитан Тушин Толстого, босой, с трубочкой-носогрейкой, у шатра на Аустерлицком поле, несомненный предтеча капитана Иванова, так же как Максим Максимович, шагающий за скрипучей кавказской арбой, или поручик Гринев из «Капитанской дочки».

Армейский капитан Иванов — герой нашего времени.

В то время, как другие наши школы выпускали людей рыхлых, без какой-то внутренней оси, наша военная школа всегда давала людей точных, подобранных, знающих, что можно и чего нельзя, а, главное, с верным, никогда не мутившимся чувством России. Это чувство было сознанием постоянной ей службы. Для русских военных служилых людей Россия была не только нагромождением земель и народов, одной шестой суши и прочее, но была для них отечеством духа. Россия была такой необычайной и прекрасной совокупностью духа, духовным строем, таким явлением русского гения в его величии, чести и правде, что для русских военных людей она была Россией-Святыней.

Капитан Иванов, как и все его боевые товарищи, именно потому и пошел в огонь гражданской войны, что своими ли или чужими, это все равно, но кощунственно была поругана Россия-Святыня.

Как и все, Иванов был бедняком-офицером из тех русских пехотинцев, никому не ведомых провинциальных штабс-капитанов, которые не только не имели поместий и фабрик, но часто не знали, как скрыть следы времени и непогоды на поношенной офицерской шинелишке, да на что купить новые сапоги.

Капитан Иванов был до крайности далек и от петербургского общества, и от большого света, не говоря уже, разумеется, о придворных кругах, тоже, впрочем, не имевших ровно никакого отношения ни к провинциальной армейщине Иванову, ни ко всей Белой армии. В мирные времена, в медвежьем углу, черт знает в каких тартарарах, куда месяц скачи — не доскачешь, в маленьком армейском гарнизоне провел бы свою простую армейскую жизнь неведомый капитан Иванов, так же, как и тысячи его однофамильцев с ударением на «о».

Позволял бы себе иногда купить стэк или одеколон где-нибудь в Слуцке или Ровно, в Варшаве сапоги с мягким лакированным верхом; зачитывался бы запоем до первых петухов всем, что попадается под руки в пыльной городской библиотеке, и также до петухов, а то и позже, просиживал бы ночи за пулькой по маленькой; иногда был бы весел и шумен сверх положенного в офицерском собрании, а вечера проводил бы в одиноких прогулках над городской речкой, не обозначенной ни на каких географических картах.

Над вечерней речной сыростью, с молодой жалостью к самому себе, думал бы, что одинок, что еще нет любимой, и с благодарностью вспоминал бы последний поцелуй, приключившийся на стоянке полка верст тысячи за полторы от этой неведомой речки.

Непритязательную жизнь капитана Иванова в мирное время потрясали бы, да и то отчасти, только лишь разносы начальства, а, главное, сердечные и карточные дела. Он так бы и состарился вместе солдатами все той же четвертой роты Бог весть какого, последнего по счету, 208-го Лорийского, пехотного полка нашей армии и мирно отдал бы Богу душу, твердо веруя в Святыню-Россию.

Иванов был из только что поднявшихся семей, которые своим горбом и беспорочной службой пробивались в люди. Все эти капитаны были, по большинству, детьми мелкого чиновничества и офицерства, военных и ветеринарных врачей, телеграфистов, старых солдат, земских фельдшеров, так же как и Кутепов был сыном чиновника провинциальной казенной палаты.

Для других народов отечество — тщеславная гордыня, да еще с позерством, или любование процветающей торго-

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3 / 1991.

вой факторией, а для русских капитаиов Ивановых отечество было служением по всей правде Родине-России даже и до последнего издыхания. Капитаи Иванов бесхитростно знал, что Россия — самая справедливая, самая добрая и прекрасная страна на свете, и верил так же бесхитростно, что если в ней что-нибудь и не устроено, не налажено, то все в ней в свое время устроится и наладится по справедливости.

Когда-нибудь все поймут, что между прежней «старорежимной» Россией, павшей в смуте, и большевистской тьмой, сместившей в России все божеское и человеческое, прошла видеинем необычайного света, в огне и крови, Белая Россия капитанов Ивановых, Россия правды и справедливости.

И на всем белом свете для армейского капитана Иванова его родная четвертая рота была живой частью, дышащим образом Россни-Святыни. Кто из молодых офицеров не любил своей роты или взвода, этих деревенских солдатских глаз, не знавших до революции ни добра нн зла, этих сильных и добрых рук молодых мужиков, солдатского запаха ржаного хлеба и влажных шинелей, чистых рубах и веников после бани.

Капитан же Иванов так любил своих земляков и так сжился с ними, что сам неприметно проникся простыми вкусами и обиходом старых служивых, хотя ему едва ли было за тридцать.

Он любил, как все наши сверхсрочные солдаты, попариться в бане, и чтобы потрясли над ним горячий веник. Я помню, как он радовался этому пеклу и смеялся, свесивши с полки мокрую голову, и как на его груди поблескивал на мокром шнуре простой серебряиый крест, истертый и тоненький, совершенно такой же, как и у старых солдат. Ценил он квасок, квашеную капусту н водки чарку, да еще с кряканьем.

В этом капитан Иванов повторял всех армейских Ивановых, ту нашу простецкую армейщину, в которой жила простая и вечно юная душа самого Александра Васильевича Суворова. Впрочем, в отличие от привычек славного фельдмаршала, Иванов, по одной, вероятно, молодости лет, был, как бы это сказать поосторожнее, порядочным бабником.

При случае любил он приволокнуться и в своих сердечных увлечениях был прост до крайности. Ему нравились бабы; я хочу сказать, что ему нравились настоящие деревенские бабы, да чтоб подебелей, рослые вдовы со смелой и сильной выступкой и с такой звонкой скороговоркой, под обстрелом которой не устоять, не то что капитану, а и любому генералу со всем его штабом.

Бабы иравились капитану Иваиову совершенно так же, как его солдатам, и вся четвертая рота уважала ромаиы своего командира и оберегала их мирное течение от лишнего вмешательства. Займет капитан Иванов деревню. Его солдаты разместятся в отличных хатах, а сам капитан заберется в такую глухую избенку на трех иогах, что даже неловко. Зато можно быть уверенным, что в колченогнх хоромах обитает какая-нибудь рослая вдова.

Чтобы нвйти в деревне капитвна Иванова, иадо разыскивать не дом, где ои остановился, а подозвать первого встречного солдата и спросить:

— Где тут живет молодая вдова?

Сколько раз шел я к капитану Иванову, когда он был занят сердечными делами, и надо было видеть, как солдаты четвертой роты, чудаки, подмигивали друг другу и подавали другие испытанные сигналы, а дневальный, сломя голову, уже пер во весь дух по задворкам упредить капитана, чтобы, чего доброго, полковник Туркул не застал его в боевом расположении на рандеву.

Должен сказать, что я никогда не заставал капитана Иванова врасплох. Предупрежденный, ои выходил ко мне на крыльцо с ослепнтельной улыбкой, со слегка растрепанными черными волосами, разве только ворот белой косоворотки иногда был отстегнут на шее и картавил весело и лукаво:

— Здгавия желаю, господин полковник.

А улыбка у него была, по правде, прелестной.

Особенно я любил наблюдать за ним, когда после удачного боя, на поле, только что вытоптанном атакой, разбирали и опрашивали пленных.

Среди земляков в поношенных серых шинелях, с темными или обломанными красными звездами на помятых фуражках, среди лиц русского простонародья, похожих одно на другое, часто скуластых, курносых и как бы сонных, мы сразу узнавали коммунистов, и всегда без ошибки. Мы узиавали их по глазам, по взгляду их белесых глаз, по какой-то непередаваемой складке у рта.

Это было вроде того, как по одному черному пятнышку угадала панночка в «Майской ночи» ведьму-мачеху среди русалок. Лицо у коммунистов было как у всех, солдатское, скуластое, но проступало на нем это черное пятио, нечто скрытое и вместе отвратительное, смесь подобострастия и подлости, наглости и жадной вседозволенности, скотство. Потому мы и узиавали партийцев без ошибки, что таких погасших и скотских лиц не было раньше у русских солдат. На коммунистов, к тому же, указывали и самн пленные.

Пленные красноармейцы стояли и сидели на изрытом поле, и дрожал над ними прозрачный пар дыхания. Капитан Иваиов, со стэком, озабоченно поглаживая самый кончик острой черной бородки, ходил между ними. Ои не спеша оглядывал их со всех сторои. Он обхаживал пленного так же внимательно и осторожно, как любитель на конской ярмарке обхаживает приглянувшегося ему жеребца.

Плениый, кое-кто и босой, в измятой шинели, поднимался с травы, со страхом, исподлобья, озираясь на белого офицера.

— Какой губегнии?

Рослый парень, серый с лица, зябнущий от страха и ожидания своей участи, глухо отвечал. Капитан расспрашивал его вполголоса. Вероятно, это были самые простые вопросы, о деревне, земле, бабе, стариках. И вот менялось лицо красноармейца, светлело, на нем скользил тот же добрый свет, что на лице капитана, и пленный уже отвечал офицеру, улыбаясь во все свои белые, ровиые зубы.

Капитан слегка касался стэком его плеча, точно посвящая пленного в достоинство честного солдата и говорил:

— В четвегтую, бгатец, готу...

И ни разу не ошибся он в своем отборе: из четвертой роты не было ни одного перебежчика. Он чуял и понимал русского человека, и солдат чуял и понимал его.

Не только в нашем Дроздовском полку, но, может быть, во всей Добровольческой врмии четвертая рота капитана Иванова была настоящей солдатской. Он пополнял ее исключительно из пленных красноармейцев. В то время как у нас целые полки приходилось набирать из одних офицеров, и в любой другой роте их было не менее полусотни, у капитана Иванова все до одного взвода были солдатские, и ротный командный состав тоже солдатский из тех же пленных. Все ребята — молодцы, здоровенщина.

Я иногда посылал к капитану Иванову пополнение нз кадет, гимназистов и реалистов — наших удалых баклажек — и студентов, но капитан Иванов каждый раз отказывался вежливо, но наотрез:

— Это какой же-с солдат, — говорил он не без раздражения. — Это-с не солдат, а, извинните, гусская интеллигенция...

И в это слово «интеллигенция» вкладывал он столько уничижительного презрения, что за нее просто становилось совестно.

— Нет уж, благодагю: я уж пополнюсь моим земляком...

А земляки в его роте вскоре же становились мордастыми сытюгами. Хорошим хозяином был капитан Иванов; он умудрялся кормить свою роту настоящим армейским пайком мирного времени. Ни у кого не было таких наваристых щей, играющих всеми цветами радуги, ни у кого солдат не был так ладно, опрятно и тепло одет, так крепко и сухо обут.

Капитан Иванов умел раздобывать своим землякам зимою даже варежки и какие-то ватные набрюшннкн, вроде потников-подседельников; ни у кого не было столько табаку и сахару, как в четвертой роте, и ни в одной роте не пахло так вкусно и так семейственно, как в большой солдатской семейке капитана Иванова. Народ у него все был плотный, ражий, во сне храпели, как битюги, а с чужими были заносчивы и горды. Орлы.

Дисциплина в четвертой роте была железная, блистательная. Солдаты чувствовали сильную руку своего командира и его прямую душу, знали, что нет в нем никакой несправедливости и неправды. Солдаты понимали его так же, как ои их, и жили с ним душа в душу.

Капитан Иванов был русским простецом и, иесмотря на его деревенские прегрешения с рослыми вдовами, светился в его простоте свет русского праведника. Может быть, за праведную простоту мы его и прозвали Гришей. У него, впрочем, было и другое, довольно страниое, прозвище Иисус Навин.

И вот почему. При всей своей скромности капитан Иванов любил покрасоваться. Однако, только в бою. В бою он всегда был верхом, впереди своей цепи. Пеший он никогда не ходил в атаку, и ему неукоснительно подавалн нового Россинанта. Не сосчитано ннкем, сколько под ним было убито коней.

По-солдатски, если хотите по-лубочному, чувствовал он красоту боя: в огне храбрый командир должеи красоваться впереди своих солдатушек верхом, вот и все. Ведь солдатская любовь к командиру по-детски жестока; уж таким храбрецом должен быть орел-командир, что и пуля его не берет, и от сабли он заговорен. Вероятно потому и гарцевал капитан Иванов в огне перед цепями. Я думаю, позволь ему, он завел бы еще у себя по старине и барабанщиков, открывающих барабанным боем атаку в штыки, и тоже из-за одной красоты.

Вижу, как он скачет в цепях на коне, израненном пулями, залитом кровью. Верхом он был истииным Иисусом Навиином. Уж очень дурны были все его кобылы и конн, старые, костлявые, вроде тех еврейских кляч, на которых тащатся на мужицкую ярмарку в расшатанных таратайках, обвязанных веревками, а то и верхом, местечковые Оськи и Шлемки.

Наши веселые замечання о его боевых конях капитан Иванов отражал с достоинством.

— Я быстгых коней не люблю, я не кавалегия-с, — говорил он и тут же добавлял с прелестной улыбкой:

— Я пехотный офицег.

Особенно он запомнился мне в бою под Богодуховом. Это было в июле 1919 года. Я командовал тогда офицерским батальоном. Мы наступали на сахарный завод, кажется, Кенига; я был впереди батальона верхом.

Вторая рота, с которой я был, промокшая до нитки, в отяжелевших сапогах, облепленных грязью, довольно неуклюже начала развертываться на дороге в цепь и по бурлящим водороинам пошла в атаку на завод. «Ура» относило дождем.

Мы заняли завод. В затылок второй роте, где-то в дожде, иаступала с капитаном Иваиовым четвертая, но ее еще не было видно. Внезапио, а тылу, за тополями у дороги застучал частыи огонь, все горячее. В дожде, близко, был противиик. Я спрыгнул с коня в грязь и подозвал начальника пулеметиой команды капитана Трофимова. Он подбежал ко мне, утирая рукавом лицо; его потемневший от воды френч блестел, как клеенка.

— Скачите в четвертую роту, передайте капитану Иванову мое приказание наступать на противника правее тополей.

Капитан Трофимов молча взял под козырек и побежал к коню.

Ко мне подошел раненый пулеметчик второй роты, поручик Гамалея, с карабином через плечо. Рукав его кожаной куртки был разрезан, бинты просачивались кровью.

— Наседают и довольно круто, господин полковник... Гамалея улыбнулся, тут же поморщившись от боли.

— Куда девалась четвертая?

Огонь так силеи, словно нас обстреливают и с дороги, где идти капитану Иванову. Я всматривался в бегущий дождь на шоссе. Наконец, показалось, что вижу тянувшуюся там, точно смутные привидения, длинную цепь и перед цепью тень всадника.

Вот он, Инсус Навин. Он не торопится, он прет прямиком по шоссе, иесмотря на мое приказание наступать правее тополей. Меия разозлил его неуклюжий марш. Я набрал, сколько мог, воздуха и выкрикнул обидную команду:

— Шире шаг, четвертая, шире шаг... — и побежал им навстречу, за мною Гамалея. Град застучал нам в спииу. Я прыгнул через лужу и услышал над собою конское фырканье. Теперь и капитан Иванов услышит меия — с полным удовольствием я стал ото всей души крыть запоздавшую четвертую и увидел над собою в дожде незнакомое серое лицо в нахлобученной фуражке с темной пятиконечной звездой.

Брякнул выстрел, пуля пробила мне тулью — я содрогнулся от пулевого ветра, выхватил браунинг, но в стволе нет патрона, вестовой вчера чистил, вытащил пвтрон. Патрон, дослать патрон...

Всадник прицелился. Но у моей щеки прогремел выстрел. Лошадь со всадником откинуло в сторону, она покачилась на задних ногах. Около меня кто-то часто и сильно дышал. Я оглянулся: за мной стоит Гамалея, оскаленный, бледный. Это он успел одной рукой поднять карабин и выстрелить в коня. Я дослал патрон и сбил всадника выстрелом, он повис с седла вниз головой. Ранеиая лошадь тяжело прыгнула передними ногами с дороги в канаву. Увязла. Фуражка краскома, дном кверху, плывет в темной луже, по ней стучит град.

По нас нв ходу бьют пачками, а мы, онемевшие, оба стоим в луже перед всей красной цепью. Бежать под залпами вдоль наступающих, обогнать их, выскочить к нашим — верная смерть. Я понял, что получился «слоеный пирог», какой не раз получался на фронте: красная цепь втянулась между нашими второй и четвертой ротами. Я повернулся и со всех ног кинулся бежать обратно ко второй роте. Гамалея за мной. Никогда и никакой Нурми не давал такого хода, как мы с поручиком под этим ливнем, градом, пальбой.

Я помню, как Гамалея упал, помню, как вынырнуло из тумана блестящее лицо Макаренки:

— Господин полковник, в седло...

Он подводит лошадь, я прыгаю в седло, несусь без стремян от красной цепи. Вот иаша вторая рота; вдоль роты я обскакал красную цепь и вынесся за нею в тыл на левом фланге. Я знал, что за красными наши.

Вскоре на дороге передо мною вырос всадник, за ним быстро идущая цепь, принимавшая на ходу правее тополей. На меня наскакал капитан Иванов, мокрый, за иим мокрый капитан Трофимов.

— Какого черта вы прете так медленно?

Я с таким удовольствием заорал на капитана Иванова, что тот от неожиданности заморгал.

— Это не я пгу медленно, — ответил он, пытаясь оттянуть поводья своего очередного коня. Несмотря на весьма почтенный возраст, его конь положил голову на шею моей Гальке и уже нашептывал ей какие-то любезности, едва шевеля мягкими губами.

— Это втогая гота медленно пгет впегеди меня...

— Черта лысого там вторая рота! Там большевнки.

— Большевики?

Капитан Иванов все мгновенно поиял. Он приподнялся на стременах, оглянулся как-то по соколиному, прелестная улыбка пронеслась по его лицу и он скомандовал с радостной удалью:

— Четвегтая гота, с Богом, в атаку!

Мы поскакали с цепями вперед. Порывы сильного «ура» подгоняли коней. Четвертая рота одним ударом смяла красных. Сгрудившиеся в дожде стадами красноармейцы поднимали руки, вбивали виитовки прикладами вверх в мокрую землю. Как говорится, забрано все.

На шоссе, подкорчившись, сидел в луже поручик Гама-

лея. Мы окружили его, он нам кивал головой, залитой кровью. Удивительно сказать, но без улыбки мы не могли смотреть на стриженую голову Гамалеи, с торчащими во все стороны пулями. В гастрономических магазинах выставляют иногда такие фаянсовые головы, засеянные травой.

Цепь красных до нашей атаки дошла до упавшего Гамалеи, и кто-то стал в упор расстреливать его из самого дешевого револьвера Лефоше, из этой жестянки; пули, торчавшие теперь в его голове, едва только пробили ему кожу. По Лефоше, из опросов пленных, мы отыскали владельца, кривоногого краскома, мальчишку-коммуниста. Краскома расстреляли.

Гамалея вскоре оправился от своих необычайных ран, о которых сам говорил с улыбкой. Но смерть ему была суждена на поле чести: поручик пулеметной команды первого батальона Дроздовского полка Гамалея был убит в Крыму. А после боя под Богодуховом унялся ливень, засветился прозрачный воздух. Сильно дышали мокрые травы, мята, тмин, и над дальними холмами и тополями, над которыми еще курился дождевой дым, стала в небе нежно-светлая радуга.

Капитан Иванов, постукивая стэком по мокрому сапогу, уже ходил между пленными. Его лицо и все лица вокруг светились от радуги. От летнего боя под Богодуховом у меня навсегда останется вот именно это воспоминание.

Теперь я понимаю, что простота капитана Иванова была той суворовской простотой, которая преображала нашу армию в совершенно особенное и чудесное духовное существо, отмеченное чертами необычайной семейственности, в ту нашу великую армейскую семью, где немало было таких капитанов Ивановых, для которых солдаты — живая, дышащая Россия, и где было много таких солдат, для которых их капитаны Ивановы были самыми справедливыми и честными, самыми храбрыми и красивыми людьми на белом свете.

Светился суворовский свет в праведной русской простоте капитана Иванова. Суворовским светом залиты и его последние дни. Это было в самом конце октября 1919 года. Неслись мокрые метели. Мы отходили. Капитан Иванов и теперь, часто по гололедице, верхом водил в огонь свою четвертую роту.

29-го октября под Дмитриевом он атаковал красную батарею. Четвертая рота попала под картечь. Очередная кобыла была убита под Иисусом Навином в атаке. Тогда он пеший повел цепь на картечь. Четвертая рота взяла восемь пушек.

В Дмитриеве четвертая рота стала в резерв. Ночью красные начали наступать от Севска. Полковник Петерс приказал четвертой роте подтянуться к батальону. Капитан Иванов повел роту к вокзалу. В холодных потемках большевики обстреливали нас шрапнелью. Вскоре и я, с моим штабом, прискакал к вокзалу.

На площади, в темноте, меня удивил тихий, тягостный вой. Сгрудившаяся толпа солдат как будто бы выла с зажатыми ртами. Это была четвертая рота. Солдаты смотрели на меня из темноты, не узнавая, не отдавая чести, опустевшими, дикими глазами. Этот невнятный звук, удививший меня, был подавленным плачем. Так плачут наши простолюдины, не разжимая рта. Четвертая рота плакала.

Капитан Иванов, верхом, стал уже выводить ее к вокзалу, когда над ним разорвалась шрапнель. Случайный снаряд десятками пуль мгновенно смел его и его последнего боевого коня. В ту ночь нашей единственной потерей был командир четвертой роты капитан Иванов.

Ночью я приказал перейти в наступление. Безмолвной, страшной была ночная атака четвертой на красных в деревне, под самым Дмитриевом. Они перекололи всех, они не привели ни одного пленного.

В городе нашелся оцинкованный гроб; я приказал похоронить капитана Иванова с воинскими почестями. Все было готово к похоронам, когда мне доложили, что идет депутация от четвертой роты. Это были старые солдаты Иванова из пленных, с ними подпрапорщик Сорока.

Они шли по вокзальной площади тяжело и крепко, сивые от инея, с суровыми скуластыми лицами, угрюмо смотрели себе под ноги и с остервенением, как мне показалось, отмахивали руками.

— В чем, братцы, дело? — спросил я, когда они отгремели по плитам вокзала.

Мгновение они стояли молча, потом выдохнули все, разом заговорили смутно и гневно, их лица потемнели.

Я не понимал, о чем они гудят, остановил их:

— Говори ты, Сорока.

— Так что нельзя. Так что робята не хочут капитана тут оставлять. Этта чтобы над ем красножке поругались. Робята не хочут никак. Этта сами уходим, а его оставлять, как же такое...

Сорока умолк. Я видел, как движется у него на скулах кожа, как изо всех сил он стискивает зубы, чтобы унять слезы, а они все же бегут по жестким, изъеденным оспинами щекам солдата.

— Хорошо, Сорока, я понял. Но, знаешь сам, мы отходим. Надо же капитана похоронить.

— Так точно. А когда отходим, и он с нами пойдет. Где остановимся, там и схороним его с почестью. Разрешите, господин полковник, взять нам командира с собой...

Я разрешил...

Дмитриев был нами оставлен 31-го октября после упорного боя с четырнадцатью красными полками. При переходе через железную дорогу нам очень помог наш бронепоезд «Дроздовец» капитана Рипке.

Была жестокая и темная зима. Мне трудно это передать, но от того времени у меня осталось такое чувство, точно вечная тьма и вечный холод — самая бездыханность зла — поднялись против России и нас. Кусками погружалась во тьму Россия, и отступали мы.

На отходе одну картину, героическую, страшную, никогда не забудут дроздовцы. В метели, когда гремит пустынный ветер и несет стадами снеговую мглу, в тяжелые оттепели, от которых все чернеет и влажно дымится, днем и ночью, всегда четыре часовых, солдаты четвертой роты, часто в обледенелых шинелях, шли, по снегу и грязи, у мужицких розвален, на которых высился цинковый гроб капитана Иванова, полузаметенный снегом, обложенный кусками льда.

Мы отходили. Мы шли недели, месяцы, и ночью и днем двигался с нашей колонной запаянный гроб, окруженный четырьмя часовыми с примкнутыми штыками.

Я говорил подпрапорщику Сороке:

— Мы все отходим. Чего же везти гроб с собой? Следует похоронить его, хотя бы в поле.

Подпрапорщик каждый раз отвечал угрюмо:

— Разрешите доложить, господин полковник, как остановимся крепко, так и схороним...

Ночью, когда я видел у гроба четырех часовых, безмолвных, побелевших от снега, я понимал, так же, как понимаю и теперь, что если быть России, только такой России и быть: капитана Иванова и его солдат.

Почти два месяца, до самого Азова, несла четвертая рота караулы у гроба своего командира. Капитан Петр Иванов был убит в ночь с 30-го на 31-ое октября, а похоронили мы его только в конце декабря 1919 года под прощальный салют четвертой роты.

Многие из его солдат остались в России, и я думаю, что перед ними, как и перед нами, всегда и всюду, пронизывая темную явь, проходят светлые видения нашей общей честной службы России. Проходит перед ними призрачный их командир, капитан Иванов, которому еще воплотиться снова на земле нашего общего отечества.

Продолжение следует.

А. АВТОРХАНОВ

Духовные предтечи Ленина

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Советская страна вступила в бурную переломную эпоху с маячащей на горизонте предреволюционной ситуацией. Пресловутый «монолит единства народа и партии» раскололся. Народ рвется вперед к подлинной демократии, партия тянет назад к Ленину. Что такое демократия и каковы ее материальные и духовные преимущества перед партократией, народ уже достаточно знает на примерах западных стран, а что значит «назад к Ленину», об этом народ имеет смутное представление. Поэтому я отважился пригласить советского читателя совершить вместе со мной, пусть и томительную, но, вероятно, не бесполезную экскурсию по «историческим местам» Ленина, чтобы приблизиться к познанию истины о нем. Политическая истина — категория относительная, историческая, даже партийная. Поискам такой относительной истины о Ленине и посвящена данная работа. Я буду доволен, если мой советский читатель последует совету Андре Жида: «Доверяйте тому, кто ищет истину, но не тому, кто ее уже нашел».

Если гениальный фанатик насильственной революции с навязчивой идеей какой-нибудь социальной утопии овладел абсолютной властью в стране, то народ такой страны обречен на периодические вивисекции, подобно подопытным животным в кровавой лаборатории экспериментатора. Таким гениальным фанатиком был Ленин, а его кровавой лабораторией вся Россия. То, что сегодня бичуют как сталинизм, это либо историческое невежество, либо политическая трусость. «Кто боится коня, тот бьет по седлу», — говорят на Кавказе. Сталинизм был и остается ортодоксальнейшим ленинизмом, доведенным до его логического конца. Поэтому партия была права вчера, когда она утверждала, что «Сталин — это Ленин сегодня», но она не права сейчас, когда старается противопоставить Сталина Ленину. Пусть критики Сталина назовут хотя бы одно новшество в идеологии и доктрине коммунизма, хотя бы один новый субстанциональный элемент в советской политической системе, который принадлежал бы не Ленину, а Сталину. Не назовут! Да, Сталин ликвидировал ленинский нэп, но восстановил ленинский «военный коммунизм», ибо отпали причины, заставившие Ленина дать нэп. Это ведь сам Ленин заявил через год, что нэп вынужденная пауза, «передышка» для перегруппировки сил, чтобы готовить новое коммунистическое наступление. Сталин основательно подготовил «перегруппировку» властных сил и безоглядно провел новое наступление. Начался «великий перелом» с «наступлением социализма по всему фронту», то есть наступление того же самого ленинского «военного коммунизма». Конечно, человеческие «издержки» этого нового наступления были чудовищны и несравнимы с издержками «военного коммунизма», но разница была только количественная, а не качественная. Там, где эксперименты Ленина стоили миллионов, эксперименты Сталина стоили десятки миллионов человеческих жертв. Однако, Сталин действовал не только от имени Ленина, но и на точном основании ленинской доктрины «классовой борьбы» и «диктатуры пролетариата», пользуясь ленинским «карающим мечом» — чекистской инквизицией. Разумеется, я далек от мысли, чтобы отождествлять человека, революционера и политика Ленина со Сталиным. Ленин — потомственный дворянин, воспитанный на европейской и русской социалистической культуре, фанатично верил в коммунистическую утопию, а революционный террор считал единственным методом превращения утопии в быль. А Сталин — порождение азиатчины и сын опустившегося сапожника, с генами гениального уголовника, ни в какой коммунизм не верил, но зато глубоко верил, что, пользуясь лозунгами Ленина и опираясь на ленинский аппарат массового террора, можно установить единоличную диктатуру над евро-азиатской страной.

Если мировая цивилизация когда-нибудь погибнет от нового ядерного оружия, то первичная вина лежит на физиках, которые изобрели это оружие, а не на генералах, пустивших его в ход. Точно так же обстоит дело и в отношении изобретения нового оружия в области политики. То новое политическое оружие, которым так виртуозно овладел Сталин на путях инквизиции, было изобретено Лениным еще до того, как кавказский бандит Коба — Джугашвили стал Сталиным. Это истина всех истин, отрицать которую могут лишь ханжи, лишенные элементарной интеллектуальной честности. Впрочем, это тема нашего позднейшего рассмотрения. Сейчас начнем с исторических корней ленинизма — как чисто русских, так и западных.

Русский народнический социализм родился раньше, чем русский марксистский социализм. В отличие от западных умозрительных социалистических утопий, куда я включаю и марксистский социализм, русский народнический социализм был воинствующим, революционно-заговорщическим социализмом. Ленин — дитя этого народнического социализма, адаптированное русским марксизмом. Это был тот «народнический социализм», из которого вышел сам основоположник русского марксизма Георгий Плеханов. Ленин ведь и вступил на русскую социалистическую арену как ученик этого Плеханова, но с тем, чтобы через пару лет учить своего учителя как технике, тактике, стратегии марксистской революции, так и методам будущего марксистского социализма (от чего бывший учитель пришел в полный ужас). Вот тогда и произошел исторический раскол в русском марксистском социализме: на «демократический социализм» Плеханова и Мартова и на «революционный социализм» Бланки, Ткачева, Чернышевского, Ленина. Раскол завершился победой «революционного социализма». Во многом это было победой не столько социализма, сколько социалистического заговора Ленина. Поэтому важно предпосылать истории его успехов характеристику его русских немарксистских предшественников.

Основоположники русского социализма и родоначальники народничества — предметное опровержение тезиса марксистского материализма «бытие определяет сознание», ибо русские «спартаки» были не рабами, а рабовладельцами, не крепостными, а крепостниками. Бросьте хотя бы беглый взгляд на ведущую плеяду русских революционных мыслителей: Герцен, Огарев, Бакунин, Писарев, Ткачев, Лавров, Михайловский (список можно продолжать), — все они дворяне, выросшие и воспитанные в помещичьем быту. В этом ряду находятся даже князья: один князь у анархистов — Кропоткин, другой князь у большевиков — Оболенский, но есть и два исключения: Белинский был «разночинцем», а Чернышевский сыном священника.

Что же касается русского марксистского «научного социализма», то его основоположники тоже дворяне — Плеханов и Ленин. Да и история революции в России тоже пошла явно не по Марксу: Великую французскую революцию подготовила французская буржуазия против дворян, а великую русскую революцию подготовили русские дворяне против русских дворян и буржуазии. Сама эта подготовка восходит к началу XIX века, когда военно-дворянская революция 14 декабря 1825 года против воцарения Николая Первого потерпела крах, но оказала глубокое влияние на кризис монархической идеологии и на радикализацию дворянской молодежи с появлением двух мощных духовных течений в русской общественной мысли с альтернативными программами, но оба направленные против крепостничества («западники», «славянофилы»). Советские идеологи считают ленинизм органическим продолжением и развитием марксизма в новую эпоху — в «эпоху империализма и пролетарской революции», основываясь на сталинском определении ленинизма, но они намеренно игнорируют тот неоспоримый факт, что ленинский социализм лишь заквашен немецким марксизмом, но вырос он из симбиоза французского бланкизма и русского народничества, то есть русской заговорщической революции доморощенных социалистических мыслителей — Чернышевского, Ткачева, Заичневского, Нечаева, в меньшей мере Герцена и Лаврова, которые проповедовали социализм в России, минуя капитализм или даже предупреждая его. Путь к этому лежал, по их убеждению, через организацию насильственной революции. Оба постулата радикально противоречат революционной философии Маркса. Каждый грамотный марксист знает, что, по Марксу, нельзя перескакивать через социально-экономические формации. По Марксу пролетарская социалистическая революция происходит в наиболее развитых в капиталистическом отношении странах. По Марксу пролетарскую революцию не организуют революционные партии, а она происходит сама по себе, когда старое общество беременно революцией. Революционным партиям Маркс отводит лишь роль знаменитой «повивальной бабки». У Ленина «повивальная бабка» как раз и есть хирург, делающий кесарево сечение старому обществу, беременному нежизнеспособным плодом, который нарекли именем «социализм»... Чтобы оправдать эту свою волюнтаристскую теорию революции и обосновать народнический тезис о том, что можно и нужно построить социализм, минуя капитализм, Ленин подверг ревизии марксизм слева, сочинив концепцию империализма, при котором «закон неравномерного развития капитализма» делает возможным победу социализма и в слаборазвитых странах, как Россия. (Правда, Ленин оговаривается, что социализм не может победить в Африке, но его наследники показали, что он может победить и там.) Как в вопросах техники и методов революции и революционной диктатуры, так и в понимании природы социализма Ленин более последовательный бланкист, радикальный народник с истинно русским размахом, чем марксист. В самом деле, обратимся к высказываниям основоположников заговорщической теории, к французским и русским предшественникам ленинской «пролетарской революции» и ленинского «революционного социализма».

В поисках исторических источников становления Ленина-революционера и Ленина-социалиста, при пристальном изучении его концепции революционной диктатуры «профессиональных революционеров», призванной обеспечить переход к социализму, добросовестный исследователь назовет его духовными предшественниками трех французов: Робеспьера, Бабефа и Бланки — и четырех русских: Заичневского, Нечаева, Ткачева и Чернышевского.

Гракх Бабеф (1760—1797) подал Ленину основополагающую идею «организации профессиональных революционеров», изложенную Лениным еще в 1902 г. в его политическом бестселлере — книге «Что делать?». В этой книге Ленин, молчаливо отвергая центральную идею Маркса из его «К критике политической экономии» о том, что социальная революция не есть акт искусственной организации, а объективный результат взрыва имманентных противоречий в обществе, сформулировал свой собственный закон: «Дайте нам организацию революционеров, — и мы перевернем Россию». Вот эта идея организации коммунистической революции централизованным заговором была взята у Бабефа. Бабеф ее проповедовал в своей революционной газете «Народная трибуна». То, что Ленин называл «организацией профессиональных революционеров», у Бабефа носит только более точное название: «тайная повстанческая директория». Впрочем, и само советское официальное издание признает, что в духовных предшественниках Ленина Бабеф занимает свое законное место, когда утверждает: «Бабеф и его сторонники бабувисты занимают видное место в ряду предшественников научного коммунизма» (БСЭ, третье издание, т. 2, стр. 500).

Очень большое влияние на выработку ленинской тактики и стратегии революции имел продолжатель дела Бабефа — Луи Огюст Бланки (1805—1882). Этот бесстрашный революционер и гениальный волюнтарист, который провел в тюрьме 30 лет за свою революционную деятельность, впервые в истории революционной мысли разработал и обосновал ведущие принципы по организации коммунистической революции в любой стране, независимо от ее социально-экономического уровня развития и политической структуры. Единственный инструмент для такой революции по Бланки — это строго централизованная и строго законспирированная иерархическая организация заговорщиков-революционеров, которая после своей победы устанавливает революционную диктатуру над страной, чтобы обеспечить победу социализма. Бланкисты входили вместе с Марксом и марксистами в I Интернационал, но отвергали концепцию Маркса о «фатальной неизбежности» революции в силу внутренних законов развитого капитализма и то только в развитых капиталистических странах. Аргументы, которые выдвигали Маркс и Энгельс против «заговорщической коммунистической революции» Бланки, прямо бьют по будущей схеме пролетарской революции Ленина в крестьянской России, капиталистически наименее развитой в Европе. Нельзя, доказывали Маркс и Энгельс в адрес Бланки, «перескочить через промежуточные станции и компромиссы» (Соч., второе изд., т. 18, стр. 516-517). Как раз «продолжатель дела Маркса» Ленин не признавал ни «промежуточных станций», ни «компромиссов», когда решил доказать на деле, что бланкистская схема коммунистической революции и коммунистической диктатуры осуществима сначала только в отсталых странах именно из-за глубоких противоречий, порожденных их политической, экономической, социальной и культурной отсталостью. Все известные нам коммунистические революции как раз в странах более отсталых — России, Азии, Африке и Латинской Америке — подтвердили реальность революционной концепции Ленина. Конечно, Ленин действовал творчески, а не как апологет. Он, выражаясь советским языком, поднял бланкизм на высшую научную ступень применительно к условиям его времени и его страны, на словах Бланки критикуя, чтобы на деле вернее переодеть «фаталиста» Маркса в волюнтаристский костюм Бланки, для чего Ленину пришлось сочинить от имени Маркса антимарксистскую теорию «необланкизма» — о новых законах революции в новых условиях «высшей стадии развития капитализма». Однако, Ленин преодолел сектантскую узость бланкизма как заговорщической организации и однобокости тем, что включил в марксист- идеологии пролетариата тем, что рядом и вокруг революционной иерархической организации заговорщиков создал целую сеть легальных организаций, что называлось по терминологии Ленина «сочетанием нелегальной работы с легальной работой», а марксизм избавил от его пролетарской однобокости тем, что включил в марксистскую схему «пролетарской революции» еще один новый класс, который Маркс и Энгельс объявили в «Коммунистическом манифесте» реакционной силой, а именно — крестьянство. В вопросе о роли крестьянства в будущей «пролетарской революции» и его месте в строительстве социализма в России Ленин кричащий антимарксист, но зато трезвый стратег, ибо ко времени революции 1917 г. крестьянство составляло 80% от общего населения империи, а индустриальный пролетариат только 2,5%. Если бывший народник, ставший позднее основоположником русского марксизма, Плеханов пророчил еще в 1889 г., что революция в России победит как рабочая революция или вовсе не победит, то Ленин в 1917 г. доказал обратное: революцию под знаменем пролетариата могут организовать русские бланкисты, опирающиеся на кучку интеллигентных демагогов и на гигантский класс крестьянства, переодетого в солдатские шинели. Однако, Ленину были чужды свойственные любому заговору, в том числе и бланкистскому, авантюризм, некалькулированный риск, путчизм, революционная игра ва-банк. Как стратег победоносной и организованной революции он уникален, а как тактик лавирования и маневрирования в политической борьбе он превосходит всех своих противников, вместе взятых. Превзошел он Бланки и в искусстве организации заговора применительно к условиям времени, оценке собственных и вражеских сил, резервов обеих сторон, могущих быть использованными в ходе революции. Плюс еще один очень важный психологический элемент: приурочить восстание к какому-нибудь ударному — случившемуся, спровоцированному или просто придуманному — «казусу белли» революции — к предлогу, вокруг которого можно организовать ярость революционных сил — наличных и потенциальных. Все это входит в стратегический баланс

Текст Авторханова публикуется без каких-либо фактических уточнений и редакционных примечаний по книге «Ленин в судьбах России», 1990 г.

революции, но для того, чтобы она развязалась, нужно еще одно условие — Ленин его называет «революционной ситуацией». Как раз анализируя достижения и недостатки доктрины заговора своего духовного предшественника Бланки, Ленин рассказывал, в чем он расходится и в чем он дополнил бланкизм: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильней колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма» (ПСС, пятое изд., т. 34, стр. 242—243).

Марксизм в этих рассуждениях, конечно, и не ночевал. Никаких заговоров, пусть даже переименованных в «революцию», для организации восстания, чтобы осуществить программу социализма, Маркс не признает. Именно в этом фундаментальное отличие марксизма от бланкизма, как мы видели выше. Вот в этом как раз отличается марксизм от ленинизма.

В самом деле, вспомним еще раз исходную позицию Маркса, когда и почему происходит всякая социальная революция в обществе, чтобы сравнить марксистский фатализм, который Маркс выдает за свое научное открытие законов революции, с вышеизложенным ленинским волюнтаризмом, являющимся не развитием идей Маркса о революции, а развитием и расширением идей Бланки. В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс сформулировал свой знаменитый закон всякой революции в следующих словах: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил потом руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко сформулировать следующим образом... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы... Тогда наступает эпоха социальной революции». Исходя из этого, на его взгляд, универсального закона всех революций, Маркс утверждал в своих последующих сочинениях, что нельзя искусственно перескакивать через социально-экономические формации, также нельзя вводить новый социальный строй декретами, добавляя, что капиталистически более развитые страны показывают отсталым странам картину их собственного будущего. Ленин молчаливо опрокинул всю эту концепцию Маркса о законах смены социально-экономических формаций и социальной революции, опираясь именно на революционные идеи Бланки и на его русских революционных последователей.

Со дня выхода Ленина на русскую общественную сцену его мысль бьется только над одной единственной проблемой: как организовать революцию в России в одеянии Маркса и методами Бланки. Социальная философия Маркса была для Ленина вершиной теоретической мысли, но его наукообразная концепция революции была противна волевой и энергичной натуре Ленина. Именно как «научный социалист» Маркс для Ленина — гигант, но как революционер он для него жалкий утопист. Здесь для Ленина образец революционера и даже герой, от которого он в восхищении, только один Бланки, несмотря на категорическое осуждение Бланки Марксом. Поэтому прав советский автор из официального издания, когда он замечает, что «В. И. Ленин высоко ценил личные революционные качества Бланки и многих его соратников» (БСЭ, третье изд., т. 3, стр. 413). Однако дорога Ленина и Бланки лежала не прямо, а через его русских учеников — русских якобинцев и бланкистов. Обратимся к ним.

Так сложилась традиция, что в старой России интеллигент только тот, кто служит обществу, а кто служит государству, будь он и профессором, тот не интеллигент, а бюрократ. Интеллигент — это идеалист, посвятивший себя как эмансипации и возвышению личности человека, искоренению социальных пороков и социальных несправедливостей в обществе, так и борьбе против бюрократического бездушия и политического деспотизма в государстве. На крайне левом фланге этого весьма тонкого интеллектуального слоя к концу эпохи жестокого Николая I и на протяжении всей многообещающей эпохи Александра II стояли родоначальники русского социализма на основе знаменитой русской крестьянской общины — народники. Чистота и бескорыстность их идеалов, их бесстрашие и жертвенность вызывали восхищение современников, когда они, отказавшись от личной жизни и блестящей карьеры, сознательно шли на гибель или «шли в народ», то есть в крестьянство в качестве простых мастеровых, чтобы просветить его в социалистическом духе, то есть настроить против помещиков и царя. Однако мужик отвергает социализм, даже выдает своих благожелателей полиции. Тогда возникло новое течение в народничестве: народ не хочет своего счастья, так надо навязать ему это счастье силой. Вот они-то, собственно, и стали основоположниками русского бланкизма и духовными предшественниками большевизма.

Самое выдающееся место среди них занимает Николай Чернышевский (1828—1889), с произведениями которого Ленин познакомился еще при жизни автора через своего старшего брата. Современник и бывший единомышленник Ленина в начале века — Н. Валентинов в книге «Встречи с Лениным» пишет, что Ленин считал Чернышевского своим духовным предтечей, а свое инструктивное руководство к революции «Что делать?», названное Плехановым «катехизисом революции», написал под прямым влиянием книги Чернышевского, которая тоже называлась «Что делать?».

«Что делать», чтобы освободить крестьян от крепостной зависимости, а Россию от деспотизма, Чернышевский знал еще десять лет до рождения Ленина, когда он напечатал в «Колоколе» Герцена от 1 марта 1860 г. письмо из России, подписанное псевдонимом «Русский человек». В этом письме сказано: «Наше положение невыносимо и только топор может нас избавить и ничто, кроме топора, не может. Перемените тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат. К топору зовите Русь!»

Через два года — в 1862 г. единомышленник Чернышевского Петр Заичневский (1842—1896) развил тему о «топоре» в печатной подпольной прокламации «Молодая Россия», как бы предуказывая будущие пути ленинской революции. В ней говорилось: «Мы будем последовательнее великих террористов 1792 г. Мы не испугаемся, если увидим необходимость для ниспровержения современного порядка пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 1790-х годах... С полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: к топору! И тогда бей императорскую партию, не жалея, как не пожалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что кто тогда не будет с нами, тот будет против, кто против — тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами. Да здравствует социальная и демократическая республика русских».

Стоит только сравнить язык «Молодой России» с языком официальных документов ленинской России, чтобы увидеть: то, что у народников было эмоциональным взрывом, революционной фантазией, у Ленина станет программой действий первых лет революции.

Идея «топора» Чернышевского и Заичневского была впоследствии разработана в виде цельной системы программы действия революционеров: во-первых, как нужно организовать в России социалистическую революцию, и, во-вторых, какой и как надо ввести в стране социализм, минуя капитализм. Автором программы был Сергей Нечаев (1848—1883). Она изложена в двух его произведениях: «Катехизис революционера» и «Главные основы будущего общественного строя». Ведущая идея «Катехизиса революционера» — морально и допустимо все, что помогает успеху революции, ибо «цель оправдывает средства». Вторая работа посвящена характеру и содержанию будущего русского коммунизма. Критика Марксом нечаевского социализма звучит сегодня как критика нынешнего советского социализма. Маркс писал, что у Нечаева принцип «производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше»; труд обязателен под угрозой смерти, царствует дисциплина палки. Маркс восклицает: «Какой прекрасный образец казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего этого, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому не известный «Наш Комитет» (Маркс и Энгельс, Соч., т. 18, стр. 414). Поставьте на место «безымянного Нашего Комитета» безымянный аппарат ленинского Центрального Комитета, и вы увидите, что основополагающая идея советского «казарменного коммунизма» принадлежит не Марксу, а Нечаеву. Первым, кто испробовал идею Нечаева на практике, был Ленин («военный коммунизм»). От нее он на время отказался, когда увидел опасность потери власти. Мы уже говорили, что ленинская «философия революции» в основе своей идет не от Маркса и Энгельса, а от Бланки, а теперь добавим, что она также и от Нечаева и Ткачева. В «Катехизисе революционера» весь будущий Ленин.

Вот некоторые пункты из него:

1. Революционер — человек обреченный, у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией.

2. Он в глубине своего, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами... и нравственностью этого мира.

4. Он презирает общественное мнение, он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные и изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единой холодной страстью революционного дела.

10. У каждого товарища должны быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономно тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу.

14. С целью беспощадного разрушения революционер может и должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть на самом деле, должен проникнуть всюду.

15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть.

17. Вторая категория должна состоять из людей, которым даруют только временную жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

24. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны объединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать... Соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

(См.: С. П. Жаба. «Русские мыслители о России и человечестве», Париж, 1954).

Официальные советские историки характеризуют Нечаева как человека, «обладавшего большим личным мужеством, фанатически преданного делу революции» (БСЭ, третье изд., т. 17, стр. 552).

После Чернышевского, Заичневского и Нечаева наибольшее влияние на Ленина в отношении разработки техники, революции и принципов подбора революционных кадров имел человек, которого марксистский академик М. Н. Покровский назвал «предшественником большевизма», — Петр Ткачев (1844—1886). По происхождению и образованию Ткачев также похож на Ленина: он тоже сын дворянина, тоже сдал экзамены экстерном за юридический факультет Петербургского университета. Якобинец-народник, единомышленник Заичневского и Нечаева, но враг «бунта снизу» Бакунина с его «анархией», а также враг пассивной пропаганды социализма Лаврова, Ткачев в своем зарубежном журнале «Набат» проповедует политическую революцию меньшинства сверху для установления революционной диктатуры — чтобы построить социализм в России именно диктаторскими методами. Иначе говоря, социальной революции снизу должна предшествовать политическая революция сверху. Революцию сверху совершает не какая-то аморфная группа личностей, опираясь на темную массу, а отборные революционеры, соединившиеся в спаянную группу «активного меньшинства». Такие волевые и жертвенные личности, утверждает Ткачев, вносят в «процесс развития общественной жизни много такого, что не только не обуславливается, но подчас даже решительно противоречит историческим предпосылкам, так и данным условиям общественности» (П. Ткачев, Избранные сочинения, т. 3, 1933 г., стр. 193).

Кто читал Ткачева и ленинское «Что делать?», тот знает, что доктрина Ленина о «профессиональных революционерах», так же, как и другая ленинская доктрина, что идея социализма рождается не из рабочего быта, а должна быть привнесена извне интеллигенцией, обе эти идеи целиком взяты из Ткачева, который, в свою очередь, заимствовал их у Бабефа и Бланки. Идеи эти, конечно, далеки от марксизма. Когда в 1889 г. в одном из писем русские люди запрашивали автора «Молодой России», сродни ли идеи народнического социализма идеям Маркса, то пренебрежительный ответ гласил: «Марксятину мы тогда еще не читали». Ленин впоследствии читал всю «марксятину», но твердо знал, что цель, которую он поставил пред собой, — захват власти в русском государстве — может быть достигнута только на путях революционной доктрины Ткачева. Суть этой доктрины, выражаясь словами Ткачева, сводилась к следующему:

«Меньшинство, в силу своего более высокого умственного и нравственного развития, всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством. Следовательно, революционеры — люди этого меньшинства..., оставаясь революционерами, они не могут не обладать властью... Если ближайшая, практически достижимая задача революционеров сводится к насильственному нападению на существующую политическую власть с целью захвата этой власти в свои руки, то отсюда самой собой следует, что к осуществлению именно этой задачи и должны быть направлены все усилия истинно революционной партии. Осуществить ее всегда легче и удобнее посредством **государственного заговора**... Но всякий, признающий необходимость государственного заговора, тем самым должен признать и необходимость дисциплинированной организации революционных сил... **Организация**, как средство дезорганизации и уничтожения существующей правительственной власти — такова должна быть единственная программа деятельности всех революционеров» («Набат», 1875).

Анализируя победоносный октябрьский государственный заговор Ленина по точным рецептам Ткачева, не столько восхищаешься успехами Ленина, сколько гениальным предвидением Ткачева. Впрочем, им восхищался сам Ленин, когда писал: «Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством „устрашающего“ и действительно устрашающего террора попытка захватить власть — была **величественна**». (Ленин, ПСС, т. 6, стр. 173). Речь идет об убийстве членами исполнительного комитета «Народной воли» освободителя крестьян Александра II.

Ленин развил основные идеи Ткачева в книге «Что делать?» в следующих словах:

«Без десятка талантливых, испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. И вот я утверждаю:

1) ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность **организации руководителей**;

2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация;

3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью;

4) что в самодержавной стране, чем более сузим состав такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и

5) — тем шире будет состав лиц из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем... Десяток испытанных, профессионально вышколенных не менее нашей полиции революционеров централизует все конспиративные стороны дела».

Николай Бердяев был совершенно прав, когда оценил влияние Ткачева на будущую доктрину революции Ленина в следующих словах: «Наибольший идеологический интерес, как теоретик революции, представлял Ткачев, которого нужно признать предшественником Ленина... Он государственник, сторонник диктатуры власти, враг демократии и анархизма. Революция для него есть насилие меньшинства над

большинством Нельзя допустить превращения государства в конституционное и буржуазное... Ткачев, подобно большевикам, проповедует захват власти меньшинством и использование государственного аппарата для своих целей. Он сторонник сильной организации. Ткачев один из первых говорил в России о Марксе. Он пишет в 1875 г. письмо к Энгельсу, что пути русской революции особенные и что к России не применить принципы марксизма. Ткачев более предшественник большевизма».

У нас есть свидетельства от самых близких Ленину людей, как высоко оценивал Ленин концепцию «насильственной политической революции» сверху, которую возглавляет централизованная революционная организация по рецептам Нечаева и Ткачева. Уже будучи у власти, Ленин говорил своему близкому соратнику и начальнику своего личного кабинета Бонч-Бруевичу: «Ближе всех к нам Ткачев». Ленин рекомендовал своим последователям читать и изучать произведения Ткачева. Восхищелся Ленин также необыкновенным талантом Нечаева как революционера и мастера конспирации. Ленин говорил: «Люди совершенно забывают, что Нечаев обладал уникальным организаторским талантом, обладал способностью везде находить особенные технические приемы для организации заговора, придать своим мыслям такие потрясающие формы, что они навсегда запечатляются в памяти. Стоит вспомнить его ответ в листовках на вопрос, кого из членов правящего дома надо убить? Его чеканный ответ гласил: «весь большой Респонсориум» (молитвенник). Каждый знает, что в нем упомянуты все члены дома Романовых. Ведь этот ответ граничит с гениальностью». (D. Shub, Lenin. стр. 428—429, Wiesbaden). Ленин добавлял: «В политике нет морали, а есть целесообразность». Когда Ленин и Свердлов 18 июля 1918 г. отдали приказ без суда расстрелять всю семью царя Николая II, то они, видно, руководствовались этим принципом.

Ленин учился и у Бакунина, критикуя его анархизм. Что же от Бакунина вошло в «сокровищницу ленинизма»?

Прежде чем говорить об этом, бросим беглый взгляд на необыкновенную биографию Михаила Бакунина (1814—1876). Он, как и все русские мыслители и революционеры, происходил из дворянской семьи, был артиллерийским офицером с блестящей перспективой для карьеры (ведь артиллерийские офицеры были наиболее образованной частью тогдашнего русского офицерского корпуса), но его занимала на военной службе не артиллерия, а... философия. Бросив военную карьеру, он погружается в ее изучение сначала в кружке Станкевича, а потом в немецких университетах. Он был наряду с другим народником — Лавровым, тем русским человеком, который мог бы состязаться с немцем Марксом по знанию немецкой философии Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха... На какое-то время Бакунин нашел общий язык с Марксом. Он участвует вместе с ним в создании Первого Интернационала (1864—1874), он впервые переводит на русский язык «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, который выходит в Женеве в 1864 г. Однако скоро выясняется, что эти мощные интеллектуальные личности — психологические антиподы, противопоказанные друг другу — один мастер революционных действий, а другой — книжный революционер за столом в библиотеке Британского музея, но оба претендуют на лидерство в Интернационале. Революционные дела говорили в пользу Бакунина. Бакунин участвовал во всех европейских революциях 1848—1849 годов во Франции, Германии, Австро-Венгрии. Немцы и австрийцы приговорили его за это дважды к смертной казни, оба раза отмененной. Выданный австрийцами России, Бакунин семь лет сидел в Петропавловской крепости. Высланный в 1861 г. в Сибирь, Бакунин бежал в Японию, потом в Америку, а оттуда пробрался в Англию, чтобы вновь включиться в революционное движение Европы. Он участвует в Лионском восстании 1870 г. (Франция) и в Болонском восстании 1874 г. (Италия). Он пишет руководство, как организовать революцию, как преодолеть тиранию государства над личностью и народом — книгу «Государственность и анархия» (1873), которая становится бестселлером среди народников.

Если бы Ленин составил свой собственный «Катехизис революционера», то в него несомненно вошли бы следующие идеи Михаила Бакунина:

1. «Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть»;

2. «Идея Бога есть самое решительное отрицание человеческой свободы и приводит неизбежно к рабству людей в теории и на практике» (это предвосхищение изречения Шатова в духе Ленина: «Если Бог есть, то человек — раб»);

3. «Не надо вождей, которые наполовину возбуждают, наполовину успокаивают народ»;

4. «Освобождение наших народов может выйти из одного бурного движения их... Чудеса революции встанут из глубины этого пламенного океана. Россия есть цель революции: ее наибольшая сила там развернется и там достигнет совершенства»;

5. «Высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря крови и огня, и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества»;

6. «Революция в России несомненна. Что же будет ее первым необходимым делом? Разрушение Империи, потому что пока существует Империя, ничего хорошего и живого не может осуществиться в России. Мы патриоты народа, а не государства».

Но были и другие идеи у Бакунина, которые Ленин не стал бы заносить в свой «Катехизис». Бакунин анархист, он за ликвидацию любого государства, как основного источника и рычага угнетения личности и человечества, он за «свободную федерацию землевладельческих и фабрично-ремесленных ассоциаций», а Ленин — государственник, сторонник создания такого государства, которого история еще не знала, под названием «диктатура пролетариата». Вот против этой идеи Маркса боролся Бакунин и расколол I Интернационал. Аргументы Бакунина, пророческие тогда, сегодня тоже актуальны, более того, они все сбылись с необыкновенной точностью в странах коммунизма. Вот некоторые из его аргументов:

«Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не как последний идеал, то как ближайшую главную цель — основание народного государства, которое, по их объяснению, будет не что иное, как «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия». Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господствующему государству, например, хотя бы крестьянская чернь... Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Итак, все же приходишь.. к правлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством... но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников (то есть из рабочих, по позднейшей терминологии — А. А.). Да, пожалуй, из **бывших работников**, ... которые станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной: будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на правление народом... Марксисты.. утешают мыслью, что диктатура **временная и короткая**. Они говорят, что такое государственное ярмо — диктатура — есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения... Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить... Мы отвечаем: **никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя и что она способна породить, воспитать в народе только рабство**: свобода может быть создана только свободой» (С. П. Жаба, там же, стр. 114—119).

Когда Ленин провозгласил «диктатуру пролетариата» в России, тоже говорилось, что она временная и на короткий срок — «переходный период от капитализма к социализму». Короткий переходный период продолжается уже более 70 лет. Мао Цзэдун даже сказал, что «переходный период» может продолжаться более 500 лет!

Как оценивает сам Ленин бакунизм? Его оценка «диалектическая», то есть двойственная. Как врагов будущей централизованной абсолютной «диктатуры пролетариата» Ленин решительно осуждает Бакунина и бакунистов, но, как бесстрашных революционеров и разрушителей царского абсолютистского государства, Ленин высоко ценит их. Вот свидетельство официального издания: «Против анархизма во всех формах боролся В. И. Ленин, считавший... бакунизм порождением отчаяния... Ленин вместе с тем вполне признавал вклад в революционную борьбу в России народников-бакунистов в семидесятых годах XIX века» (БСЭ, т. 2, стр. 553, 1970 г.). Оценка Марксом личности Бакунина-революционера была чисто эгоистической: он болезненно ревновал к его мировой славе великого революционера, к его монопольному лидерству в революционном движении в латинской Европе, исключил его из Интернационала, а сам Интернационал перевел в Америку, чтобы избавиться от бакунистов и прудонистов. Да и отнюдь не все революционеры в латинских странах Европы были в энтузиазме от его безоглядной, кипучей и вездесущей революционной энергии, бескорыстно расточаемой им с истинно русской щедростью, но без немецкого педантизма в обосновании революции и без французского пафоса в ее драматизации. Поэтому-то французский коллега Бакунина по революционной профессии — Луи Коссибьер выразился о нем тоже двойственно: «Такой человек неоценим на первый день революции, но на второй день он должен быть расстрелян».

Конечно, Ленин не повторял прописных истин о технике революционного заговора бланкистов и их русских последователей. Он анализировал их рецепты, критиковал их слабые пункты, обобщал их заговорщический опыт, а из всего этого применительно к условиям своего времени разработал стройную концепцию тактики и стратегии «пролетарской революции» и «пролетарской диктатуры», которые много общего имеют с революционными народниками и ничего, кроме терминологии, с Марксом и Энгельсом.

Особое место в становлении революционной стратегии Ленина занимает Петр Лавров (1823—1900). Дворянин и полковник артиллерии, человек глубоко и всесторонне образованный, как и Бакунин. Лавров не разделял теории Бакунина, что русский мужик по природе своей социалист и бунтарь, но Лавров думал, что его можно и нужно воспитать в духе социализма и подготовить к всеобщему «бунту», то есть к будущей крестьянской социалистической революции. Для этого, по Лаврову, необходимо, во-первых, дворянским интеллигентам идти в крестьянские массы, чтобы внушать им идеи крестьянского социализма («хождение в народ»), во-вторых, сама по себе революция никогда не происходит, ее должны организовать «критически мыслящие личности». Обе идеи, как указывалось, использованы Лениным, слегка модернизировав, в уже цитированном «Что делать?», только у Ленина будущая революция не крестьянская, а пролетарская, и поэтому социализм тоже не крестьянский, а пролетарский. Ленин утверждает в этой книге, как мы это видели, что рабочий класс не может своим умом додуматься до идеи социализма, что эту идею должны привнести извне представители буржуазной интеллигенции, каковыми были, по Ленину, Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Далее, Ленин уверен, как и Лавров, что социалистическая революция в России не произойдет по Марксу, но ее можно и нужно организовать силами «критически мыслящих личностей», которые у Ленина носят название — «организации профессиональных революционеров». Этой организации революционно мыслящих и революционно действующих людей Ленин предназначает роль «архимедова рычага», опираясь на который, он хочет перевернуть Россию. Однако Ленин радикально разошелся с Лавровым как в отношении гуманистической программы его революционной концепции, так и формы послереволюционного правления в России. Не нужны Ленину и «критически мыслящие личности» при «диктатуре пролетариата». Иные высказывания Лаврова прямо-таки пророческие в свете практики будущего Ленина. Чтобы показать это, я вынужден буду привести несколько длинных цитат из Лаврова.

Интересно также отметить, как некоторые мысли Лаврова перекликаются даже терминологически («застой», «перестройка») с современностью. Лавров писал:

«Обществу угрожает опасность застоя, если оно заглушит в себе критически-мыслящие личности (диссиденты — А. А.). Его цивилизации грозит гибель, если эта цивилизация, какова бы она ни была, сделается исключительным достоянием небольшого меньшинства (Политбюро! — А. А.). Следовательно, как ни мал прогресс человечества, он и то, что есть, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях; без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен»... («Исторические письма»). «Началась историческая роль революционной доли русской интеллигенции... Она взяла на себя опасную и грозную обязанность сделаться центром нового революционного движения. Базисом этого движения должен быть русский крестьянин» («Взгляд на прошлое и настоящее русского социализма»). «На первое место мы поставим положение, **что перестройка русского общества должна быть совершена не только для народа, но и посредством народа**... Лишь строгой и усиленной личной подготовкой можно выработать в себе возможность полезной деятельности среди народа... Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения яснопонятных целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России» («Наша программа»).

«Революция, а не попытка к бунту. Революция обдуманная, рассчитанная, а не безумные забавы революционными порывами» («Русской молодежи»). «Наука и труд в их союзе одни могут дать прочное будущее человечеству... Развивайте в себе силу мысли и энергию убеждения, ясное понимание и самоотверженную решимость... Здесь возможное будущее.. идите и завоюйте его» («Кому принадлежит будущее?»).

Дальше идет Лавров, который решительно чужд Ленину. И это тоже становится понятным, если мы продолжим цитирование Лаврова.

Лавров доказывал:

«Средством для распространения истины не может быть ложь; средством для реализации справедливости не может быть ни эксплуатация, ни авторитарное господство личностей... Люди, утверждающие, что цель оправдывает средства, должны бы всегда сознавать: кроме тех средств, которые подрывают саму цель» («Наша программа»). «Современный русский деятель должен оставить за собой устарелое мнение, что специалисты-революционеры, свергнув удачным подрывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести... новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти, каков бы ни был источник новой власти... Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собой народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда наступит минута общественного переворота» («Наша программа»).

В заключении первой главы бросим беглый взгляд на влияние, которое оказал на Ленина другой народоволец — его родной брат Александр Ульянов.

Если бы родоначальники народничества верили в Бога и за свои социалистические идеалы во имя счастья и процветания русского народа боролись не по «катехизису Нечаева», а по заповедям Евангелия («возлюби ближнего твоего, яко сам себе», «не сотвори себе кумира», «не убий»), то они, вероятно, были бы причислены к лику святых. Однако все было наоборот — одних ближних убивали во имя других ближних, а из убийц люди сотворяли себе кумиров, как героев за народное счастье. Так поступал и Ленин, когда восхищался «геройской борьбой с правительством» (ПСС, т. 1, стр. 271) террористической группы «Народная воля», организовавшей убийство царя-освободителя крестьян от крепостного права — Александра II. Вождя этой группы Андрея Желябова Ленин даже отнес к числу таких революционеров, как Робеспьер и Гарибальди, что в устах Ленина было величайшей похвалой.

У Ленина была не только глубокая духовная связь с заговорщической и террористической частью радикального народничества, но и связь родственная еще с гимназических лет через его старшего брата — народовольца и террориста Александра Ульянова. Здесь надо сказать несколько слов о семье Ленина, историю которой партийные идеологи так же безбожно фальсифицируют, как и историю самой партии. Фантастических вершин фальсификации фактов, событий и биографий политических деятелей партийные идеологи достигают, когда они обращаются к биографиям политических деятелей — безразлично, своих или чужих. Чужие — со дня рождения — числятся по классу Собакевича — прохвосты, мошенники и разбойники на большой дороге, а свои занесены все в большевистские «святцы», конечно, если они умудрились умереть до фашистского переворота Сталина. Что же касается самого Ленина, то в Кремле негласно изобрели канон, который, оглашенный вслух, звучал как плагиат известной мусульманской формулы. «Нет Бога, кроме Маркса, и Ленин его пророк». Поэтому под бога Маркса сочинили пророку Ленину и биографию, да еще подчищают дворянско-буржуазную биографию его родителей, чтобы сам Володя не выглядел как барчук. В самом деле, посмотрите, как БСЭ преподносит читателям социальное происхождение родителей Ленина и как рисуется их духовный мир, чтобы вывести революционную генеалогию Ленина из семейного очага: отец происходит из народных низов, из «мещан», мать чуть ли не крестьянка, оба «прогрессивные», «демократы», которые воспитали своих детей в «прогрессивном духе», даже больше — в духе идей Чернышевского, в силу чего все они стали революционерами. «Ульянов Илья Николаевич... деятель народного образования... педагог-демократ. Родился в мещанской семье... Его педагогические воззрения формирова-

лись под влиянием революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова... Оказал большое влияние на формирование характеров, **убеждений** своих детей, ставших революционерами. Просветительская работа Ульянова содействовала пробуждению политического сознания крестьян и их стремления к борьбе за свое освобождение» (т. 26, стр. 620—621). В этой биографии отца Ленина соответствуют действительности только имя, отчество, фамилия. Все остальное — примитивнейшая фальсификация. Отец Ленина родился в богатой буржуазной семье, почему ему и удалось получить гимназическое и университетское образование, как его получил и младший брат его. Он был верноподданейший монархист и набожный церковник, который, как чумы, боялся таких атеистов, как Чернышевский, боялся куда больше, чем черт ладана (вот свидетельство Московского радио в программе «Взгляд» от 26 мая 1989 г. по записи радио «Свобода»: «Ульянов Илья Николаевич был глубоко религиозным человеком»). Отец Ленина не мог быть «педагогом-демократом», потому что таких людей не производили в чины гражданских генералов и не ставили во главе учебных округов, а приговаривали к «гражданской казни» и заточению в крепость и тюрьму, как поступили с тем же Чернышевским. Отец Ленина получил по службе все награды и ордена, какими только располагала императорская Россия. Награжденный высшим орденом Святого Владимира третьей степени в мрачную эпоху реакционера царя Александра III и его мракобеса К. Победоносцева, он был возведен в сословие потомственного дворянства. Сам Ленин еще в студенческие годы придавал значение титулу своего отца. В прошениях, подаваемых на имя начальства, он неизменно писал: «от сына потомственного дворянина В. И. Ульянова» (эти документы в двадцатых годах выставлялись под стеклом в музее Ленина). Даже в эмиграции в Женеве, в своем входном билете в Публичную читальню Ленин записал: «V. Oulianoff — gentilhomme russe», то есть «русский дворянин»! Ничего нет зазорного в том, что Ленин был сыном дворянина, ибо, как мы видели, все русские революционеры тоже из дворян, но зачем это скрывать от народа? Аналогично поступают партийные идеологи и с биографией матери Ленина. О ней говорится, что она родилась в семье врача, получила домашнее образование, экстерном сдала экзамены на звание учительницы. Изучила немецкий, французский, английский языки. Специально подчеркивается, что мать «обладая исключительными педагогическими способностями, оказала огромное влияние на воспитание детей, понимала их революционные стремления», то есть иначе говоря, она несет моральную ответственность за то, что ее старшего сына повесили за эти самые «революционные стремления». Скажите, какая мать на свете, да еще верующая христианка, может поощрять своих детей на революционные подвиги, которые заведомо могут стоить им жизни? Психологическая примитивность партийных идеологов вполне на уровне их искусства лгать даже тогда, когда на то нет никакого резона. Ведь, если дворяне и князья восстают против деспотического режима собственного класса или сословия, то это лучшее свидетельство в пользу их идеализма. Вернемся к биографии матери Ленина. Да, она родилась в семье врача, но какого? Ее отец Александр Бланк, немец, был врачом в Петербурге, при петербургском полицейском участке. Уходя в отставку, купил имение на Волге с крепостными крестьянами, которое по наследству перешло к его старшей дочери — Марии Александровне, матери Ленина. Другими словами, мать Ленина — помещица, и в этом тоже ничего зазорного нет, тем более, что на доходы матери от ее имения дети могли закончить свое образование, а Ленину-эмигранту мать регулярно посылала деньги из тех же доходов. Словом, семья Ульяновых была, по тогдашним понятиям, благородного происхождения, монархического воспитания и православной веры, но, как говорится, «в семье не без урода». Таким «уродом», тоже по тогдашним понятиям, оказался старший брат Ленина — Александр Ульянов, студент старшего курса Петербургского университета, который в том же году, в котором умер его отец — в 1886 — стал членом террористической группы «Народной воли». Эта группа организовала заговор с целью убить Александра III. Заговорщики — пять человек вместе с Александром Ульяновым — были приговорены к смертной казни и в 1887 г. повешены. (Правительство дало слово матери помиловать сына, если он подаст прошение о помиловании на имя царя. Мать, на свидании, уговаривала сына сделать это, но сын отказался.) В том же году Ленин кончил гимназию. Вот с этих пор все остальные дети Ульяновых — их было теперь пятеро — два мальчика и три девочки — росли под возрастающим шоком трагической гибели их идеала и кумира Саши. Это и предопределило их дальнейшую жизненную карьеру, как и поведение самой матери. Она перенесла три тягчайших удара — в 1886 г. в 55-летнем возрасте умер муж, через год — в 1887 г. повесили сына, в 1891 г. умерла Ольга, любимая сестра Ленина. Вот с этих пор, надо полагать, дети начали думать о революции, но никак не раньше.

Есть свидетельство одной из сестер Ленина, которое присутствует во всех его казенных биографиях: когда казнили брата, Ленин якобы сказал — «мы пойдем другой дорогой»! Это, наверняка, семейная легенда. Не может семнадцатилетний абитуриент знать, какой дорогой он пойдет, то есть иметь отличную концепцию о путях и методах революции, чем ту, которую избрал его брат. Социологически, может быть, спорный, но психологически вполне понятный тезис мой гласит: если бы Александра не повесили, то Владимир Ульянов пошел бы по стопам отца — талантливого и верноподданого слуги его Величества. В огромной мифологии о революционном творчестве Ленина, в многотомных «Ленинианах», в многочисленных воспоминаниях его современников, не говоря уже о 55 томах его собрания сочинений и сорока томах «Ленинских сборников», нет и намека на то, что Ленин до казни брата интересовался марксизмом или собирался стать «профессиональным революционером». Советские биографы Ленина пишут: «От старшего брата Ленин узнал о марксистской литературе» (БСЭ, т. 14, третье издание). Где же здесь логика — младшего брата знакомит с марксизмом, а сам идет на виселицу за «Народную волю»? Из семейной хроники Ульяновых хорошо известно, что Володя обожествлял старшего брата, во всем подражал ему, мог бы, конечно, подражать ему и в революционной деятельности. Казнь царем брата вошла в сознание Володи потрясением, психологической травмой. Вот тогда из Володи Ульянова родился Ленин, который поклялся отомстить всему дому Романовых за своего брата-идола, имея все основания повторить гневные строки великого поэта:

«Самовластительный Злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей,
С жестокой радостию вижу».

Ленин не только увидел «смерть детей» вешателя своего брата царя Александра III, но он лично дал приказ убить не только сына Александра III — бывшего царя Романова Николая Александровича и царицу Александру Федоровну, но и их малолетних детей безо всякого суда и следствия. Это была бессмысленная жестокость и варварский акт, акт мести Романовым за своего брата. Троцкий предпочел записать в «Дневник», что он лично не причастен к этому злодеянию. Троцкий писал: «В один из коротких наездов в Москву — за несколько недель до казни Романовых — я мимоходом заметил в Политбюро (тогда Политбюро не было, было просто бюро ЦК — А. А.) что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предполагал открытый судебный процесс... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Конечно, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Вся? — спросил я.

— Вся, — ответил Свердлов, — а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях» (Л. Троцкий, Дневники и письма, Эрмитаж, 1986, стр. 100—101).

Сообщив, что он не участвовал в решении Ленина и Свердлова казнить царскую семью, Троцкий все-таки находил, что само это решение было «целесообразным и необходимым». Однако советское правительство побоялось сообщить стране и миру, что казнена вся семья. Было объявлено, что казнен только сам царь, а семья эвакуирована в другое место.

●

Опомнитесь! Что вы творите!..

Публикуемые письма из деревни в Кремль хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина среди сотен и тысяч других документов, сохранившихся и в этом и в других архивах страны, несмотря на многочисленные чистки, уничтожавшие именно живую память истории Октября — свидетелей и документы. Но даже сохранившиеся свидетельства времени были обречены на молчание, на хранение в архивах, как склепах для заживо погребенных. Так во всяком случае происходило еще год назад, когда вместо «Окаянных дней» Ивана Бунина, «Солнца мертвых» Ивана Шмелева, «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына продолжала выходить и множиться очередная художественная и историческая ложь, выдававшаяся за правду. И вот заговорили документы...

В письмах из деревни речь идет о событиях 1918 года, предшествовавших голоду в Поволжье 1921 года. Но уже в них нетрудно узнать как эти, так и все последующие миллионные жертвы необъявленной, тайной войны против народа, который начали душить голодом уже с первых же лет советской власти и «военного коммунизма».

Нэп был лишь маленькой передышкой между голодом 20-х годов и голодом 30-х годов.

Характерна и такая деталь — все эти письма в Кремль остались без ответа, как тысячи и миллионы других криков о помощи, о пощаде. Народ обращался в Кремль — и при Ленине, и при Сталине, не ведая, что участь его уже предрешена. Во имя светлого будущего он обречен на уничтожение.

Несколько слов об авторе этих кричащих посланий. Кирилл Михайлович Дробинин — земский деятель, исследователь старообрядчества и старый корреспондент В. Д. Бонч-Бруевича, признанного марксистского «религиоведа». Его последнее письмо к Бонч-Бруевичу, датированное 1921 г., полно и личного трагизма: на изорванном клочке бумаги Дробинин молит большевистского вождя ему «спасти жизнь», т. к. в тюрьме, куда его засадила Советская власть, здоровье его «крайне расшаталось». Видимо, и этот крик о помощи остался без ответа — по крайней мере, его нет в архивах Бонч-Бруевича, обычно тщательно хранившего копии собственных писем...

с. Петропавловское 21 апреля 1918 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Знаете ли вы, что сейчас творится в деревне? Именем Советской власти грабят и убивают, грабят не для того, чтобы наделить или накормить голодающих (которых так много!), а грабят отъявленные мошенники и тунеядцы, а ограбляют трудолюбивых, трезвых и вполне хороших людей («хозяйчиков», как сказал и приказал Ленин). Что вы хотите сделать из несчастной России? Какой ваш социалистический опыт над истерзанной страной? Видно ли вам там в Москве, во что претворяются на деле ваши лозунги? Нужно ли вам убить в корне трудолюбие? Сейчас грабят средних хозяев-крестьян: вот разграбили в нашей волости, дер. Пушкарей, Андрияна Пушкарева — это евангельский трудолюбец, носил всю жизнь лапти, имел пчел, накопил за всю свою долгую честную жизнь 20 кладух хлеба, за войну эти клади у него силой отобрали для войск, и он не спорил, а теперь под влиянием большевистской проповеди нагрянули «товарищи» и развезли все его добро — остаток хлеба, мед и проч., притом убили трех человек при дележе, самого Пушкарева избили. В каждом селении самосуды: в Сосновке «товарищи» присудили и публично отсекли голову сапожнику, в Потке в одну ночь убили 7 человек по подозрению в краже хлеба, в Пыхте расстреляли солдата за то, что боялись, как бы он не зажег их деревню. Ужас что творится! И нет ни малейшего сомнения, что это плод ваших декретов.

Опомнитесь! Что вы творите! Побойтесь Бога! Пробудите вашу Совесть! Вы хотите сделать для чего-то всех бедными. Но разве это идеал счастия? По-моему, каждый должен стремиться быть богатым — берите пример с себя, и разве бережливость, экономия, трезвость — есть преступление? А лень, пьянство, обжорство, распутство и проч. (отчего хулиганы — теперешние хозяева жизни — они же большевики) — не успели сберечь на черный день копейку— правы?... А кто привел страну к страшному голоду? Большевики, ибо они поддерживают великое зло хлебную монополию. Я ездил в Сибирь, в Омск, в Краевой Совет по поручению Вятск. продов. комит., за хлебом для обсеменения всей губернии. Хлеба там много, есть чем прокормить всю Россию, но нам дали крохи... везде взятки и взятки не как прежде, от 500 до 5 000 за вагон, и благодаря взяткам вместо хлеба везут табак (взятка 15 т. за вагон), вот вам диктатура пролетариата! Раньше если и брали, то брали по чину и уж не так зверски.

В Омске я слышал речь министра продовольствия Шлихтера, он уверял, что хлеб по дорогой цене 150—180 р. пуд покупают только богачи и что поэтому надо расстреливать спекулянтов-мешочников... Какое незнание жизни, если Шлихтер это говорил искренно, а не втирал очки. Как раз наоборот: богатые елико возможно заготовили хлеб по сравнительно дешевым ценам, а по бешеным ценам покупает

голь, ничего не запасшая, и ездят «мешочники» вовсе не спекулянты, за редкими исключениями — это отцы и матери голодающих детей... а у них красногвардейцы отнимают по 20 ф. и по 30 ф. муки, которую они везут за 2 000 верст. Если бы вы, Владимир Дмитриевич, видели, какие разыгрываются сцены в вагонах при отобрании хлеба, вы бы не удержались от слез, если вы мягкосердечны, или подставили бы свою грудь под расстрел, если вы честный человек! Потому чтобы достать 1 пуд муки, голодные едут в Сибирь, расходуя 100—200 руб. только на одну дорогу.

Не будь монополии, торговый аппарат все бы вовремя и по совести и без насилия сделал вовремя. Я вас давно знаю, глубоко уважал вас и теперь не понимаю, что вас заставило делать это великое зло всему несчастному темному, невежественному русскому народу. Опомнитесь и подумайте, что бы теперь сказал вам ваш друг Лев Николаевич Толстой?... Он бы осудил вас, и Горький — ведь отвратился же от вас, а ведь вы были его издателем.

Ради Воскресения Христова пожалейте русский народ и бросьте свои опыты над несчастной страной.

Уважающий вас К. Дробинин.

Село Петропавловское 9 июня 1918 г.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Получили ли Вы мою телеграмму от 1 июня с мольбою спасти меня от налета красногвардейцев, требовавших с меня контрибуцию в 10 т. р.

Член Сарапульского (Вятск. губ.) кредепа, некий Рубцов с 9 вооруженными матросами нагрянули на мирное наше село и, обходя справных мужиков, требовали от 25 р. — 50 р., 100 р., 500, 1000, 5000 и 10 т. р., грозя расстрелом. Меня схватили ночью с постели 4 вооруж. матросов, привели в волость и в присутствии председ. здешн. волос. комитета и членов, грозясь убить, размахивая револьвером, страшно матерясь, член Рубцов и матрос Балуев, оба пьяные, требовали немедленно уплатить 10 т. р. Рубцов приказал посадить меня в «темную» а на утро: « — сделать мне террор — размозжить голову!»

Кое-как я упросил отпустить меня домой и под конвоем 2-х матросов, ночевавших на моей постели, я провел ужасную ночь. Что делали с другими — не буду описывать. Владимир Дмитриевич! Вся моя земская 10-лет. деятельность протекла в борьбе с самодерж. властью, в борьбе за свободу; я был два года под надзором полиции. Меня не раз обыскивали. По моему предложению Вятс. Губ. Зем. Собрание ассигновало 100 т. р. на стипендии в университет беднейшим крестьянск. детям, стип. имени Льва Толстого. При царском режиме, я предложил на зем. собрании послать стражников и урядников жать на полосы солдаток, за что я был обыскан... Сколько раз я был командирован Земскими собраниями с разными более или менее либеральн. ходатаист. перед старым правительством, и наконец Вятс. исполн. губ. комитет командировал меня, именно меня, в Сибирь за хлебом.

И несмотря на это Красная гвардия содрала с меня 1000 руб. в счет контрибуции 10 т. р.

Что делает по деревням красная гвардия — страшно писать! Я отчасти знаю намерения Ленина разорить богатых мужиков, хотя не понимаю для чего. Ведь стремление всякого человека жить не по-скотски, а как можно лучше, будет всегда при каком угодно строе, и теперешние большевики, стоящие у власти, хватают деньги — грабят и раскладывают по своим карманам, а не раздают бедным.

Из кого состоят Советы и Красная гвардия? Здесь я нагляделся, это все отбросы общества, хулиганы, воры, пьяницы, убийцы. Если Ленину, Троцкому и Свердлову хочется восстановить царя, то заклинаю вас всемогущим Богом, что действиями красногвардейцев и контрибуциями они этого достигнут.

В 10-ти верстах от меня в Оханском уезде, Пермской губ. есть деревня Заболотово, хорошая русская хлебородная деревня. Туда нагрянул первый вор, пропойца красногвардеец Лещев (я его давно знаю) и стал обирать народ. Лещева мужики побили, но нетяжко. Тогда нагрянули из Оханска 45 красногвардейцев и стали обстреливать Заболотово, мужики и бабы побежали, 3-х неповинных убили, шестерых связали, проволокой, привязали к оглоблям и гнали до Оханска 60 верст, стегая нагайками. Один дорогой умер от истязаний, остальных расстреляли в Оханске, добивали в могиле.

Оханские красногвардейцы, штаб в ст. Верещагине, делают налеты на деревни с пулеметом, истязают мужиков и баб, отбирают не только деньги, а масло, говядину, холсты. И никакой в этом необходимости нет. Садят в арестантские, морят голодом, поят соленой водой (пишу факты), вымогая деньги, не выдают квитанции, угрожая смертью, если кто проболтается — сколько заплатил. Садили во время посева хлеба — в самое драгоценное время и пахари откупались за 800 руб., чтобы только успеть посеять хлеб. И это факты не единичные, а сплошные над всем населением.

В селе Петропавловском красногвардейцы собрали около 11 т. р., забрали себе лично 3000 р., председатель заплатил 300 р. за содержание и 800 р. за прогоны, а по-деревенски это большие расходы.

В Сосновке Сарапул. уезда красногвард. насиловали женщин и девушек-вотянок.

Зачем это, Владимир Дмитриевич?.. Я вас давно знаю, знаю за гуманнейшего человека, почему же допускается над несчастным русским народом такое бесчинство! Ведь это хуже татарской неволи, хуже шишей, налетавших во времена самозванщины, хуже пугачевщины...

Знает ли Ленин, как на самом деле в деревне, по его указанию, зорят деревенских «буржуев». Ведь это только хорошие, честные и трезвые хлеборобы.

Как раз разорили моего и отчасти вашего знакомого староверского наставника Петра Овчинникова (я вам рассказывал о нем и оставил вам его «цветничок»). У Овчинникова национализировали ржаную кладь 120 пуд., отобрали 29 пуд. пшеницы, посадили под арест и вымогают еще 500 руб. штрафа. Это просто трудолюбивый мужик, честный, прямой. Спасите его. Кленовской волости Оханского уезда Пермской губ.

Уважающий вас К. Дробинин.

(на письме заметка карандашом В. Д. Бонч-Бруевича — «переписать в пяти копиях и дать мне. В. Б.»)

ОР ГБЛ Ф 369 карт. 267 ед. хр. 11 лл 30—35.

Публикация А. Е. Виноградова.

Сергей Есенин и Айседора Дункан.

РОМАН ГУЛЬ

Есенин за рубежом

«Могучим русским лириком с исключительным даром чувства» называл Есенина Роман Борисович Гуль (1896—1986), известный прозаик, критик и мемуарист Русского Зарубежья, автор романов «Ледяной поход» (1921), «Генерал БО» (1929), «Скиф» (1931), «Тухачевский. Красный маршал» (1932), «Красные маршалы» (1933), «Дзержинский» (1936) и мн. др., художественной автобиографии «Конь Рыжий» (1952), критических книг «Одвуконь. Советская и эмигрантская литература» (1973), «Одвуконь два» (1982), «А. Солженицын в СССР и на Западе» (1975), с 1959 г. — редактор «Нового Журнала» в США. Р. Гуль был знаком с Есениным, писал, что «очень любит» его, неоднократно обращался к его творчеству в статьях и рецензиях и «вспомнил все» о встречах с поэтом в Берлине в 1922 и 1923 гг. в мемуарном очерке «Есенин в Берлине» (Роман Гуль. «Жизнь на Фукса». М.-Л. 1927).

Публикуемые воспоминания о поэте из 1 тома книги мемуаров Р. Гуля «Я унес Россию. Апология эмиграции». — «Россия в Берлине» (1981; впервые изданы в «Новом Журнале». Нью-Йорк. 1979. Кн. 136. С. 91—102, по тексту которого и воспроизводятся) наряду с впечатлениями от встреч с Есениным в Берлине включают скудно освещенные в биографии поэта эпизоды зарубежной поездки в Америку. При описании этих эпизодов Р. Гуль полагался на правдивость мемуарных записей знакомых Есенина — Вен. Левина, литератора, бывшего эсера, и А. Ярмолинского, заведующего славянским отделом Публичной библиотеки в Нью-Йорке — опубликованных в пятидесятые годы в русской эмигрантской периодике Нью-Йорка, и развивал созданную А. Дункан и С. Есениным легенду о припадках эпилепсии, которым, якобы, был подвержен поэт. В соответствии с характером включенных американских эпизодов и опытом прошедших лет Р. Гуль отредактировал и берлинские впечатления, добавив новые реплики Есенина о Троцком, собственном сыне и др.

Это было летом 1922 года. В «Доме Искусств» все уже знали, что в Берлин прилетел Сергей Есенин с Айседорой Дункан и они придут в «Дом Искусств». Народу собралось много. Шла обычная программа, но все явно ждали Есенина. И действительно, эти знаменитости приехали, но почти к концу вечера. По залу пробежали голоса: «Есенин, Есенин приехал».

Он вошел в зал впереди Айседоры. Она — за ним. Это пустяк. И все-таки характерный, муж с женой так не ходят. Есенин был в светлом костюме и белых туфлях. Айседора в красноватом платье с большим вырезом. Есенина встретили аплодисментами. Но далеко не все. Произошло какое-то замешательство, в публике были поклонники и противники Есенина. Во время этого замешательства и общего шума один больше чем неуравновешенный (умопомешанный) эмигрант (крайне правых настроений) вдруг ни с того ни с сего заорал во все горло, маша рукой Айседоре Дункан: «Vive L'International!» Это было совершенно неожиданно для всех присутствовавших, да, наверное, и для Айседоры. Тем не менее она с улыбкой приветственно помахала рукой в сторону закричавшего полупомешанного и крикнула: «Chantons-la!» Общее замешательство усилилось. Часть присутствовавших запела «Интернационал» (тогда официальный гимн РСФСР), а часть начала свистать и кричать: «Долой! К черту!»

Н. М. Минский неистово звонил, маша председательским колокольчиком, Есенин почему-то вскочил на стул, что-то крича об Интернационале, о России, о том, что он русский поэт, что он не позволит, что он умеет и не так свистать, а в три пальца. И заложив в рот три пальца, действительно засвистал, как разбойник на большой дороге. Свист. Аплодисменты. Покрывая все, Минский прокричал:

— Сергей Александрович сейчас прочтет нам свои стихи!

Свист прекратился, аплодисменты усилились. Стихли. А Есенин, спрыгнув со стула, подошел к председательскому месту и встал, ожидая полного успокоения зала. Оно воцарилось не сразу. Айседора села в первом ряду, против Есенина. И Есенин зачитал. Читал он не так хорошо, как Маяковский. Во-первых, голос не тот. Голос у Есенина был скорее теноровый и не очень выразительный. Но стихи захватили зал. Когда он читал: «Не жалею, не зову, не плачу / Все пройдет, как с белых яблонь дым...» — зал был уже покорен. За этим он прочел замечательную «Песнь о собаке». А когда закончил другое стихотворение последними строками: «Говорят, что я скоро стану / Знаменитый русский поэт» — зал, как говорится, взорвался общими несмолкающими аплодисментами. «Дом Искусств» Есениным был взят приступом.

В этот вечер я вблизи не видел Есенина. Мы скоро ушли своей компанией. А Есенина и Дункан Н. М. Минский (как рассказывает в своей английской книге «Багаж» Ник. Дм. Набоков, будущий композитор, будущий приятель С. Дягилева, И. Стравинского, а тогда просто молодой человек) познакомил с Набоковым, который должен был стать их провожатым в какое-то гомосексуальное кафе, что для московского гостя было «берлинской диковинкой». У Набокова об этом ночном путешествии рассказывается довольно подробно, но не очень убедительно, к тому же Есенина он почему-то называет Сергеем Константиновичем (видимо, производя это отчество от села Константиново — родины Есенина), а Минского — Михайловичем вместо Максимовича.

Вторично я увидел Есенина уже вблизи. Опять в «Доме Искусств». Он пришел туда с Александром Кусиковым. В зале было много народа. Был перерыв. Все стояли. Я стоял с М. А. Осоргиным. И когда Есенин (а за ним Кусиков) протискивались сквозь публику, Есенин прямо наткнулся на Осоргина.

— Михаил Андреич! Как я рад! — воскликнул он, пожимая двумя руками руку Осоргина.

— Здравствуй, Сережа, здравствуй, — здоровался Осоргин. — Рад тебя видеть!

— И я рад, очень рад, — говорил Есенин, — только жаль вот мне, что я красный, а ты — белый!

— Да какой же ты красный, Сережа? — засмеялся Осоргин. — Посмотри на себя в зеркало, ты же — лиловый!

Верно, Есенин был лиловат от сильной напудренности. И Кусиков был «припудрен», но не так обильно. Конечно, в те времена парикмахеры после бритья слегка пудрили ваше лицо, но потом обтирали салфеткой. Имажинисты же почему-то оба были не только не обтерты, но сами, видно, брились и пудрились. Это производило не очень приятное впечатление. Почему они этого не понимали — не ведаю.

Вот тут я Есенина разглядел. В письме к Ромену Роллану Максим Горький о Есенине пишет так: «Маленького роста, изящно сложенный, с светлыми кудрями... голубоглазый, чистенький... ему тогда было 18 лет, а в 20 он уже носил на кудрях своих модный котелок и стал похож на приказчика из кондитерской». Ничего схожего с этим портретом кисти Горького в Есенине я не увидел. Правда, ему было не 18—20 лет, а 27. Но «маленького» роста он не был. «Маленький» всегда нечто карликоватое. Есенин был «невысокого», но вполне нормального роста. Впечатления «маленького» никак не производил. «Изящного» в нем тоже ничего не было, и не знаю, было ли когда-нибудь. Был он сложен как-то по-крестьянски, хоть и одет в модный и дорогой костюм. «Голубоглазого» тоже не было. Глаза были какие-то тускловатые (может быть, девять — восемь лет тому назад он и был «голубоглаз»). Все лицо какое-то измученно-бледное (поэтому, может быть, и пудрился). «Светлые кудри» были, но тоже без яркости, а просто блондинистые волосы. Что мне показалось в лице неладным — низкий лоб, на который были приспущены волнистые волосы. От «приказчика из кондитерской» ничего в нем, конечно, не было. Это Горький от «социал-демократичности», наверное, написал. А котелок он, по-моему, никогда не носил, в Москве носил — «знаменитый» цилиндр («сын ваш — в цилиндре и в лакированных башмаках»). Об истории «цилиндров» рассказал Мариенгоф в «Романе без вранья».

На замечание Осоргина о «лиловости» Есенин ничего не ответил, помахал рукой, прощаясь, и они с Кусиковым ушли. С Кусиковым я был хорош, мы поздоровались.

Вскоре Есенин — через Кусикова — передал свою автобиографию в «Новую Русскую Книгу». Она была написана рукой, на небольших листах с отставленными друг от друга буквами и падающими вправо строками. По-моему, это была первая написанная им автобиография. В ней Есенин писал: «В РКП(б) никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее», в об имажинистах — «коммунисты нас не любят по недоразумению». Автобиографии в «Новой Русской Книге» печатались в отделе «Писатели о себе». Надо сказать, за ничтожными исключениями, все писатели в автобиографиях кривлялись, как могли, стараясь выпендриться перед всем светом, каждый по-своему. Увы, это дурная болезнь всех «публичных мужчин» (выражение Герцена). Когда кончилась «Новая Русская Книга», я взял себе рукописи всех автобиографий: Маяковского, Есенина, Пильняка, А. Белого, Кусикова, Эренбурга и мн. др. — и отдал переплести книгой. Книга вышла, действительно, литературно ценная, и привела моего друга художника Н. В. Зарецкого «в растройство нервов». Он стал ее выпрашивать: подари да подари, зачем тебе она, ты потеряешь, а я ее сохраню. Будучи человеком не архивным, я сдался и подарил ему рукописи автобиографий. Позднее Зарецкий передал эту книгу в знаменитый пражский эмигрантский архив, а во время войны этот архив захватили занявшие Прагу большевики. И весь архив — а в нем и книга автобиографий — ушел в Москву.

Итак, Есенин с Айседорой из Берлина — через Париж — отправились в Америку, взяв с собой, как переводчика «между ними», А. Ветлугина (В. И. Рындзюна), ибо Есенин ни слова не говорил по-английски, а Айседора коверкала два-три слова по-русски. Приехали «молодые» в Америку в конце октября 1922 года, в Нью-Йорк. Остановились — как и должно знаменитостям — в самом фешенебельном отеле Валдорф-Астория на Пятой авеню. У Айседоры был контракт — танцевать в ряде городов восточных и центральных штатов. А Есенину оставалось ее «сопровождать», что было, конечно, несколько унизительно, ибо возила его Айседора, как некую «неговорящую знаменитость», после своих выступлений выводя на сцену и представляя публике как «второго Пушкина».

Неудивительно, что именно тут, в Америке произошли самые буйные и безобразные сцены сего кратковременного брака. О них есть два рассказа — Вен. Левина, журналиста, стихотворца, левого эсера, имажиниста, ставшего в Америке эмигрантом, и Абрама Ярмолинского, переводчика на английский и литератора. Я бы обошел их, если б они не приоткрывали некую страшную подробность в жизни Есенина.

По окончании турне Айседоры, Есенину в Нью-Йорке удалось «разговориться». Он встретил прежнего приятеля Леонида Гребнева (Файнберга), который в Москве «ходил в имажинистах», а в Америке стал писать на идиш, сделав себе имя в еврейской печати. Встретил и другого «корешка» Вениамина Левина, бывшего левого эсера, с которым Есенин дружил в Москве 1918—20 годов. У еврейского поэта Брагинского, писавшего на идиш под псевдонимом Мани-Лейб, в скромной квартире, собрались еврейские поэты приветствовать Айседору Дункан и Сергея Есенина. Ну, разумеется, пили. А что же собравшимся вместе поэтам делать? Конечно, пить и читать свои стихи. Так и было.

Пьяный Есенин прочел отрывок из «Страны негодяев». По рассказу В. Левина, Есенин, читая, будто бы изменил одну строку в устах своего героя Замарашкина — «Я знаю, что ты еврей» — прочел не «еврей», а «жид». Думаю, что Левин говорит правду, ибо все последующее это подтверждает. Этой «переменой» евреи возмутились. А когда Айседора согласилась танцевать и начала танец, это привело пьяного Есенина в такое дикое бешенство, что, ругаясь матерной бранью, он бросился на нее с кулаками, грозя убить. Все пришли Айседоре на помощь, стали Есенина унимать. Но это было нелегко. В этой достаточно безобразной сцене Есенин будто бы пытался выброситься из окна, а Айседора дала понять, что он подвержен «припадкам» и посоветовала для его же пользы его связать. Но когда присутствовавшие начали вязать Есенина веревкой для сушки белья, он, естественно, пришел в еще большее бешенство, дрался, сопротивлялся, крыл схвативших его евреев — «проклятыми жидами!» Кричал — «распинайте меня, распинайте!» Обруганный «жидом» Брагинский будто бы дал Есенину пощечину, в тот плюнул ему в лицо. Вообще поэтическая вечеринка оказалась мало «поэтичной».

Но на другой день поэты, разумеется, примирились. Мани-Лейб с женой приехали к Есенину в отель восстановить дружбу. А душевно и физически разбитый Есенин написал Мани-Лейбу письмо, которое Ярмолинский приводит в подлинном его написании (со всеми ошибками и недописками):

«Милый, Милый Монилейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем я забыл потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня я лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сест. милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Мони Лейб! Ради Бога простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь. Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб. целые дома.

Что я могу сделать мой Милый Милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум подвергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий Вас Всех
Ваш С. Есенин.

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты братья. Душа у нас одна, но по-разному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький что-бы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо передайте всем мою просьбу простить меня».

Что в письме идет речь об эпилепсии — ясно. И Левин пишет, что когда он пришел к Есенину через два дня после вечеринки, тот ему сказал, что все это буйство на вечеринке кончилось припадком эпилепсии, которую Есенин унаследовал от деда. Мы знаем, что в одном из своих стихотворений Есенин писал — «одержимый тяжелой падучей». Но я всегда думал, что это только «стилистическая фигура», а никак не самая настоящая «медицина».

Еще более невероятное буйство произошло в Париже, когда Есенин и Айседора, вернувшись из Америки, остановились в фешенебельном Hotel Crillon. Здесь в своем пьяном безумии Есенин перебил зеркала, переломал мебель, Айседора спаслась бегством: бросилась вызвать доктора. Но когда вернулась, Есенина не застала, его арестовала французская полиция. Только с помощью каких-то влиятельных друзей Айседоре удалось освободить Есенина, тут же уехавшего в Германию, в Берлин, по пути в Москву.

Вторично я увидел Есенина (уже разорвавшего свой «брак» с Айседорой) в Берлине перед отъездом в Москву. В Шубертзале был устроен его вечер. Но это его выступление было мрачно. Кусиков рассказывал мне, что Есенин пьет в мертвую, что он «исписался», что написанные им стихи ничего не стоят. Когда Кусиков мне это говорил, я подумал: Моцарт и Сальери. Так оно и было. Ведь среди так называемых «людей искусства» подлинная дружба, да и просто настоящие человеческие отношения очень редки. Публичные мужчины подвержены какой-то душевной «проституции».

Шубертзал был переполнен. Тут уж привлекал не только Есенин-поэт, но и разрыв и скандал с Дункан. Это было размазано в газетах. Когда, встреченный аплодисментами, Есенин вышел на эстраду Шубертзала — я обмер. Он был вдребезги пьян, качался из стороны в сторону в в правой руке держал фужер с водкой, из которого отпивал. Когда аплодисменты стихли, вместо стихов Есенин вдруг начал ругать публику, говорить какие-то пьяные несуразности и почему-то, указывая пальцем на Марию Федоровну Андрееву, сидевшую в первом ряду, стал ее «крыть» не совсем светскими словами. Все это произвело гнетущее впечатление. В публике поднялся шум, протесты, одни встали с мест, другие кричали: «Перестаньте хулиганить! читайте стихи!» Какие-то человеки, выйдя ив эстраду, пытались Есенина увести, но Есенин уперся, кричал, кокотал, бросил, разбив, об пол свой стакан с водкой. И вдруг закричал: «Хотите стихи?!... Пожалуйста, слушайте!...»

В зале не сразу водворилось спокойствие. Есенин начал «Исповедь хулигана». Читал он криком, «всей душой», очень искренне, и скоро весь зал этой искренностью был взят. А когда он надрывным криком бросил в зал строки об отце и матери:

Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня

— ему ответил оглушительный взрыв рукоплесканий. Пьяный, несчастный Есенин победил. Публика устроила ему настоящую овацию (вероятно, к вящему неудовольствию Сальери).

Потом был вечер, на котором я познакомился с Есениным. Это было в зале Союза Немецких Летчиков. Уж не помню, кто устраивал вечер, кажется, газета «Накануне». Народу была тьма. Все сидели за столиками. Кто-то выступал: кажется, Толстой, Кусиков, кто-то еще. Последним выступил Есенин, впервые прочтя «Москву кабацкую». И что там ни говори, но в его чтеньи была настоящая сила искусства.

После выступлений все занялись едой и питьем. Наш столик (со мной был Корвин-Пиотровский, актриса Оля Протопопова, кто-то еще) был напротив столика, за которым сидели — Толстой, Крандиевская, Кусиков с какой-то

очередной брюнеткой и Есенин. В зале играл оркестр. Есенин — по виду — был уже пьян, вскидывал головой, чему-то улыбался, смотрел в пьяное пространство. Потом вдруг встал со стаканом в руке, пошел нетвердой походкой. Подойдя к нашему столику, остановился и, обращаясь ко мне, проговорил с пьяной расстановкой:

— У вас очень хорошее лицо. Давайте познакомимся. Я — Есенин.

Я был тоже нетрезв, но, конечно, не так.

— Давайте познакомимся.

Мы пожали друг другу руки, и Есенин также пьяно пошел куда-то в коридор с фужером в руке. Здесь я уже совсем близко разглядел Есенина: мелкие черты несколько неправильного лица с низким лбом, лицо приятно-крестьянское, очень славянское с легкой примесью мордвы в скулах. В отрочестве и юности Есенин вероятно был привлекателен именно так, как пишут о нем, знававшие его в те времена. Сейчас лицо это было больное, мертвенно-бледное с впалыми щеками. Честно говоря мне было его жаль, в нем было что-то жалостливое, невооруженным глазом было видно, что этот человек несчастен самым настоящим несчастьем. Когда он вернулся в зал, кто-то заказал оркестру трепак. Трепак начался медленно, «с подмывом». Мы все, окружив Есенина, стали просить его проплясать. Есенин стоял, глядя в пол, потом улыбнулся. Но темп был хорош, подмывист, и вдруг Есенин заплясал. Плясал он, как пляшут в деревне на праздник — с коленцем, с вывертом. Окружив его кольцом, мы кричали:

— Вприсядку, Сережа! Вприсядку!

И вдруг смокинг Есенина легко и низко опустился и он пошел по залу присядкой. Мы подхватили Есенина — под гром аплодисментов — под руки. И все пошли за общий стол. Тут помню, почему-то заговорили о советских поэтах. Я похвалил В. Казина за его «Рабочий май» («Почтальон пришел и зачарованный, / Пробежав глазами адреса, / Увидал, что письма адресованы / Только нивам да лесам»). Но Есенин вдруг недовольно замахал рукой:

— Да что вы, да что это за поэты! Да это все мои ученики. Я же учил их писать! Да нет же, они вовсе не поэты...

И я понял, что Есенин тоже болен профессиональной дурной болезнью «публичных мужчин»: не выносит похвал другим «публичным мужчинам».

Толстой с Крандиевской уехали. Уставшие злые лакеи умышленно громко собирали посуду, звеня тарелками. Я шел в подпитии по пустому залу. И вместо того, чтобы попасть к нашему столику, вошел в коридор, где лакеи составляли посуду. Тут на столе сидел Есенин и сидя спал. Сидел по-турецки, подвернув под себя ноги, как сидят у костра крестьянские мальчики в ночном. Рядом с ним стоял фужер с водкой и сидел Глеб Алексеев.

— Алексеев, — сказал я, — его надо увести.

— Он спит, — сказал Алексеев.

— Ну, разбуди его, ведь скоро же запрут зал...

Есенин не слышал. Лица его не было видно. Висели только волосы. Алексеев разбудил его. Есенин спрыгнул со стола, потянулся и сказал как в просонье:

— Я не знаю, где мне спать.

— Пойдем ко мне, — сказал Алексеев.

И мы вышли втроем из Дома Немецких Летчиков. Было часов пять утра. Фонари уж не горели. Берлин был коричнев. Где-то в полях, вероятно, уже рассветало. Мы шли медленно. Алексеев держал Есенина под руку. Но на воздухе он быстро трезвел, шел тверже и вдруг пробормотал:

— Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн... (Троцкий. — От ред.)

— Да что ты, Сережа? Ты что — антисемит? — проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто с яростью, закричал на Алексеева:

— Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарежу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другое, он правит Россией, а не должен ей править... Дурак ты, ничего этого не понимаешь...

Алексеев старался всячески успокоить его, и вскоре раж Есенина прошел. Идя, он бормотал:

— Никого я не люблю... только детей своих люблю. Дочь у меня хорошая... — блондинка, топнет ножкой и кричит: я — Есенина!... Вот какая у меня дочь... Мне бы к детям... а я вот полтора года мотаюсь по этим треклятым заграницам...

— У тебя, Сережа, ведь и сын есть? — сказал я.

— Есть, сына я не люблю... он жид, черный, — мрачно отозвался Есенин.

Такой отзыв о сыне, маленьком мальчике, меня как-то резанул по душе, но я решил «в прения не вступать»... А Есенин все бормотал:

— Дочь люблю... она хорошая... и Россию люблю... всю люблю... она моя, как дети... и революцию люблю, очень люблю революцию, а вот ты, Алексеев, ничего-то ты во всем этом не понимаешь... ничего... ни хрена...

Уже начало рассветать. Берлин посветлел. Откуда-то мягко зачастили автомобили. Мы остановились на углу Мартин-Лютерштрассе. Я простился с Есениным и Алексеевым, и повернул к себе — к Мейнингерштрассе. Идя, я все еще слышал голос Есенина, что-то говорившего Алексееву.

Потом я видел Есенина раз у Кусикова. Там — пилось и елось. Кусиков пел цыганское под гитару, свой собственный романс «Обидно, досадно, до слез, до мученья, / Что в жизни так поздно мы встретились с тобой!» И рассказывал, что когда он приходит в русский ресторан «Медведь» (недалеко от Виттербергплац), то оркестр сразу же мажорно встречает его этим романсом «Обидно, досадно». Есенин под балалайку пел частушки собственного сочинения:

> У бандитов деньги в банке,
> Жена, кланяйся Дунканке!

Это было совсем уже перед его отлетом в Москву. В сентябре 1923 года Есенин туда улетел. А в декабре 1925 года в Ленинграде повесился. («До свиданья, друг мой, до свиданья...»)

Хоть роман Айседоры с Есениным и окончился мрачно, все же она полетела в 1923 году вслед за ним. Айседору я видел в Берлине на ее выступлении. В большом зале под оркестр Айседора танцевала «Интернационал». Говорят, в Москве ее «Интернационал» был так успешен, что его смотрел даже (...) Ленин. Есть такая статья в журнале «Музыкальная жизнь»: Ленин смотрит «Интернационал». А литературный болтун Луначарский так писал об Айседоре: «В центре миросозерцания Айседоры стояла великая ненависть к нынешнему буржуазному быту. Ей казалось, что и нынешняя биржа, и государственная чиновничья служба, и современная фабрично-заводская работа, и весь уклад обывательской жизни, все, за исключением некоторых, по ее мнению, оставшихся здоровыми частей деревни, представляет из себя грубый и глупый отход от природы. Весь мир казался ей совершенно так же, как Карлейлю и Рескину, изуродованным капитализмом!» Вот как! О литературной пошлости Луначарского за рубежом была напечатана убийственная статья М. А. Алданова, разбирающая «художественное (драматическое) творчество» этого большевистского пошляка и пустозвона, кого сам Ленин называл «наша балерина».

Глядя на танцевальный «Интернационал» Айседоры, я чувствовал какую-то неловкость за эту в былом большую артистку. Тяжеловесная, с трясущимися под туникой грудями, Айседора выделывала какие-то па, бегала по сцене, принимала какие-то позы: и все это долженствовало «выявить мощь пролетариата». Бедный пролетариат! И бедная Айседора, как все артисты, не могшая вовремя уйти со сцены. Много позднее я прочел ее прекрасные воспоминания. Это было уже после страшной трагической смерти Айседоры Дункан. Некоторые говорят, что смерть Айседоры была неслучайной. Я этого не думаю. Ее задушил собственный длинный шарф, попавший в колесо автомобиля.

Вступление и публикация Н. Шубниковой-Гусевой.

Соль на рану...

Письма — это диалог, спор, встреча с едино или инакомыслящими, принимающими или не принимающими позицию журнала (если, конечно, таковая есть). Но вести такой разговор с читателями в наше время стало не так-то просто. Политизация, как нервный паралитический шок, поражает сознание, загоняет в тупик, лишает возможности чутко услышать, справедливости ради понять друг друга. Политизация вносит зловещее разделение на «наших» и «ненаших», на «красных» и «белых», на «демократов» и «патриотов», на «прогрессистов» и «консерваторов», а в республиках — на «коренное» и «русскоязычное» население. Политизация разводит людей по разные стороны баррикад, готовя очередные кровавые революционные взрывы...

Все это каждый из нас так или иначе осознает, и все-таки каждый невольно втянут в роковую воронку... В том числе и наш журнал, который не существует в безвоздушном пространстве, вне пределов досягаемости бушующих страстей.

А потому гневные письма тоже не редкость в нашей почте. «Манифест невежды», — так называет экономист А. С. Якимов из Бендер опубликованный нами «Манифест социальной оппозиции» Александра Зиновьева (1990, № 11), доказывая научную несостоятельность зиновьевской концепции. Но в том-то и дело, что наша публикация была вызвана вовсе не тем, что мы считаем «Манифест» Александра Зиновьева истиной в последней инстанции, а тем, чтобы сделать д о с т о я н и е м   г л а с н о с т и этот оригинальнейший документ современной оппозиции. Не менее резкие, непримиримые отзывы вызвал цикл статей Владимира Бондаренко, что для нас, естественно, тоже не было неожиданностью. Полемические статьи для того и существуют, чтобы вызывать п о л е м и к у. Впрочем, причины читательского гнева бывают порой самые неожиданные. Юрий Леонидович Семкин из Судака не стесняется в выражениях:

«В этом году журнал от номера к номеру становится просто невыносим. В № 11—90 я не стал читать ничего кроме напоминания об абонементах. Вас просто зациклило «От Февраля до Октября». Вы вполне заслужили новое название: журнал «До и после революции».

И такая позиция вполне понятна. «Я тщательно избегаю революционно-лагерных публикаций, — продолжает он, — а вы только и делаете, что „соль на рану“. Что там вообще искать в этом „славном“ периоде? Одна чернота. Так бы и назвали рубрику — „Чернота“. И три первые книжки библиотечки „Слово“ опять на эту тему. Наваждение какое-то. Пожалуйста, переверните пластинку».

Вместо всей этой «черноты» Ю. Л. Семкин предлагает ввести раздел «Великие книги человечества», опубликовать Библию, Талмуд, Коран, Упанишады. «Еще предлагаю, — добавляет он, — новый раздел „Высота“ или „Высоты духа“. Здесь нашлось бы место и Н. Рериху, и Свами Прапхупаде. Кстати, нам на селе Бхагавадгита тоже недоступна. Познакомьте с ней хотя бы фрагментарно. Очень прошу дать абонемент на книгу Ницше „Так говорил Заратустра“.»

Первые номера «Слова» за 91-й год, по всей видимости, еще более разочаруют Юрия Леонидовича, поскольку мы не только не отказались от «живого уголка», как он называет прошлогодние публикации, но по многочисленным предложениям читателей расширили его, сменив рубрику «От Февраля до Октября» новой — «Архив Русской Революции». И сделали это абсолютно сознательно, поскольку убеждены, что горькую историческую правду мы — все без исключения — должны выпить до дна. Иначе никакие публикации «Великих книг человечества» не спасут нас от новых революционных экспериментов, новых диктатур, нового террора (неважно во имя каких «благих» намерений). В прошлогодних публикациях мы лишь едва прикоснулись к одной из самых болевых точек нашей истории. Все, что предстоит вам прочитать в 1991 году, — гораздо страшнее. Да только спрятать голову нам не удастся ни в «Упанишады», ни в Коран, ни в Библию, поскольку это наша трагедия, наша боль. Так что уж простите и поймите нас, Юрий Леонидович, и другие подписчики, разделяющие его точку зрения, если мы продолжим эти исторические публикации.

Впрочем, редакция не ограничивается только историей, мы пытаемся посильно привнести на страницы журнала и духовную пищу, которая, как нам кажется, и может способствовать преодолению, противостоянию черной бездне. «Слово» в каждом номере публикует «Закон Божий», который дополняет рубрики «Жития святых», «Подвижники», «О Христе с любовью», причем с в я т ы х   и   п о д в и ж н и к о в нашего века, таких как патриарх Тихон, епископ Вениамин (материал о нем по архивам КГБ будет опубликован в номере пятом), а с этого номера мы начинаем публикацию духовного манифеста великого русского философа Ивана Ильина, в котором сформулирована программа созидания новой России, России будущего.

Правда, и в этом случае мы тоже рискуем получить гневные письма и отказы от подписки, теперь уже не из-за революционной «черноты», а из-за нашего неотступного русофильства (можно подумать, что, живя в сегодняшней России, нужно быть непременно западником — германофилом или англофилом). Радиостанция «Свобода» уже клеймит нас в одной обойме с журналами «Наш современник», «Молодая гвардия», «Кубань». Мы от товарищей не отрекаемся. Но озлобленность прозвучала не случайно. В номере десятом за прошлый год и в номере третьем за этот журнал опубликовал материалы Русского Зарубежья о делах Русской Службы «Свободы». И опубликовал именно для того, чтобы донести до читателя иную точку зрения на передачи этой радиостанции. Но, опять же, не былые ругательства времен застоя, а точку зрения многих русских эмигрантов, в том числе и А. И. Солженицына. Ответ последовал незамедлительно в обычной для этого радиоголоса форме наклеивания русофобских ярлыков.

Читательская почта тоже отметила статью мюнхенского публициста Михаила Назарова о русофобии «Свободы». «Подписавшись на „Слово“, — пишет Ю. Л. Струков, студент-историк из Воронежа, — я хотел получить доступ к памятникам человеческой мысли прошлого и настоящего. Причем определенного содержания: общечеловеческие ценности, свобода личности, неприятие любых форм насилия над человеком. И надо сказать, в большой степени это удалось благодаря журналу. Но в то же время я не могу принять проводящуюся вами в одной линии с журналами „Наш современник“, „Молодая гвардия“, „Москва“, газетой „Литер. Россия“ политику заскорузлого русофильства. Причем с монархическим уклоном. Явная поддержка ваша антисемитизма. И что бы вы ни говорили в протест, именно это видишь, читая статьи М. Назарова „О ра-

диоголосах, эмиграции и России", В. Бондаренко „Кредо плюралистов" и других».

Это лишь небольшой фрагмент из обстоятельного письма, в котором студент-историк со знанием дела излагает общепринятые стереотипы об отсталости, обреченности России. Наш журнал действительно принадлежит к числу немногих средств массовой информации, не поддавшихся этой антирусской истерии. Только при чем здесь антисемитизм и монархизм?! Понятно, когда такие обвинения звучат из уст бывшего комсомольского пропагандиста, а ныне руководителя Русской Службы радиостанции «Свобода» Владимира Матусевича. Это его профессия — контрпропаганда, только теперь направленная уже не против империализма США, а против имперской России. В этом отношении «Слово» может заявить своим читателям со всей определенностью, что наш журнал не допускал и никогда не допустит на своих страницах оскорбления чести и достоинства любой нации. Только с одной оговоркой: мы не видим никакой разницы между армянофобией, арабофобией, юдофобией или русофобией. Все формы национальной ненависти и расизма нам одинаково чужды. Духовность — это и есть народное, национальное. Подлинная духовность сближает, а не разъединяет народы. Разъединяет — антидуховность, то есть — ненависть, злоба.

Такова позиция нашего журнала по столь обостренному ныне национальному вопросу.

А потому нам близка боль В. Н. Соловьевой из Краснодара, обратившейся в редакцию с просьбой: «Прошу Вас возвысить свой голос, глубоко уважаемый мною, в защиту русских, которых все больше и больше стали относить к русскоязычному населению. Даже глава России не удосуживается уважать русских и произносить «русские и русскоязычное население». Я русская, я не хочу быть русскоязычной. Прикрываются тем, что сокращенно называют всех, кто говорит на русском, но почему-то не применяют это сокращение ни к латышам (прибалтоговорящие), ни к грузинам и осетинам (грузиноговорящие или закавказскоговорящие) и т. д. Всех боятся обидеть и унизить, только русских до сих пор не боится пинать даже собственный глава государства».

«Прочитала почти все публикации; долго и с грустью рассматривала „Уничтоженные святыни". И, конечно, не могла без волнения читать Вл. Бондаренко „Гримасы образованщины". Как всегда у него — честно, принципиально и объективно... Спасибо Вам за интересный журнал — чистый, патриотический и прекрасный!» — это строки из письма Надежды Степановны Толмачевой из Свердловска (Екатеринбурга). И таких писем, поддерживающих патриотическую позицию журнала, абсолютное большинство.

Взвесив «за» и «против»

Многие письма касаются более локальных тем: шрифта, подписки, доставки, абонементов на книги.

«Я бьюсь уже почти 11 месяцев, написал 24 жалобы и 1 телеграмму. Все как в стену. Мне недодали: журнал «Москва» №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7; «Аврора» №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7; «Слово» №№ 2, 3, 4, 5, 6... 10 жалоб я написал в Союзпечать Москвы и Ленинграда, 2 жалобы министру связи СССР. Никакой реакции», — сообщает пенсионер-инвалид Аркадий Владимирович Мирзабеков из Ялты.

«Я не подписался на Ваш журнал на 1991 год, хотя журнал великолепен. Не подписался ни на один журнал, и не потому что денег жалко. Потому что доставка отвратительная. Лишь нервы портишь», — это строки из письма Николая Петренко из вахтенного поселка Пионерский Томской области.

Такие письма, увы, отвечают реальности нынешнего состояния монопольной «Союзпечати», которая, несмотря на повышение цен за свои услуги, до сих пор не выполняет обязательств перед подписчиками.

Уже сейчас можно подвести некоторые итоги нашего эксперимента с абонементами. Из 238 тысяч подписчиков прошлого года абонементами на «Окаянные дни» И. А. Бунина воспользовалось около 70 тысяч, на воспоминания Анны Вырубовой — более 100 тысяч. Хотя мы ожидали большее количество заказов. Видимо, сама форма приобретения книг по абонементам еще слишком непривычна, особенно для дальних уголков, собственно, ради этих подписчиков мы и старались прежде всего. Но доступность, возможно, вызывает обратный психологический эффект: наш книжник уже привык к дефициту, к тому, что ценность книги зависит от трудности в ее приобретении. А здесь все наоборот, все слишком просто: заполнил талон и получил книгу по почте...

Есть и другие причины. Более того, случаи отказа.

«В сентябре этого года посылала Вам абонемент на книгу И. А. Бунина «Окаянные дни» с надеждой получить **именно книгу**, а не брошюру, которую Вы мне прислали. Материал указанной брошюры печатался в журнале «Слово», который я выписываю, и второй экземпляр мне не нужен. Поэтому высланную Вами мне брошюру отсылаю обратно и прошу вернуть мне ее стоимость, оплаченную на почтовом отделении, т. е. 4 р. 98 коп. Квитанции об оплате прилагаются. Днепропетровск».

«Раньше я посылал вырезной талон из «Слова» на книги И. Бунина и Вырубовой, но теперь, критически все обдумав и взвесив «за» и «против», и не желая поддерживать спекулянтов (имею в виду так называемые «кооперативные издательства»), — я прошу **анулировать оба** моих заказа. Платить 10 руб. за **2 тонкие** книжки я не намерен (к тому же это 2/3 стоимости подписки на «Слово» на 91 г.!!). А о будущих выпусках я крепко подумаю. Прошу прощения за беспокойство!... Москва».

«Я очень люблю книгу и собираю их более полувека. А хорошую еще и ценю. А вот только сегодня получил от Вас книжонку — да, да! книжонку! — «Окаянные дни» И. А. Бунина в тонком бумажном переплете за пятерку! Ведь книга, кроме того, что она ценна по содержанию, должна быть красивой. Так что прошу Вас, не высылайте мне заказанную книгу Вырубовой. Я такие книги иметь не желаю. С уважением. ... пос. Карамышево, Псковской обл.».

Письма разные, но причины отказов во многом совпадают. Каждому хочется иметь в своей домашней библиотеке добротные книги, а не брошюры и не книжонки. Но в данном случае редакция опубликовала абонементы на репринтные издания, то есть воспроизведения подлинников. Не говоря уже об уникальности самих текстов, впервые опубликованных без каких бы то ни было цензурных купюр.

Что же касается явно завышенных цен, то по этому поводу редакция уже объяснялась с читателями (см. № 12/1990), что это от нее не зависело, равно как и общее повышение цен на журналы, газеты, книги. Только вместе с читателями мы можем противостоять этому государственному и кооперативному мародерству, превратившему издательское дело в средство легкой наживы. Но проблема гораздо сложнее. Эскалация цен на книги отобьет саму охоту (да и возможность) приобретать их. Если раньше наша страна, при всех ее бедах, оставалась читающей державой, то теперь, похоже, мы перестанем быть таковой. Новые, так называемые договорные цены (непонятно только: кто с кем и как договаривается, минуя покупателя) превратят вскоре книгу не в предмет необходимости, а в предмет роскоши.

Но и это еще далеко не все, что нас ждет при «рыночной» экономике в печати. Известно, что вслед за «Союзпечатью», потребовавшей своей пятидесятипроцентной «доли» со всех периодических изданий, свой ультиматум предъявили бумажники, увеличившие цены на бумагу в пять-шесть-десять раз. И сделали они это не до, а после подписки на газеты и журналы, когда уже ничего изменить нельзя. В результате практически все периодические издания оказались убыточными, то есть в условиях «рынка» они должны потерпеть крах, прекратить свое существование. Подчеркиваю — все: и «толстые», и «тонкие», и «правые», и «левые» журналы, все газеты и еженедельники. Даже «Огонек» и «Юность» с их миллионными тиражами — обречены. Выживет, по всей вероятности, только тот, кто найдет богатого спонсора, заинтересованного в рекламе, в политической трибуне. Одним словом, кто заплатит за прессу, тот и будет заказывать «музыку», диктовать свои условия. Коммертизация задушит зарождающуюся свободу слова не хуже, если не лучше былых идеологических запретов. Нас пока еще не задушили, но первый номер журнала подписчики получили лишь в марте, и второй тоже запаздывает совсем не по нашей вине.

Дай-то Бог, конечно, если все происходящее с прессой лишь очередная случайность, очередное роковое стечение обстоятельств!.. Дай Бог!

Мальчик нашел пулемет...

«Если каждая газета и журнал будут писать, что говорят на улице или в деревне, то что это будет? Мы много говорим только о культуре, о чести, достоинстве человека, а тут же пишем в журналах то, что не вяжется одно с другим... Комендаитов А. Д., Курганская обл.»

«Цивилизованный человек может одновременно любить и искусство, и природу, и что-то скоромное. Несколько перефразируя слова известного советского органиста Л. Ройзмана, можно сказать: „Отрицание за жанром права на существование говорит прежде всего о недостаточном знакомстве с этим жанром". Горшков С. Н., Ленинград».

Это строки из писем об одной и той же публикации — детских «страшилок» или «садистских» частушек в № 11/1990. Публикуя их, редакция, конечно же, вполне осознавала, что, с одной стороны, это наше дело — заботиться о чистоте, о нравственности слова, но, с другой стороны, — «эстетический шок» иногда тоже необходим. Да, некоторых читателей покоробила как эта, так и некоторые другие наши «вольности». Тем более, что почти одновременно подобная публикация частушек появилась в «Огоньке», с которым «Слово», естественно, не собирается конкурировать по части «чернухи». И вдруг...

Но в том-то и дело, что без таких «вдруг» журнал ограничил бы себя кругом узкопрофессиональных издательских, литературных и критико-библиографических проблем, оставаясь, как и раньше, в разряде ведомственных изданий. А журналистский поиск — это всегда риск, нарушение писаных или неписаных «правил», идеологических или психологических табу. Другое дело — ради чего ведется этот поиск, какие задачи ставит перед собой редакция? Разрушительные или созидательные...

«Я глубоко благодарна журналу «Слово» за интересные и волнующие публикации. И мне хочется, чтобы число Ваших подписчиков росло, чтобы как можно больше людей приобщалось к ценностям культуры, философии, истории и литературы, освещаемых Вашим журналом. Понимаю, что такой серьезный журнал, как Ваш, не может иметь огромного тиража и случайных подписчиков. И тем не менее...» — обращается в редакцию пенсионерка М. Л. Хлыстакова из Новосибирска.

Сохраняя серьезность, «Слово», тем не менее, попыталось расширить круг читателей. В 1990 и в 1991 году это удалось...

Конечно, серьезность предполагает еще и добросовестность, отсутствие опечаток, ошибок, на что обращает внимание Д. А. Гоголев из Тюмени: «Я второй год читаю Ваш журнал! Каждый номер радует глаз. Видно, что творческий коллектив редакции журнала немало сил прикладывает для того, чтобы журнал нравился читателю. Порадовал и номер, посвященный Ивану Бунину. Если бы не одно «но». Читая один из номеров «Литературной газеты» (№ 49 за 1990 г.), с удивлением обнаруживаю, что некоторые литературные произведения Бунина, о которых журнал пишет, что они напечатаны в «Слове» впервые, уже печатались в СССР. Вроде бы мелочь, ну, проглядели. Но авторитет журнала складывается из таких мелочей. Поэтому желаю журналу, оставаясь Вашим большим другом, быть чуточку повнимательнее».

Совершенно согласны, работникам редакции необходимо быть не чуточку, а максимально внимательными к каждой «мелочи». Хотя упомянутая заметка в «Литгазете», в свою очередь, сама неточна. Под публикацией «Гегель, фрак, метель» не стоит сноска «В СССР публикуется впервые», эта сноска относится только к бунинским этюдам «Под серпом и молотом» и «Русь», которые в нашей стране действительно никогда не издавались по идеологическим причинам. Точно так же впервые «Слово» напечатало полностью, без единой купюры, знаменитую бунинскую речь «Миссия русской эмиграции». На все это мог бы обратить внимание автор заметки в «Литературке» хотя бы объективности ради. Но в том-то и дело, что перед ним стояла совсем иная задача: «уличить, разоблачить», подорвать тем самым авторитет журнала. Это обычный прием, когда вместо спора по существу, стараются поймать оппонента на какой-нибудь «мелочи», дискредитировать его.

Так что все это для нас тоже отнюдь не новость. Журнал готов вести полемику с любым оппонентом, но только открытую и честную, без использования всякого рода ударов «ниже пояса».

А за ошибки приносим читателям свои извинения. Они были. Но не ошибки, не огрехи, как мы надеемся, определяют лицо журнала. Об этом свидетельствуют письма читателей. В прошлом году редакция получила более двух с половиной тысяч писем с различного рода откликами, предложениями, размышлениями, замечаниями, не говоря уже о записках из зала на встречах с читателями, которые журнал проводит постоянно в разных городах страны (только в 1990 году такие встречи прошли в Москве, Ленинграде, Кемерово, Барнауле, Вытегре, Дубне, Ельце, Туле, в Оренбургских станицах, в Благовещенске, во Владивостоке, в Архангельске, Минске, Риге), в общей сложности на них присутствовали тысячи читателей. Именно читательские письма и встречи помогли нам в выработке программы 1991 года, а уже в 7—8 номерах журнал представит на обсуждение читателей свою программу 1992 года.

ВИКТОР КАЛУГИН

СЛОВО

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов, главный редактор
Виктор Калугин, заместитель главного редактора
Артемий Игнатьев, главный художник
Владимир Бондаренко, обозреватель
Алексей Тимофеев, обозреватель
Елена Егорунина, обозреватель
Юрий Черлелевский, обозреватель
Марина Подгорская, заведующая секретариатом

Художественно-технический редактор Е. М. Верба
Технический редактор Н. Н. Козлова
Корректор М. Х. Асалиева

Сдано в набор 23.01.91.
Подписано в печать 5.03.91 г.
Формат 84×108/16.
Бумага Знамвнская 100 гр.
Печать глубокая и офсетная.
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 12,70+0,9.
Тираж 180 000.
Заказ 1926.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции
129272, Москва,
Сущевский вал, 64.
Телефон для справок:
281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 170024, Тверь, проспект Ленина, 5.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться на Тверской полиграфкомбинат по адресу, указанному в выходных сведениях.
Вопросами подписки и доставки журнала занимаются предприятия связи.

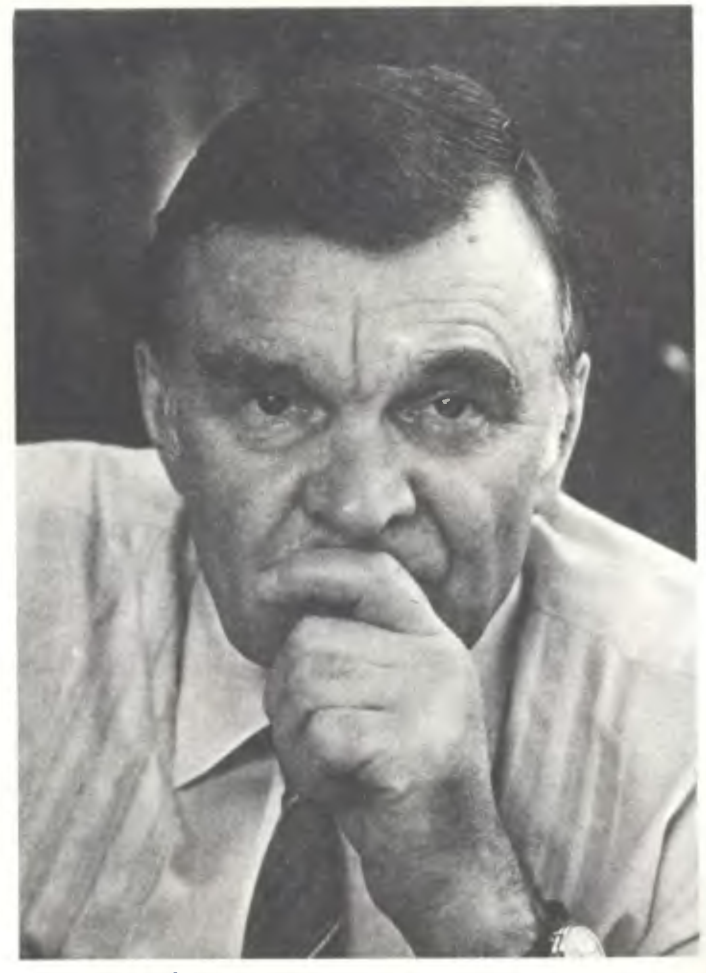
Литературно-художественный и общественно-политический журнал.
Учредители — Госкомпечать СССР и трудовой коллектив редакции журнала.
Издается с сентября 1936 года.
№ 4. 1991
Издательство «Книжная палата», журнал «Слово», 1991.

В НОМЕРЕ

НАШИ АВТОРЫ — ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Валерий Гаврилин, композитор
Эльвира Горчакова, искусствовед
Ольга Жохова, художник
Анатолий Заболоцкий, кинооператор
Василий Звонцов, художник
Сергей Кибальник, литературовед
Александр Киселев, кинорежиссер
Вячеслав Клыков, скульптор
Борис Козмин, искусствовед
Виктор Коноплев, фотохудожник
Владимир Коркодым, художник
Павел Кривцов, фотохудожник
Владимир Минин, дирижер
Андрей Мыльников, художник
Георгий Поляченко, музыковед
Виталий Ремизов, литературовед
Юрий Садовников, фотохудожник
Елена Сапогова, артистка
Валерий Сергеев, искусствовед
Георгий Свиридов, композитор
Татьяна Синицына, артистка
Геннадий Сорокин, художник
Евгений Ташков, кинорежиссер
Дмитрий Трубин, художник
Сергей Харламов, художник
Виктор Харпов, художник
Вячеслав Чернушенко, дирижер
Савелий Ямщиков, искусствовед

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ
Юрий Бондарев



Дорогим читателям «Слова» — с милосердными пожеланиями добра, удач и душевного равновесия.